

ОШО
ГУСЬ СНАРУЖИ
Ответы на вопросы (1-10 марта 1981 года)

Перевод Свами Вит Праяс, Ма Дхиян Шамина

The Goose is Out
Osho International Foundation, 1981

СОДЕРЖАНИЕ

1. Гусь снаружи!
2. Просто смотри
3. Нет вершин, нет долин
4. Трансцендентальность ведет к сути будды
5. Совершенно несовершенный
6. Я воспеваю обыкновенное
7. Только одно время: СЕЙЧАС
8. Измерение непостижимого
9. Наслаждаясь, чтобы оставить
10. Растворяясь в моих людях

ГЛАВА 1

ГУСЬ СНАРУЖИ!
(1 марта 1981 года, утро)

Первый вопрос:

Ошо, гусь действительно снаружи?

Ананд Бхаво, гусь никогда не был внутри, гусь всегда был снаружи. Это коан Дзен. Сначала вы должны понять значение Дзен и значение коана. Дзен это не религия, не догма, не вероучение, Дзен это даже не поиск, не исследование; он не философичен. Основа подхода Дзен в том, что все так, как и должно быть, ничего не упущено. В этот самый момент все совершенно. Цель не находится где-то в другом месте, она здесь, она сейчас. Завтра не существует. Этот самый момент – единственная реальность. Поэтому в Дзен нет различий между методом и целью, средствами и целью. Все философии и религии мира создают двойственность; что бы они ни говорили о не-двойственности, они создают в человеке раздвоение личности. Это было величайшим бедствием, которое постигло человечество: все эти доброжелатели создали шизофренического человека. Когда вы разделяете реальность на средства и цели, вы разделяете и самого человека, потому что для человека ближайшая реальность – это человек. Его сознание становится расщепленным. Он живет здесь, но на самом деле он не здесь; он всегда где-то там, где-то в другом месте. Он все время ищет, все время задает вопросы; никогда не живет, никогда не существует, он всегда в действии; он пытается стать богаче, он пытается стать более могущественным, более духовным, приобщиться к богу, стать святым – ему нужно все большее и большее. И это постоянное стремление к большему создает в нем напряженное, мучительное состояние, и тем самым он утрачивает все, что может дать существование. Его интересует далекое, а Бог рядом. Его глаза сфокусированы на звездах, а Бог находится внутри него. Поэтому наиболее фундаментальным, что нужно понять о Дзен, является следующее: гусь никогда не был внутри. Позвольте мне рассказать вам историю о том, как возник этот коан:

Великий философский деятель Рико, однажды попросил одного Мастера Дзен, Нансена, разъяснить ему старый коан о гусе в бутылке.

«Если человек сажает гусенка в бутылку, – сказал Рико, – и кормит его, пока тот не вырастет, как он сможет извлечь его наружу, не убив его или не разбив бутылку?»

Нансен громко хлопнул в ладоши и закричал: «Рико!»

«Да, Мастер», – сказал философ, вздрогнув.

«Смотри», – сказал Нансен, – «гусь снаружи!»

Это зависит только от видения, это зависит только от состояния бдительности, пробужденности, дело только в том, чтобы проснуться. Гусь находится в бутылке, если вам снится сон; гусь никогда не был в бутылке, если вы проснулись. Во сне нет способа извлечь гуся из бутылки. Либо гусь умрет, либо придется разбить бутылку, но обе альтернативы недопустимы: нельзя ни разбить бутылку, ни убить гуся. И вот, взрослый гусь в маленькой бутылке... как вы можете извлечь его?

Это называется коаном.

Коан это не обычная головоломка; это не загадка, так как она не может быть решена. Загадка это нечто, имеющее возможность решения; вам нужно только искать правильный ответ. Вы найдете его – для того, чтобы найти разгадку, требуется только ум; но в принципе загадка разрешима.

Коан неразрешим, вы не можете разгадать его, вы можете его только растворить. А единственный способ растворить его в том, чтобы переменить всю основу своего существования от сна к бодрствованию. Во сне гусь находится в бутылке, и нет способа вынуть его из бутылки, не разбив ее или не убив гуся – это во сне. Поэтому пока продолжается сон, загадка неразрешима; с этим ничего нельзя сделать.

Но есть выход, который не имеет никакого отношения к загадке, запомните это. Вы должны проснуться. Этот выход не имеет никакого отношения ни к бутылке, ни к гусю. Вы должны проснуться. Он имеет отношение к вам. Вот почему Нансен не ответил на этот вопрос.

Рико спросил: «Если человек помещает гусенка в бутылку и кормит его, пока тот не вырастет, как сможет этот человек извлечь гуся из бутылки, не убив его или не разбив бутылку?»

Нансен не ответил. С другой стороны, он громко хлопнул в ладоши и закричал: «Рико!»

Итак, это не ответ на вопрос – это вообще не имеет отношения к вопросу – это неуместно, непоследовательно. Но это решает проблему; фактически, это растворяет ее. В тот момент, когда он закричал: «Рико!», философ, вздрогнув, сказал: «Да, Мастер». Весь план его существования был преобразен этой простой стратегией.

о есть выход -ский
деятель,

Мастер – это не преподаватель; он не учит вас, он просто изобретает средства, чтобы пробудить вас. Этот хлопок в ладоши – метод, этот хлопок просто вернул Рико к настоящему. И он был таким неожиданным... Спрашивая о таком духовном коане, вы не ждете, что Мастер ответит вам громким хлопком, а затем закричит: «Рико!»

Неожиданно его вернули из прошлого, из будущего. Вдруг на мгновение он забывает обо всей проблеме. Где бутылка и где гусь? Есть только Мастер в странной позе, хлопающий в ладоши и кричащий «Рико». Внезапно вся проблема отброшена. Он выскользнул из проблемы, даже не узнав о том, что

выскользнул из нее. Он выскользнул из проблемы, как змея выползает из своей старой кожи. На мгновение время остановилось. На мгновение остановились часы. На мгновение ум остановился. На мгновение не стало ничего. Мастер, звук хлопка, и неожиданное пробуждение. В этот самый момент Мастер сказал: «Смотри! Смотри, гусь снаружи!» Проблема растворена.

Коан может только исчезнуть, но он никогда не может быть решен. Головоломка не может раствориться, но имеет решение. Поэтому запомните, что коан – это не головоломка.

Но когда люди, привыкшие к постоянному мышлению, логическому обоснованию, начинают изучать Дзен, они с самого начала предпринимают ложный шаг. Дзен нельзя изучить; его нужно прожить; его нужно впитать – впитать от живого Мастера. Это передача за пределами слов, передача светильника.

Светильник невидим.

Итак, если кто-либо наблюдает всю ситуацию, – Рико, задающего вопрос, и Мастера, который хлопает в ладоши и кричит – то он не обнаружит в ней ничего духовного, он не обнаружит в ней никакой великой философии, он может глубоко разочароваться. Но нечто произошло – нечто, что не видимо и никогда не стянется видимым.

Это случается только тогда, когда молчание Мастера проникает в молчание ученика, когда два молчания встречаются и сплавляются; тогда немедленно возникает видение. У Мастера есть глаза, у ученика есть глаза, но глаза ученика закрыты. Необходимо какое-то средство, какой-то метод, который позволил бы ученику открыть глаза без какого-либо усилия с его стороны. Если он будет прилагать усилия, он потеряет суть, потому что кто приложит усилия?

Кристинг Хамфриз, один из самых больших поклонников Дзен на Западе, основатель Общества Буддистов Англии, человек, который сделал Дзен-Буддизм очень известным в западном мире, пишет об этом коане, и вы обнаружите разницу. Он говорит:

«Существует метод рассмотрения проблемы "сбоку"!»! ...как это и произошло.

Это было бы бессмыслицей для рационально мыслящего человека, но он и не станет читать дальше. Те, кто будут читать дальше, могут ожидать возрастания абсурда, так как здравый смысл, находящийся на периферии рационального мышления, вскоре останется позади, и ум останется свободным на бескрайних холмах присущей ему радости. Значит, в этом настоящее решение проблемы противоположностей.

Рассказать вам? Предположим, что живой гусь помещен в бутылку. Как его извлечь, не причинив при этом гусю вреда и не разбив бутылку? Ответ прост: «Вон он, снаружи!»

Итак, упущена вся суть: она становится философской. Во-первых, Кристинг Хамфриз думает, что Дзен – это часть буддизма; но это означает войти не в ту дверь, начать с неверного шага. Дзен не имеет ничего общего с буддизмом. В нем определено есть нечто общее с Буддой, но нет ничего общего с буддизмом как таковым, точно так же как и суфизм не имеет ничего общего с исламом; хасидизм не имеет ничего общего с иудаизмом; тантра не имеет ничего общего с индуизмом. Да, Тантра действительно имеет нечто общее с Шивой, и суфизм имеет нечто общее с Магомметом, и хасидизм имеет нечто общее с Моисеем, но не с традициями, не с условностями, нет с теологией.

Живой Моисей, живой Магомет может передать нечто, что нельзя выразить словами, может показать что-то, что нельзя выразить словами, может создать вокруг себя определенные вибрации, которые могут сделать просветленными многих людей, но без какого-либо объяснения, без какого-либо логического доказательства.

Просветление почти подобно любовному роману. Точно так же, когда вы влюбляетесь, вы не можете этого объяснить; это вне логики – так же происходит и просветление. Оно превосходит логику, оно превосходит слова.

Есть прекрасная история о Мастере, который остановился в доме одного из своих учеников. Ученик был по этому поводу немного обеспокоен, потому что поведение Мастера было странным, неожиданным. Он мог сделать что угодно! Можно было даже подумать, что он сумасшедший. Итак, чтобы не беспокоить соседей – потому что ночью он мог начать танцевать, петь, кричать, проповедовать, ни к кому не обращаясь, и тем самым раздражать соседей – он поместил его в подвал и запер, чтобы, если он и начнет что-то вытворять, никто этого не услышал. Он закрыл все окна, все двери и запер их.

Неожиданно он был разбужен среди ночи. Кто-то катался по крыше с таким громким смехом, что вокруг собралась большая толпа, и все спрашивали: «Что случилось?»

Он бросился наверх и увидел Мастера, катающегося по крыше. Он спросил: «Что случилось? Как вам это удалось? Я же запер вас в подвале, чтобы предотвратить это!»

Мастер сказал: «Вот почему я смеюсь. Внезапно я стал падать вверх. Я сам не мог в это поверить! Такого еще никогда не случалось – падения вверх!»

Это прекрасная история. Просветление – это падение вверх, точно так же, как любовь это падение вниз. Но и у того и у другого есть нечто общее; падение – беспричинное, необъяснимое, невыразимое. Только те, с кем это случилось, знают, что даже когда это с вами случилось, вы не можете объяснить этого никому, с кем этого еще не случилось.

Кристин Хамфриз называет Дзен «Дзен-буддизмом». С самого начала это приобретает неправильное направление. Дзен это не буддизм – да, это сокровенная суть сердца Будды, но так же и Моисея, Заратустры, Лао-цзы. Это сокровенная суть всех тех, кто стал просветленным, всех тех, кто пробудился ото сна, всех тех, кто увидел, что гусь снаружи, что никогда он не был внутри, что, в первую очередь проблема совсем не была проблемой, поэтому никакого решения не требуется.

Кристин Хамфриз говорит: «Существует метод рассмотрения проблемы «сбоку», как это и произошло. Это было бы бессмыслицей для рационально мыслящего человека...»

Он сам является рационально мыслящим человеком; иначе это не бессмыслица. Бессмыслица это нечто низшее, чем смысл. Дзен это сверхсмысл, а не бессмыслица; он выше смысла. Это нечто, что далеко за пределами досягаемости ума. Логика – это очень ординарная игра; любой, обладающий даже небольшим умом, может играть в эту игру. В тот момент, когда вы выходите за пределы логики, вы попадаете в мир Дзен. Это не бессмыслица, это сверхсмысл. Именно использование слова «бессмыслица» говорит о его глубоком пристрастии к рациональности.

Он говорит: «...но он и не станет читать дальше. Те, кто будет читать дальше, могут ожидать возрастания абсурда, так как здравый смысл, находящийся на периферии рационального мышления, вскоре останется позади...»

Он не останется позади, так как если вы что-то оставляете позади, то сами оказываетесь на том же пути. Вы оставляете сзади мильный камень, но дорога остается той же, путь не меняется. Вы можете пройти милью вперед, но ваше измерение не изменилось. Разница только в количестве, но не в качестве.

Вы не только оставляете ум позади, вы переступаете за его пределы, обгоняете его. Существует различие, большое различие, различие, которое имеет значение.

Я слышал рассказ – это случилось во Вторую Мировую войну:

В чаще бирманских джунглей солдаты при отступлении оставили небольшой военный самолет. Они торопились и по какой-то технической причине и не смогли взять его с собой. Местные жители, находящиеся на первобытной стадии развития, нашли самолет; они не могли понять, что это такое. Они решили, что это нечто вроде воловьей повозки – это единственное, о чем они могли подумать; в их представлении воловья повозка была единственным видом транспорта. Поэтому они стали использовать самолет, как воловью повозку, и он им понравился. Это была самая лучшая воловья повозка из тех, которые они когда-либо находили!

Мимо проходил человек – некто, принадлежащий к этому первобытному роду, но живущий вдали от них. Он знал немного больше, он имел определенное представление о легковых и грузовых автомобилях, автобусах. Он сказал: «Это не воловья повозка, это автомобиль, а я кое-что знаю об автомобилях». Он так утверждал, и жители были чрезвычайно изумлены, что машина работает без лошадей, без волов. Это была такая игрушка! Каждое утро, каждый вечер они радовались, просто глядя на нее снова и снова со всех сторон, заходили внутрь, сидели в ней; и хотя дорог было мало, проехать несколько футов было громадным удовольствием.

Некоторое время спустя в лесу, где жили первобытные люди, оказался летчик, и он сказал: «Что вы делаете? Это самолет, он может летать!»

Он взял с собой двух жителей, и когда они оторвались от земли, то не могли поверить в это. Это было совершенно за пределами их воображения, за пределами всех их снов. Они привыкли думать, что только боги могут летать; они слышали рассказы о богах, летающих в небе. Да, они видели самолеты в небе, но всегда верили, что они принадлежат богам.

Итак, один и тот же механизм может быть использован и как воловья повозка, и как автомобиль: различие только в количестве, но не в качестве. В тот момент, когда самолет отрывается от земли, он переходит в другую плоскость: он превосходит воловью повозку и автомобиль. Он движется в совершенно новое измерение.

Таким образом, здравый смысл не оставлен позади, здравый смысл просто превзойден. Поэтому Кристмас Хамфриз называет это бессмысленным, иррациональным, или, считая что здравый смысл оставлен позади, все еще мыслит в терминах рационального.

Он говорит: «... ум будет свободным...»

Это абсолютная глупость; ум не будет свободным. Когда вы вступаете в мир Дзен, это не-ум. Дзен эквивалентен не-уму. Это не свобода ума, это свобода от ума, и в этом огромное различие, бесконечное различие. Ум не свободен, вы свободны от ума. Ума больше нет, свободный или не свободный, ум просто прекратился. Вы прошли через новую дверь, которая была всегда доступна, но вы никогда не стучались в нее – дверь бытия, дверь вечности.

Дзен, само слово «Дзен» происходит от санскритского слова «дхиана». «Дхиана» означает медитация, но слово «медитация» не несет здесь своего полного значения. «Медитация» опять даст вам ощущение того, что ум что-то делает: ум медитирует, концентрируется, обдумывает, но ум все еще здесь. «Дхиана» просто означает состояние не-ума, без концентрации, без обдумывания, без медитации, на самом деле это не более чем молчание, глубокое, подлинное молчание, где исчезают все мысли; где нет ряби на озере сознания; когда сознание действует как зеркало, отражая все вокруг – звезды, деревья, птиц, людей, все вокруг – просто отражая это безо всякого искажения, безо всякой интерпретации, не привнося своих предрассудков. Вот что представляет собой ваш разум: ваши предрассудки, ваши идеологии, ваши догмы, ваши привычки.

Кристин Хамфриз говорит: «...и ум будет свободен на бескрайних холмах присущей ему радости».

Это настоящая бессмыслица! Во-первых, «ум будет свободным». Ум никогда не может быть свободным. Свобода и ум никогда не встречаются. Ум означает оковы, ум – это тюрьма. В уме вы живете как в капсуле, окруженные разными мыслями, теориями, системами, философиями, окруженные всем прошлым человечества, всеми видами суеверий – индуистскими, мусульманскими, христианскими, буддистскими, джайнскими; политическими, социальными, экономическими, религиозными. Или же ваш ум состоит из кирпичей Библии, Корана, Гиты или, может быть, «Капитала» или «Манифеста коммунистической партии». Вы можете сделать свою тюрьму отличной от других, вы можете выбрать другую архитектуру, но тюрьма будет той же. Архитекторами могут быть Зигмунд Фрейд, Карл Маркс, Альберт Эйнштейн – выбор за вами, тюрьмы могут быть разных форм и размеров, и интерьер зависит от вас. Вы можете поместить внутри красивые картины, вы можете покрыть все стены коврами, вы можете разукрасить ее в соответствии с вашими вкусами, вы можете внести некоторые изменения здесь и там, окно справа или слева, занавески из того или иного материала, но тюрьма есть тюрьма.

Ум подобен такой тюрьме, и каждый живет в тюрьме. Пока вы не выйдете из тюрьмы, вы не узнаете, что такое свобода. Ваша тюрьма может быть очень удобной, комфортабельной, уютной, она может быть хорошо украшена, инкрустирована золотом и бриллиантами... Будет трудно покинуть ее – вы так много трудились, чтобы создать ее – это будет нелегко. Но тюрьма есть тюрьма; не имеет значения, построена ли она из золота или из грязи. Вы никогда не познаете бесконечности свободы; вы никогда не познаете красоты и величия свободы; ваше величие останется в стенах тюрьмы. Вы никогда не узнаете, что такое божественность. Вы никогда не узнаете, что гусь всегда снаружи. Вы будете жить во всевозможных мечтах. Как бы они ни были прекрасны, мечты остаются мечтами, рано или поздно все мечты будут разбиты.

Но ум – это вечный двигатель. Если разрушается одна мечта, он немедленно создает другую – фактически, он всегда к этому готов. Прежде чем будет разрушена одна мечта, он создает для вас новую – лучшую мечту, более утонченную, более сложную, более научную, более технологичную – и вы снова ослеплены, снова возникает желание: «А почему бы не попробовать? Может быть, другие мечты не принесли успеха, но это не обязательно означает, что все мечты обречены на неудачу. Одна из них может принести успех». Эта надежда продолжает свое жалкое существование; эта надежда заставляет вас гнаться за мечтами. И когда приходит смерть, человек обнаруживает, что вся его жизнь была соткана из снов: «...Сказка, рассказанная идиотом, полная звуков и неистовства, ничего не значащая». Но именно так живут миллионы людей.

Кристин Хамфриз говорит: «...и ум будет свободен на бескрайних холмах свойственной ему радости».

Последнее указывает на то, что он не испытал ни единой капли опыта Дзен. Он стал пропагандистом философии Дзен на Западе, не зная, что он делает, не испытав того, о чем он говорит.

Ум не может достигнуть «бескрайних холмов свойственной ему радости»; уму не свойственна способность, радоваться. Ум является причиной всех несчастий, он ничего не знает о радости. Он только думает о радости, а его размышления о радости есть не что иное, как выдумка воображения для борьбы со страданиями, в которых он живет.

Если вы попросите ум определить, что такое радость, определение будет отрицательным; он просто скажет: «Не будет страданий, не будет боли, не будет смерти». Но все это отрицательные определения; они ничего не говорят о блаженстве, эти определения говорят только об отсутствии боли. Но цель, освобождения от боли, ничего не стоит. Если вы не будете испытывать боль, стоит ли тогда жить, и как долго? Даже если у вас нет болезней, это не означает, что ваше здоровье в порядке; это совершенно другое качество. Человек может быть в порядке с медицинской точки зрения,

нет никаких отклонений с точки зрения медицинского диагноза, но его не переполняет радость, это не здоровье – возможно отсутствие заболевания, но не наличие здоровья. Отсутствие болезни не означает здоровье; это совершенно иное явление.

Вы можете не быть несчастным; но это не значит, что вы находитесь в состоянии блаженства. Вы можете быть просто в забвении, ни в блаженстве, ни в несчастье, но это гораздо хуже, чем быть несчастным, потому что несчастный человек, по крайней мере, пытается избавиться от этого. Человек, который живет в забвении, на границе несчастья и блаженства, не может избавиться от несчастья, потому что он не несчастен. Он не может также испытывать блаженства, потому что его не подтолкнули к этому, несчастье не ранит его достаточно сильно для того, чтобы он предпринял прыжок. Он останется застывшим, стоячим водоемом.

Несчастье – это негативное состояние, блаженство – это позитивное состояние, но ум знает только несчастье. Ум не может знать «бескрайних холмов свойственной ему радости», потому что в нем ничего нет. Ум это только порождение общества, созданное для того, чтобы помочь вам эффективно выполнять социальные обязанности. Ум это стратегия правящего порядка, направленная на то, чтобы манипулировать вами, чтобы поработить вас, чтобы держать вас в невежестве насколько это возможно, потому что разумный человек опасен.

Во всей Библии нет ни одного утверждения, восхваляющего разумность. Она полна всевозможного мусора, но в ней нет ни единого утверждения, восхваляющего разум. Восхваляется суеверие, восхваляется вера, восхваляются всевозможные глупости.

Все религии, организованные религии, пытаются превратить человека в робота, в машину, и они почти в этом преуспели. Вот почему так мало Будд, так мало Иисусов. Причина проста: общества, фабрики, государство, церковь, нация – они создали заговор, чтобы разрушить маленького ребенка, который очень раним, хрупок и беззащитен.

Вы можете разрушить его. И основной стратегией разрушения является создание ума; навяжите ему ум, чтобы он забыл свое внутреннее качество радости, чтобы он забыл свою невинность, которую он получил от истоков существования, чтобы он забыл все что красиво, и стал спицей в колесе общества. Он должен быть хорошим слугой, он должен быть хорошим механиком, он должен быть хорошим начальником станции, хорошим профессором, он должен быть тем и этим, но он не должен стать божественным существом, он не должен действовать блаженно.

Общество боится блаженных людей по той простой причине, что блаженство – это такой поразительный опыт, что за него человек может отдать жизнь, но никто не может пожертвовать блаженством ради чего-то другого. Человек живет для блаженства, он умирает за блаженство, однажды узнав, что такое блаженство. Поэтому блаженный человек совершенно вне досягаемости тюремщиков общества. Общество может управлять только несчастными, церковь может эксплуатировать только несчастных.

И Кристмас Хамфриз говорит: «Значит, в этом настоящее решение проблемы противоположностей».

«Проблемы противоположностей» не существует. Противоположности не противоположны, они взаимодополняющи, поэтому проблемы как таковой не существует. Тьма и свет это одно явление, две стороны одной медали. Жизнь и смерть неразделимы, вы не можете разделить их – как же вы сможете сделать их противоположными? Они взаимодополняющи, они помогают друг другу. Следовательно, проблемы нет, и не нужно никакого решения.

Дзен это не решение проблемы противоположностей, это трансценденция, это высшее видение – взгляд с высоты птичьего полета, откуда все двойственности кажутся глупыми.

Самым важным, что случилось с первым ступившим на Луну человеком, было то, что он вдруг забыл, что он американец. Неожиданно вся Земля стала единой, не было границ, потому что на земле не было карты. Американский

континент, африканский континент, азиатский континент, та или другая страна исчезли. Он не пытался свести два противостоящих лагеря; там не было даже Советской России или Америки, вся, земля была просто едина.

И первым, что произнес этот американец, были слова: «Моя любимая Земля!» Это и есть трансценденция. На какое-то мгновение он забыл все условности: «Моя любимая Земля!» Тогда вся Земля принадлежала ему.

Вот что в действительности случается в состоянии тишины: все существование ваше, и все противоположности исчезают друг в друге, поддерживая друг друга, танцую друг с другом. Они превращается в оркестр.

Кристмас Хамфриз говорит: «Рассказать вам? Предположим...»

Взгляните, эти небольшие изменения создают огромные различия: «Рассказать вам? Предположим...» Это тот путь, которым идет философия, но не Дзен: «Предположим...» Это не предмет для предположений; вы либо знаете, либо не знаете.

Мастер Нансен не говорил: «Предположим, я сейчас громко хлопну в ладоши. Предположим, я сейчас громко крикну: «Рико!», - и ты должен сказать: «Да, Мастер!» Потом я скажу: «Смотри, гусь снаружи!» Тогда потеряется вся суть.

Буквально несколько дней назад во время вечернего даршана я позвал Нирупу. Она сломала руку. Она - один из моих медиумов, но сейчас она не может участвовать в танцах. Она просто сидела в первом ряду, и я позвал ее. Какой-то момент она колебалась, и все засмеялись, потому что как бы она могла управляться одной рукой? Но Дзен делается одной рукой - звук хлопка одной ладони! - и она хорошо справилась. Конечно, только я смог услышать звук, но звук хлопка одной ладони... Даже если вы создаете звук, хлопая двумя руками, энергия одна. Ваша левая и правая рука - это не две руки, они соединены в вас. Они не противоположны, они взаимодополняющи, они принадлежат одному существу.

Все противоположности принадлежат одному существу, и это не предмет для «предположения». Если вы будете «предполагать», вы выжмете из прекрасного коана весь сок.

«Предположим», - говорит он, - «что живой гусь помещен в бутылку. Как достать его, не причинив гусю вреда и не разбив бутылку?»

Он не может даже сказать «не убив гуся». Достойный англичанин! «Не причинив гусю вреда и не разбив бутылку». Наверное, даже выражение «не разбив бутылку» стоило ему сердечного приступа! «Ответ прост...»

Он не прост. Во-первых, это даже не ответ, «Вон он, снаружи!» Он разрушил всю красоту коана. Но привычки умирают с большим трудом. Это сам образ мышления, путь ума.

Папе подарили пару тапочек из красного шелка с вышитыми буквами О.Н.Н. Когда Его Святейшество спросил, что означают эти буквы, ему ответили: «Одевать На Ноги».

Ананд Бхаво, ты спрашиваешь меня: «Ошо, гусь действительно снаружи?»

Он всегда был снаружи, он никогда не был внутри. Этот вопрос возникает только во сне.

Проснись!

Второй вопрос:

Ошо, на западе я студент философии. Есть ли какая-либо любовь или мудрость в философии? Я пока еще не нашел их.

Хорошо, что ты еще не нашел их, Ананд Вольфганг. Я надеюсь, что ты никогда не найдешь, потому что немцы имеют тенденцию их находить!

Говорят, что философия похожа на слепого, который ищет темной ночью в темной комнате черную кошку, которой там нет. Но немцы находят ее! Они дали миру величайших философов: Эммануила Канта, Гегеля, Фихте, Маркса, Фейербаха и многих других.

Вольфганг, хорошо, что ты говоришь: «Я студент философии на западе. Есть ли какая-либо любовь или мудрость в философии?»

Любовь совершенно невозможна, потому что философия означает логику, а логика не может быть любящей. Логика – это основа науки, но не основа любви. Логика применима к мертвым вещам, объектам, потому что основной метод логики – это расчленение. В тот момент, когда вы что-либо расчленяете, вы убиваете это, и если вы хотите найти жизнь посредством логики, вы никогда не найдете ее; этому препятствует сам метод.

Вы можете срезать цветок розы, вы можете анатомировать его, вы можете поместить разные ее части в отдельные систематически помеченные бутылочки, но одна вещь будет упущена: там не будет красоты и не будет жизни, не будет радости, танца цветка розы на ветру, в дождь, на солнце; все это исчезнет. Там будет лишь несколько химических веществ, но эти химические вещества не будут цветком розы, эти химические вещества были всего лишь ситуацией, в которой возникла роза. Они не составляют розу, они оставляют лишь ситуацию, в которой возникает роза. Если вы уберете их, роза исчезнет в своем невидимом мире.

Это подобно расчленению танцора – не думаете ли вы, что вы найдете у него внутри нечто похожее на танец? Вы найдете кости, вы найдете разные отвратительные вещи, но вы не найдете танца. Если вы перережете горло певцу, вы не найдете песни, хотя вы всегда считали, что песня исходит из горла. Горло это всего лишь средство; песня приходит из запредельного. Другое дело, что горло может быть хорошим или плохим средством – но лишь средством. Расчленяя средство, вы не можете найти то, что приходило к нему из мира запредельного.

Любовь и логика никогда не встречаются, они не могут встретиться. Логика означает путешествие вовне, любовь означает путешествие вовнутрь. Логика означает расчленение, любовь означает нахождение органического единства. Логика мыслит терминологией множественности, множества.

На самом деле, ученые должны перестать называть вселенную «универсумом», им следует называть ее «мультиверсумом». «Универсум» это поэтическое название, данное влюбленными; вселенная означает единство, «уни». В представлении науки это не универсум, это множественность, мультиверсум. Только влюбленные знают единство, мыслители не могут знать единства.

В единстве целого человек находит любовь и мудрость. Мудрость – это тень любви; где бы ни была любовь, там же и мудрость. Когда любовь жива, есть танец, есть песня, есть красота; все это качества мудрости. Если вы думаете, что логика может дать вам мудрость, тогда вы должны четко решить одну вещь – вы должны принимать знание за мудрость. Тогда логика может дать вам мудрость, но тогда знание становится эквивалентным, синонимичным мудрости, а знание не синонимично мудрости. Знание – это заимствование, это вздор; вы получаете его от других.

Мудрость это взрыв вашего собственного сознания. Мудрость это внутреннее состояние; она не приходит извне, она рождается внутри вас и распространяется на внешний мир. Она подобна сиянию: вы делитесь светом, но вы не накапливаете его. Знания кланчат, мудростью делятся. Это совершенно различные измерения.

Философия, Вольфганг, не может вам дать ни любви, ни мудрости, но она может постоянно давать вам надежду. Если философия и ответ, то разве что на очень глупый вопрос.

Помните об этом, если вы можете найти какой-либо ответ в философии, это просто доказывает одно: ваш вопрос был глуп. Если вопрос действительно важен, в философии нет на него ответа. Вы должны будете посмотреть в другом направлении. Это направление я называю Дзен, это направление я называю пробуждением – не теория и философия, а молчание; не приобретение новых знаний, а отбрасывание всех знаний, удаление их, так чтобы вы смогли стать пустым,

полностью пустым. В пустоте есть ясность, есть чистота, есть очищение, есть невинность, есть детское удивление и трепет. И это – мгновения любви и мудрости, произрастающие в вас; они произрастают вместе. Знание и логика произрастают вместе. Мудрость и любовь произрастают вместе.

Известный профессор зоологии в Сорбонне имел обыкновение в конце курса устраивать для студентов устный экзамен, и он всегда задавал один и тот же вопрос: «Расскажите мне все, что вы знаете о червях». Конечно, его студенты весь семестр валяли дурака, а потом прямо перед экзаменом усердно изучали все, что касалось червей. И все они получали очень высокие оценки.

Наконец профессор удивился, почему все его студенты так хорошо успевают. Пришло время экзаменов, и все студенты учили «червей». Когда первый студент пришел на экзамен, профессор попросил его: «Расскажите мне все, что вы знаете о слонах». Студент в первый момент растерялся, а затем ответил: «У слонов червеобразный хвост. Черви классифицируются...» И он стал рассказывать...

Знание всегда неразумно. Если задается вопрос, на который у вас есть готовый ответ, это хорошо, если задается вопрос, на который у вас нет готового ответа, вы начинаете тревожиться».

Вы просто ведете себя механически. Знание механистично, а как нечто механистичное может сделать вас мудрым? Знание это не более чем как классификация.

Однажды жил на свете красивый молодой лев. Его изловили в джунглях Африки, привезли в Америку, и поместили в зоопарк. Лев почувствовал себя очень несчастным, потому что он предпочитал свободу на своей дикой родине и общество других зверей джунглей. Но спустя некоторое время он смирился со своей судьбой и решил, что если уж ему суждено жить за решеткой, он должен стать лучшим львом в округе.

В соседней клетке жил другой лев, старый и ленивый, без чувства ответственности и каких-либо признаков амбиций или каких-либо способностей. Он целый день лежал на солнце, не вызывая интереса у посетителей. Молодой лев, часами расхаживавший взад и вперед по клетке, резко отличался от него. Он изображал настоящего Царя Зверей, тряс гривой, рычал и скалил зубы. Толпа любила его; никто не обращал внимания на вялого старого льва, спящего в другой клетке.

Молодой лев оценил оказываемое ему внимание, но был обижен тем, что не получал соответствующего вознаграждения. Каждый день служитель зоопарка входил в клетки, чтобы покормить животных. Ленивому старому льву, даже не пытавшемуся доставить удовольствие зрителям, приносили большую миску конины. Молодому льву, теперь уже звезде аттракциона, приносили миску с нарезанными апельсинами, бананами и орехами. Это его очень расстраивало.

«Возможно», – предположил он, – «я недостаточно стараюсь. Я усовершенствую представление». Поэтому он стал громче рычать. К рычанию и оскаливанию зубов он добавил частый рев, который сотрясал прутья клетки. Толпа увеличивалась. Тысячи горожан приходили посмотреть на его представление, а на страницах одной из местных газет поместили его фотографию.

Но меню не изменилось. По-прежнему, ленивый лев получал мясо, а молодой оставался на вегетарианской диете. Наконец, не в силах больше этого терпеть, он с вызовом обратился к служителю. «Мне это смертельно надоело», – пожаловался он. – «Каждый день вы даете этому никчемному ленивому типу в соседней клетке большую миску мяса, а меня кормите апельсинами, бананами и орехами. Это в высшей мере несправедливо. Как вы думаете, почему все эти люди приходят в зоопарк? Они приходят посмотреть на меня! Я гвоздь программы, лев, который выполняет всю работу и дает результаты. Почему мне не положено мяса на обед?»

Служитель ответил: «Молодой человек, вы не представляете, как вам повезло. Администрация нашего зоопарка заказывала только одного льва. Вас привезли как обезьяну!»

Философы и ученые хорошо умеют относить, классифицировать. Все их усилия направлены на то, чтобы систематизировать, чтобы отнести всякую вещь к некоторой частной категории – это есть это, то есть то – и так они продолжают и продолжают. Они не ищут органичного единства жизни, они не ищут высшего принципа жизни, который проявляется в деревьях, горах и звездах, в животных и птицах, в мужчинах и женщинах. Они не ищут этого объединяющего фактора. Этот объединяющий фактор религии называли правдой, Будда называл нирваной, Иисус – царством Бога.

Вольфганг, ты не найдешь в философии никакой мудрости, никакой любви. Да, ты найдешь разные красивые ответы, ты будешь повторять как попугай различную информацию, факты, ты научишься хорошо цитировать их, но при этом ты всего лишь превратишься в компьютер. Это может быть сделано компьютером лучше, чем тобой.

Найдите в себе нечто, что компьютер не может делать, и вы найдете нужное направление для вашего внутреннего бытия, для вашей свободы. Вот в чем заключается все усилие Дзен, вот что мы пытаемся здесь сделать. Компьютер не может любить; он может сказать: «Я люблю тебя», – но вы знаете, что это компьютер. Он может проявлять все знаки любви, но если вдруг исчезнет электричество... «Гррр, гррр, грррр.....» Если садится батарейка, вы сначала должны ее заменить, а потом он скажет: «Я люблю тебя».

Но люди глупы; они, люди, прилагают все усилия к тому, чтобы превратить человека в робота.

Только вчера я прочитал такой отрывок в газете «Мондэйн Мэйтинг», Торонто, от 25 февраля:

В будущем мужчина и женщина получают автоматических сексуальных партнеров, и эротическая технология предложит им все, что только душе угодно: стимуляторы, средства, усиливающие половые чувства, химический оргазм.

В течение семинара сексопатологи пришли к заключению, что мужчина и женщина будут еще контактировать, но в течение четко определенных периодов. Некоторые говорят, что женщины захотят «глубокого и основного ощущения» беременности без родов.

Один сексопатолог сказал, что сексуальные отношения с роботами помогут «дополнить или обогатить жизнь фантазии и внесут свой вклад в развитие среды, которая скорее усиливает, чем сдерживает сексуальный рост и развитие».

Это скоро случится! В какой-то мере это уже случилось. В течение тысячелетий человек занимался любовью механически, и так называемые махатмы – Махатма Ганди, и Римский Папа, и мать Тереза – все они говорили, что если вы занимаетесь любовью с определенной целью, то есть с целью воспроизводства, то это не грех. Если вы занимаетесь любовью только ради радости, ради удовольствия, это грех.

Воспроизводство имеет химическую и биологическую природу; удовольствие это более высокая ценность. Ни одно животное не знает, что такое удовольствие. Вы когда-нибудь видели, как животные занимаются любовью? Вы видели какое-нибудь удовольствие? Они даже не говорят друг другу «Привет!», а закончив, даже не говорят: «Спасибо, до скорой встречи!» Они даже не глядят друг на друга, они выглядят совершенно скучающими. Посмотрите, как животные занимаются любовью – они выглядят совершенно уныло, как будто какая-то биологическая сила заставляет их это делать, и они вынуждены. Закончив, каждый из них идет своей дорогой; они никогда снова не узнают друг друга, они не будут писать любовных писем.

Удовольствие не свойственно животным, это свойство человека. И все эти махатмы продолжают осуждать человека за все животные черты, кроме

воспроизведения – а воспроизведение абсолютно животнo! Все животные размножаются; в этом нет ничего особенного. Единственное – они не наслаждаются этим, они не получают от этого удовольствия, оно не вырастает в любовные отношения, они не трансформируют сексуальную энергию. Но тем не менее воспроизводство считается добродетелью, а удовольствие абсолютно осуждается. Эти люди всегда превращали человеческую радость в роботоподобное явление.

Люди занимаются любовью в темноте, под одеялом. Если марсианин прилетит на Землю, особенно в Индию, он не увидит никаких признаков того, что кто-то занимается любовью. Он

будет очень озадачен тем, как эти люди размножаются? Его главным вопросом будет, как вы воспроизводите, потому что он не увидит никого, занимающегося любовью. Любовь далеко, он не увидит людей, держащихся за руки.

Я слышал:

Однажды одна пара прилетела на Марс, и, конечно, их главным вопросом было... так как они не могли узнать, как там люди занимаются любовью. Они очень старались, они делали все, что обычно делают на Земле, чтобы узнать о любовных делах других людей – они умирали от любопытства – но ничего не смогли узнать. Наконец, они спросили у марсианской пары, очень вежливо: «Мы прилетели с Земли, мы проводим исследовательскую работу. Мы хотим знать, как вы занимаетесь любовью».

Они ответили: «Это очень просто!» Они открыли свой холодильник, вынули два сосуда, стали смешивать химические вещества, содержащиеся в них, в третьем маленьком сосуде, хорошо их перемешали и снова поставили сосуд в холодильник.

Пара, которая интересовалась способом любви, не смогла усмотреть в этих действиях никакой любви. Они сказали:

«Что вы делаете? Вы что, готовите кофе?» Те ответили:

«Нет, так как через девять месяцев в маленьком сосуде появится ребенок. Мы смешали все необходимые ингредиенты. Вот как мы размножаемся».

Пара с Земли рассмеялась. Они сказали: «Тогда скажите нам еще кое-что – а как вы готовите кофе?»

И марсиане разделись и стали заниматься любовью! Пара с Земли разразилась истерическим смехом; они не могли поверить в то, что происходит. Они готовили кофе!

Марсиане спросили: «Над чем вы смеетесь? Почему вы смеетесь?»

Земляне ответили: «Потому что именно этим способом мы размножаемся – а вы готовите кофе! Так это тот самый кофе, который вы подавали нам сегодня утром!»

Человек пытается найти какой-нибудь научный способ воспроизведения, чтобы все стало механическим. Тогда даже любовь перестанет быть частным делом. Мудрость уже была отобрана церквями, университетами; любовь все еще остается немного частым делом. Конечно, общество доминирует в этой сфере почти на девяносто девять процентов посредством брака, разного рода законов, посредством различного рода официальных обязательств, но все же один процент любви остается частным делом. Общество не очень довольное этим; оно хочет посягнуть и на эту сферу – отобрать и вашу любовь. Мудрость была отобрана еще в давние времена, теперь нужно отобрать и любовь, И тогда вы превратитесь в машину, раболепную машину, раба, тогда вы будете просто повторять штампы.

Человек звонит в дверь капеллана. Когда экономка открывает дверь, он говорит:

«Я принес вам двадцать четыре тысячи литров масла, которые вы заказывали».

Экономка очень удивлена и спрашивает капеллана, заказывал ли он это масло. Капеллан еще более удивлен, но неожиданно он вспоминает о своем попугае. Поэтому он бросается в комнату и кричит:

«Это ты заказал двадцать четыре тысячи литров масла?!»

«Нет» – отвечает попугай.

«Ты уверен? Вполне уверен?» – спрашивает капеллан.

«Да!» – пронзительно отвечает попугай.

«Ну, погоди!» – говорит капеллан. – «Если я узнаю, что ты лжешь, я прибью оба твоих крыла к стене!»

Естественно, он вскоре выяснил, что именно попугай сделал заказ, и пригвоздил его за крылья к стене.

Попугай немного повисел на стене. С грустью выглянул он в окно и увидел перед церковью распятие. Он поднял голову и сказал: «Неужели, Иисус, ты тоже заказал двадцать четыре тысячи литров масла?»

Человек был низведен до уровня попугая. Мои саньясины должны выбраться из всех этих клеток, клеток, которые создали вокруг вас философия, теология, наука и все тому подобные вещи. Вы должны освободиться из них сразу – не частично, не постепенно, не медленно, не завтра, а сейчас, в этот самый момент.

"Рико!"

"Да, Мастер", – сказал философ, вздрогнув.

"Смотри!" – сказал Нансен. – "Гусь снаружи!"

ГЛАВА 2

ПРОСТО СМОТРИ

(2 марта 1981 года, утро)

Первый вопрос:

Ошо, я чувствую, что мы должны спешить, что осталось, не так много времени. Мне кажется, что кокон сна, в котором я существую, душит меня, и я боюсь, что никогда не справлюсь с ним. Ты говоришь, что гусь уже снаружи. Почему же это кажется таким непостижимым?

Ананд Бхагавати, это трудно постичь, потому что гусь уже снаружи; если бы он был внутри, не было бы трудностей. Бутылка мертва – вы можете ее постичь. Бутылка подобна философии, теологии, догме, убеждениям, культу, доктрине – это всего лишь труп. Гусь жив, он сама жизнь; вы не можете его постичь. Он не концептуален, он экзистенциален. Кто кого должен понимать? Гусь это вы! Ум это ваша бутылка, ум это не то, что можно разбить. Он не материален; он всего лишь мысль, воображение, то, из чего сотканы сны. Вы не можете разрушить сон, вы не можете убить сон, вы не можете заколоть сон мечом, вы не можете сжечь его в огне. Вам нужно только проснуться, и сон исчезнет. На самом деле неправильно было бы сказать, что сон исчез, прежде всего, его не существовало; он был лишь видимостью.

В этом значение восточного слова «майя», «иллюзия», мираж; оно кажется существующим, но не существует. Вы можете видеть горизонт вдалеке – он кажется существующим, он кажется реальным. Кажется, что там земля встречается с небом; всего лишь небольшое усилие, и вы достигнете его. Кажется, что в ваших силах достигнуть его, но вы никогда не сможете постичь его по той простой причине, что он только видимость, он нереальность. Земля и небо нигде не встречаются, такого места нет. Чем ближе вы подходите к так называемому горизонту, тем дальше и дальше он

отступает, исчезая перед вами. Расстояние между вами и горизонтом всегда остается постоянным.

Альберт Эйнштейн говорит, что единственная постоянная вещь в существовании – это скорость света. Я не физик, я не знаю, прав ли он или нет, но я знаю одну вещь, которая всегда постоянна, и это – расстояние между вами и горизонтом. Оно абсолютно постоянно; оно не может ни уменьшиться, ни увеличиться ни на дюйм. Различие, расстояние между реальным и нереальным не может быть сокращено.

Ум нереален, следовательно, в действительности дело не в том, чтобы выйти из него, дело лишь в том, чтобы увидеть это.

Поэтому этот сумасшедший Мастер Нансен говорит: «Посмотри, гусь снаружи!» Он не делал логического заявления, он не говорил: «Посмотри, отсюда следует, что гусь снаружи». Он даже не говорил того, что ему приписывает Крестмас Хамфриз. Крестмас Хамфриз говорит: «Вон там, снаружи!» Это не могло быть сказано Нансеном. Нансен не обращается к «там» и «здесь», он даже не упоминает о «тогда» и «сейчас», он просто говорит: «Смотри, гусь снаружи! Он никогда не был внутри, он не мог быть внутри».

Ваше сознание всегда свободно, это сама свобода. Но проблема возникает, Бхагавати, потому что ты хочешь постичь это. Это ум пытается понять нечто, что стоит за пределами его возможностей. Иллюзорное не может понять реальное, и реальное не может понять иллюзорное, помните это. Иллюзорное не может понять, потому что его нет, реальное не может понять иллюзорное, потому что как вы можете понять иллюзию? Ее вообще не существует.

Поэтому Гаутама Будда говорит: «В тот момент, когда вы становитесь абсолютно пустым и осознающим, все найдено». Для этого нужно лишь встряхнуть вас. Это кошмар, – гусь в бутылке это кошмарный сон – и иногда пробуждение может произойти очень странным образом. В прошлом это происходило во многих странных ситуациях.

В мемуарах Джозефа Гримальди, отредактированных Чарльзом Диккенсом, есть такой рассказ:

В июле этого года в Садлер'с Уэллс произошел очень необычный случай, привлекая на долгое время внимание всей округи. Это случилось так: Капитан королевского военно-морского флота Джордж Харрис вернулся в Англию после долгого плавания. Получив расчет, большая часть команды последовала в Лондон за своим капитаном, чтобы по обыкновению моряков развлечься и отдохнуть. В то время Садлер'с Уэллс был известным прибежищем матросов, и часто галерка была сплошь занята моряками и их подружками. Однажды вечером туда отправилась большая компания матросов из команды капитана Харриса, и среди них человек, который в течение многих лет был глухонемым. Сотоварищи усадили его в первый ряд галерки. Этим вечером Грималади был в ударе, и хотя вся аудитория надрывалась от хохота, казалось, никто в зале не наслаждался весельем и шутками больше глухонемого бедняги. Его друзья обратили на это внимание, и один из них, который хорошо объяснялся на пальцах, поинтересовался, как ему нравится это развлечение. Глухонемой таким же образом ответил, сопровождая это прочими выразительными жестами, что он никогда не видел ничего более смешного.

По мере того, как представление близилось к концу, выходки и шутки Гримальди становились все более неотразимыми; наконец, после неистового взрыва смеха и аплодисментов, от которых едва не развалился театр, к которому глухонемой присоединился от всего сердца, он вдруг повернулся к своему другу, который сидел рядом, и во все горло закричал: «Чертовски забавный парень!»

«Как же это, Джек!» – обернулся потрясенный друг, – «ты можешь говорить?»

«Говорить! – ответил тот, – Пожалуй, могу, да и слышать тоже».

По этому поводу вся кампания троекратно крикнула «Ура!» Полдюжины друзей подняли выздоровевшего парня на плечи, и вокруг них возникла целая процессия. Вокруг двери вскоре собралась толпа, и всеобщее волнение и любопытство росло по мере того, как из уст в уста передавались слухи о том, как глухонемой начал говорить и слышать благодаря искусству Джо Гримальди.

Хозяйка таверны подумала, что Гримальди захочет увидеть своего пациента, и сказала матросу, что если он позвонит на следующее утро, то увидит актера, который так рассмешил его.

Гримальди, уже посвященный в курс дела, отправился в дом в назначенное время и нашел его в окружении нескольких друзей, которые все еще выражали живейший интерес к неожиданной перемене, произошедшей с их другом, и продолжали веселиться, пить и угощать весь дом в доказательство своей благодарности.

Матрос, который оказался интеллигентным и воспитанным парнем, сказал, что в ранней молодости он очень хорошо слышал и говорил; он связывал потерю слуха и речи с солнечным ударом, полученным им в далеком путешествии, из которого он недавно вернулся. Он добавил, что прошедшим вечером на протяжении долгого времени он чувствовал огромное желание выразить свое восхищение тем, что происходило на сцене; после одной из особенно забавных выходок Гримальди, он совершил мощное усилие, чтобы передать свои мысли, в чем и преуспел к своему огромному удивлению и еще большему удивлению своих товарищей.

После того, как мистер Чарльз Дибдин задал этому человеку несколько вопросов, каждому из присутствующих стало ясно, что он говорит правду. Впрочем, его рассказ был в некоторой мере подтвержден самим капитаном Харрисом. Однажды вечером, около шести месяцев спустя, когда Гримальди рассказывал о случившемся в «зеленой комнате» Ковент Гардена, этот джентльмен, случайно оказавшийся там, немедленно заметил, что он провел с этим матросом долгое время на корабле, и у него не было оснований заподозрить в этом человеке симулянта; он добавил, что в тот примечательный день он лично видел его в полном здравии».

Что же произошло на самом деле? Всего лишь смех, который потряс его до самых корней. На какой-то момент он забыл, что он в бутылке; в какой-то момент он оказался вне бутылки; на какой-то момент все сорок лет глухоты и немоты исчезли. Это лишь простая забывчивость.

Именно это случается в присутствии Мастера. Иногда это может случиться без Мастера – Гримальди не был Нансенем. Гримальди сам был удивлен; он не мог поверить своим глазам – он не пытался пробудить этого человека.

Это многократно случалось в прошлом, во многих странных ситуациях, неожиданно. На самом деле это чаще случается неожиданно, чем преднамеренно, потому что ожидания принадлежат уму, а когда вы ничего не ждете, вы более расслаблены, вы более спокойны, непринужденны. Гусь намного легче может выйти из несуществующей бутылки, если он расслаблен. Если он напряжен и пытается выбраться из нее, то именно это напряжение будет удерживать его внутри. Вот, что происходит с тобой, Бхагавати. Ты говоришь:

Почему же это кажется таким непостижимым?

Это невозможно постичь. Если вы пытаетесь постичь, это невозможно; если вы отбрасываете эти попытки, это возможно немедленно, это возможно тотчас же – не теряя ни единого мгновения.

Говорят, что однажды в прошлом веке пожилой человек пришел на прием к выдающемуся европейскому терапевту. Досконально осмотрев его и выслушав множество туманных жалоб, терапевт не смог найти никаких физических отклонений, которые объясняли бы симптомы его пациента. Неудивительно, что доктор предположил, как, вероятно, предположил бы на его месте и его

современный коллега, что жалобы пациента на физическое состояние могут лишь маскировать глубокий эмоциональный стресс, и депрессию.

Вдруг ему в голову пришла великолепная идея. Он сказал пациенту, что Джозеф Гримальди, величайший клоун всех времен, в этот самый вечер дает в городке представление, и сопроводил это историей, которую я только что рассказал вам. Пожав плечами, он добавил, что не смог установить диагноз и посоветовал пациенту: "Почему бы вам не сходить на представление Гримальди сегодня вечером?" Выражение стресса и разочарования вдруг исказило лицо этого пожилого господина, и он воскликнул: "Господи, вы не понимаете. Я и есть Гримальди!"

Случалось, что в обществе псевдо-Мастера человек становился просветленным: в этой ситуации нет Мастера, всего лишь естественная случайность, и человек стал просветленным.

Лао-цзы стал просветленным, когда увидел мертвый лист, падающий с дерева. Он сидел в медитации под деревом годами, и ничего не случилось - хотя он ходил к великим Мастерам. Чего-то не доставало. Он слишком усердно пытался постичь истину; именно это усилие и было препятствием.

Тем ранним весенним утром пели птицы, шелестели деревья, сияющее солнце, благоухание цветов - он забыл о просветлении.

Время от времени очень хорошо забыть о просветлении, иначе оно сведет вас с ума - скорее, чем что-либо другое! Ни деньги, ни политика не сведут вас с ума до такой степени, потому что они доступны пониманию. Если вы усиленно пытаетесь, вы можете получить столько денег, сколько хотите, только лишь небольшое усилие, небольшая хитрость, небольшая расчетливость - что-то еврейское в крови - и у вас может получиться. Капля безумия в вас, и вы можете стать политиком.

Когда Адольф Гитлер только начинал, никто бы и не подумал, что он станет одной из величайших фигур в истории этого века. Два друга, великий психолог и великий теолог, услышав его в первый раз, в один голос сказали, что этот сумасшедший никогда не сможет создать себе имя. Оба сошлись на этом; один был экспертом в вопросах психологии, другой был экспертом в вопросах теологии. Психология и духовенство пришли к полному согласию.

Человек, который был теологом, в конце концов, стал Папой Римским. К тому времени Адольф Гитлер стал самым могущественным человеком в мире. Однажды у Папы был в гостях его старый друг, психолог, и он напомнил ему: «Что ты скажешь об этом теперь? Мы оба пришли к выводу, что этот человек никогда не сделает себе имени в мире политики; он был просто ненормальный. На кого он мог произвести впечатление в такой стране как Германия, которая похвастается своей интеллигентностью, и делает это по праву? Это одна из самых разумных стран в мире. Кого мог одурачить этот маньяк? Мы пришли к такому выводу, но что ты скажешь теперь? Он стал знаменитым; его имя навсегда останется частью истории».

Священник посмотрел на психолога и сказал: «Да, я согласился с этим тогда, но в то время я не был непогрешим!»

Неврастеники, идиоты, психопаты - они могут сделать себе имя, они могут стать крупными политиками, они могут быть самыми процветающими людьми в мире, они могут стать очень известными. Чтобы оказаться наверху, нужна лишь капля безумия - это постижимо.

Просветление непостижимо, поэтому, чем больше ты пытаешься постичь его, Бхагавати, тем менее это возможно. Вы не можете держать просветление в кулаке - чем сильнее сжат кулак, тем меньше возможность. Но вы можете держать просветление в открытых руках; это единственный способ держать его. В открытых руках вы можете удержать все небо, все звезды, все существование, но в сжатом кулаке ничего нет. Чем более он закрыт, чем сильнее он сжат, тем меньше возможность того, что в нем что-то будет. Просветление достигается с раскрытыми руками, в расслабленном, спокойном, тихом отдыхе вашего существа.

Так произошло с Лао-цзы, В течение многих лет он пытался понять и постичь, и ничего не случилось. В то утро он просто забыл обо всем этом. Было так красиво, так солнечно, вокруг было столько блаженства, кому было дело до просветления? На какой-то момент он отложил эту амбицию в сторону. И по чистой случайности мертвый листок, который должен был висеть на дереве, начал падать.

Лао-цзы наблюдал, как он медленно падает сверху. Он смотрел на него, он стал лишь наблюдателем; ничего не надо было делать. Он наблюдал за ним; он осознавал, как он кружится в нежном утреннем ветерке. Как только он приземлился на траву, что-то приземлилось и в Лао-цзы. Неожиданное ощущение: «Эврика!» Неожиданно – великий взрыв радости: «Ага!» Он танцевал... гусь был снаружи!

Когда гусь снаружи, что еще вы можете делать кроме как танцевать, петь, смеяться – смеяться надо всем этим абсурдом, над тем, что вы никогда не были внутри, что вы верили, что были внутри. Ваша вера была единственной тюрьмой.

Ты говоришь:

...я чувствую, что мы должны спешить...

Куда спешить? Вся вечность принадлежит вам! Вы всегда были здесь, вы здесь, вы всегда будете здесь. Ничто никогда не теряется. Теперь это подтвержденный наукой факт, что ничто никогда не разрушается. Если не разрушена материя, то почему должно быть разрушено сознание? Материя принадлежит к самому грубому уровню существования. Если материя так ценна в существовании, неужели вы думаете, что высшее проявление не столь ценно? Высшее ценится больше! Если материя вечна, и ее невозможно уничтожить, сознание так же не может быть разрушено. Это высшее выражение жизни; нет ничего выше этого. Это и есть Эверест жизни, вершина, выше которой нет ничего. Все существование движется к этой вершине. Спешить некуда.

Сама идея спешки создана умом. Позвольте мне выразить это следующим образом: ум и время – синонимы; в тот момент, когда ваш ум останавливается, время также останавливается. Чем более вы погружены в ум, тем более вы погружены во время; чем менее вы погружены в ум, тем более вы вне времени.

Существует знаменитое изречение Иисуса Христа – конечно, не отраженное в Библии. В Библии пропущено множество прекрасных высказываний Иисуса, но истина находит себе дорогу. Оно передавалось из века в век суфийскими мистиками.

Высказывание следующее... Кто-то спросил Иисуса: «Ты все время говоришь о царстве Бога. Что самое главное в царстве Бога? Что наиболее уникально в царстве Бога, о котором ты говоришь?»

Иисус сказал – очень простая вещь, но очень емкая – он сказал: «Там не будет больше времени». Странно, неожиданно. Человек ожидал от Иисуса чего-либо другого: Бог Отец будет там. Дух Святой будет там, все святые будут там, и ангелы будут играть на своих арфах: «Аллилуйя» – что-то в этом роде. Но он сказал нечто совершенно другое. Он сказал: «Там не будет больше времени», и он был прав.

Вечность означает отсутствие времени, но традиция иудаизма, из которого родились три религии – иудейская религия, христианская религия и мусульманская религия – все они содержат идею одной жизни. Идея одной жизни создает спешку, беспокойство, постоянное стремление достигать, не осознавая полностью, где и чего вы достигаете, не зная, что вы будете делать, даже если вы достигнете. Безумие возникает из-за того, что времени мало, и оно ускользает из ваших рук, и вскоре смерть постучит в двери, и вы все еще не совершенны – ничего особенного еще не произошло.

Поэтому, по мере того, как проходят дни, ваша боль становится все глубже и глубже, ваша тревога становится все глубже и глубже, ваша жизнь

превращается в бремя, вы начинаете себя подгонять. Вы постоянно дрожите от страха, что вам ничего не удастся сделать.

Именно это говорит Бхагавати. Он говорит:

Мне кажется, что кокон сна, в котором я существую, душит меня, и я боюсь, что никогда не справлюсь с ним.

Но не надо ни с чем справляться. Все, что нужно, уже случилось; так было с самого начала. Вы должны лишь наслаждаться им, а не справляться с ним. Вы должны в нем радоваться, а не справляться с ним. Но идея малого отрезка жизни, всего лишь семьдесят лет, неизбежно вызывает содрогание, потому что одну треть ее вы потратите на сон, другую – на образование, школы, колледжи, университеты и всевозможный вздор. Оставшаяся часть уйдет на добывание хлеба с маслом, ссоры с женой, заботу о детях, придирки к мужу, борьбу с соседями.

В самом деле, если вы однажды спокойно сядете и напишете, на что до сих пор уходила ваша жизнь, вы будете потрясены! Чем вы все это время занимались? Даже небольшие вещи занимают много времени – пока вы бреете каждый день бороду и усы... Посмотрите на женщину, стоящую часами около зеркала – даже зеркала устают! Сколько времени вы тратите на чтение одних и тех же идиотских газет каждый день? Одна и та же история; ничего нового не происходит. Нет новостей; все они стары – та же самая чепуха происходила в течение тысячелетий...

Позавчера Шила принесла вырезку из английской газеты. Епископ – кто же еще? – был приговорен к двенадцати годам заключения за изнасилование множества женщин. Это было его единственным занятием – он делал это религиозно. Но это не исключение; единственная вина епископа была в том, что его поймали, иначе бы в этом обвинили всех епископов. Они для этого рукоположены, они вынуждены это делать! Сама структура их жизни такова, что они должны быть фальшивыми, лживыми, двойственными. Он жил двойной жизнью, и все свои изнасилования он совершил после своих прекрасных духовных проповедей. Сначала он проповедовал о великих вещах в жизни – и безбрачие, должно быть, было одной из этих великих вещей в жизни – и потом, как результат его красивых проповедей: его – заученная образованность и его маска религиозного святого человека, его готовность отказать ото всех женщин. А они были невинные девушки четырнадцати, шестнадцати, восемнадцати лет. Он совершал это годами, но когда вы действуете под прикрытием религии, это легче скрыть.

Длинный репортаж, рассказ на всю страницу. Я сказал Шиле: «Сохрани его, потому что это старая история, это всегда происходило. Именно это всегда делали риши, муні, епископы, святые. Этому человеку не повезло».

Один из моих учителей, прекрасный старик, перед каждым экзаменом в школе говорил... Он был суперинтендантом на экзаменах. Мне нравился этот человек, его честность, его правдивость. Он приходил и говорил всем ученикам: «Я не против того, чтобы вы списывали у других или приносили с собой книги или шпаргалки – меня это не волнует. Меня заботит только то, что вы не должны быть пойманы с поличным. Если вы будете пойманы на этом, у вас будут неприятности, не сомневайтесь. Если вы уверены, что у вас это получится, со мной проблем не будет, но если я вас поймаю, то я уже не смогу ничем вам помочь».

Итак, он говорил: «Я дам вам пять минут. Закройте глаза и взвесьте ситуацию, и те, кто принес книги, шпаргалки вещи в этом роде, могут отдать их мне – это ни на что не повлияет. Но если вы решили списать, то не попадайтесь, будьте достаточно умными, достаточно мудрыми... И помните одну вещь: если вы достаточно умны, то вам не нужны все эти шпаргалки! И позвольте уверить вас, что если вы прибегаете к уловкам, это доказывает, что вы недостаточно умны, и вас поймут!»

И студенты немедленно начинали сдавать свои шпаргалки и записи, и это делали почти все!

Но я любил этого старика; он был искренним. Он говорил, что суть не в том, чтобы не обманывать, суть в том, что бы вас не поймали.

Вы читаете в газетах о том, что некоторых людей поймали. Все делают одно и то же – да, с небольшой разницей, но она незначительна. Количество может быть различным, но качество одно. Совершаются убийства, совершаются изнасилования, продолжаются войны, разные глупые вещи постоянно совершаются на протяжении веков, и вы читаете обо всех этих вещах и теряете впустую свое время – вы смотрите фильм, телевизионное шоу или слушаете одни и те же старые истории. Вы слышали их тысячи раз, вы знаете их наизусть, но вы все еще продолжаете занимать себя ими.

Если за всю семидесятилетнюю жизнь вы найдете хотя бы семь минут незанятого, невовлеченного, расслабленного отдыха в своем собственном существе, этого будет достаточно. Но даже эти семь минут упущены, и отсюда спешка: жизнь коротка, она проносится мимо – и другой жизни не будет. Придет смерть, и вы умрете совершенно пустым, не состоявшимся. И эта спешка не поможет, эта спешка только создает трудности. Конечно, она подгоняет вас, она заставляет вас гнаться за тенью, но, гоняясь за тенью, вы снова теряете время впустую.

...я чувствую, что мы должны спешить...

Если ты здесь, со мной, забудь всю эту спешку, забудь о времени. Иисус говорит – «Не будет больше времени в моем царстве Бога». Я скажу тебе: «Отбрось время, и в этот самый момент, здесь и сейчас, ты в царстве Бога». Зачем ждать царства Бога? Я бы хотел сказать обратное. Он говорит: «Войдите в царство Бога, потому что там не будет больше времени». Это неправильно; он запрягает лошадь позади телеги. Как вы войдете в царство Бога? Откуда вы войдете в царство Бога? В самом деле, идея того, что вы войдете в царство Бога будет сильно торопить вас: «Как побыстрее достичь его? Как войти в царство Бога, где нет времени, нет проблем, нет тревоги, и человек живет в вечном «сейчас»?» Но это «сейчас» становится «тогда»: сейчас становится целью.

Если вы понимаете суть, я говорю отбросить время, и в самом этом отбрасывании – гусь снаружи, – потому что время это ум. Отбросьте время, и вы в царстве Бога. Вы не только в царстве Бога, но вы всегда в нем были; время создало вокруг вас кошмарный сон, ум создавал всевозможные сны. Вы были окружены мглой, которую вы сами создали.

Ты говоришь:

Мне кажется, что кокон сна, в котором я существую, душит меня, и боюсь, что я никогда не справлюсь с ним.

И я боюсь также! Если ты пытаешься справиться с ним, Бхагавати, то ты никогда не справишься с ним. Отбрось саму идею о том, что бы справиться с ним, забудь все о нем. Радуйся мгновению! Неужели ты не слышишь зов кукушки вдалеке, неужели ты не слышишь крики ворон, неужели ты не слышишь пение птиц? Они сейчас и здесь. Нет спешки. Нет вчера, нет завтра.

Иисус говорил своим ученикам: «Посмотрите на прекрасные лилии в полях, они прекраснее, чем сам царь Соломон во всем своем величии». В чем же секрет этих бедных цветов лилии? Секрет, говорит Иисус, в том, что они не думают о завтра, они живут сейчас. Жизнь существует сейчас, и нет надобности, справляться с ней. Она уже есть! Вы в ней!

Кабир говорит, что вы подобны рыбе, которая страдает от жажды в океане. Вы родились в нем, вы его часть, вы живете в нем, вы его проявление, и вы исчезнете в нем. Вы в точности как волна океана. Но рыба страдает от жажды в океане, потому что она представляет себе другой океан, другую жизнь, другое время, другое пространство, некое царство Бога.

Отбросьте весь этот мусор! Нет другого царства Бога, кроме того, которое есть сейчас. И в нем уже есть деревья, в нем уже есть горы, в нем уже есть звезды, и только человека в нем нет, только человек остается вне него. А причина того, что человек остается вне него, заключается в том, что он пытается постичь, понять его, составить концептуальную систему, в которой все можно представить логически. Существование парадоксально; если вы пытаетесь сделать его логическим, вы никогда не справитесь с ним, вы никогда не постигнете его.

Бхагавати, ты говоришь:

Ошо, ты говоришь, что гусь уже снаружи. Почему же это кажется таким непостижимым?

Потому что он уже снаружи! Просто смотри, не думай об этом. В тот момент, когда вы думаете, вы уходите далеко в сторону. Не размышляй над этим, просто смотри. Это не вопрос раздумий о чем-то, хождения по кругу, это не вопрос большой интеллектуальности, философской проницательности, логической эффективности. Дело не в тренированном уме; дело в чистом сердце.

Просто смотри! Вытри слезы, сотри со своих глаз всю пыль, которая осела на них, и просто взгляни на существование. Лист, падающий с дерева, может стать твоим просветлением.

Будда стал просветленным, когда он увидел последнюю звезду, исчезающую утром. Как только звезда исчезла, Будда стал просветленным.

Просветление - это не то, что должно быть достигнуто, это нечто, что есть в самой вашей природе. Поэтому не пытайтесь поймать свой собственный хвост. Вы, наверное, видели, как собаки пытаются это сделать... Собаки большие философы школы Аристотеля; они страдают от «аристотелизма»! Иногда можно наблюдать, как они наслаждаются солнцем зимним утром, но им не дает наслаждаться хвост. Хвост всегда с ними, и они хотят его поймать. Они подпрыгивают, и хвост подпрыгивает, они прыгают усерднее - логическое заключение: вы не достаточно усердно прыгали, вы должны совершить большее усилие. Чем больше усилий они прилагают, тем быстрее прыгает хвост - они начинают сходиться с ума. Это ваш собственный хвост, и нет нужды ловить его.

Существование, просветление, правда - все они принадлежат вам; не нужно постигать, вам в первую очередь нужно достигнуть. И когда вы достигаете, вы постигаете.

Второй вопрос:

Ошо, я радикальный революционно настроенный политик. Можешь ли ты что-нибудь сказать мне?

Вернер, ты уже зашел слишком далеко - ты не будешь слушать. Достаточно быть только политиком, а ты радикальный революционер - раковая опухоль удваивается, утраивается! Неужели недостаточно политики? Должен ли ты быть еще и радикальным и революционным? Но мы всегда находим красивые слова, чтобы скрыть безобразную реальность.

Политик не может быть революционером, потому что революция может быть только духовной. Ни один политик не может быть радикальным; само слово «радикальный» означает «касающийся корней». Политик лишь подрезает листья, он не имеет никакого отношения к корням. Только просветление ведет вас к корням, только медитация ведет вас к корням ваших проблем.

Политика всегда существовала, политики всегда существовали, но что же происходило? Мир остается все в том же плачевном состоянии. В самом деле, несчастья множатся с каждым днем. Все эти революционеры и радикальные политики только доказали свою несостоятельность - конечно же с хорошими намерениями; но намерения совершенно не имеют значения, значение имеет только сознание.

У политика нет сознания: фактически, он пытается избежать своих собственных внутренних проблем, он пытается убежать от своих проблем. А самый легкий способ убежать от себя – начать беспокоиться о мировых проблемах, о политике, об истории, помогать бедным, пытаться изменить состояние общества, реформировать его. Все это стратегии для того, чтобы избежать своих собственных проблем – тонкие и опасные стратегии, потому что человеку кажется, что он совершает нечто великое, тогда как он сам просто остается трусом.

Вернер, сначала посмотри в лицо своим собственным проблемам, встретись с ними. Для начала попытайся трансформировать свое бытие. Только трансформированный человек может вызвать процесс трансформации в других.

Ты спрашиваешь меня:

Ошо, можешь ли ты что-нибудь сказать мне?

Запомни две вещи. Во-первых, три правила разрушения. В этом мире существуют три пути, ведущие к саморазрушению: первый через секс, второй через азарт, и третий через политику. Секс самый приятный, азарт самый захватывающий, а политика – самый верный.

Вторая вещь, помни фундаментальный закон всех революций: когда приходит революция, все изменится – не улучшится, просто изменится.

Политики веками вели весь мир – куда, к какой цели? Неужели прошло недостаточно времени, чтобы мы не могли увидеть всю глупость этой игры? По крайней мере, мы осознаем, полностью осознаем пять тысяч лет, прошедших в политике; перед этим все было так же, но что произошло за пять тысяч лет политических игр? Люди остались в той же тьме, в том же несчастье, в том же аду. Да, политика продолжает давать им надежду – надежду на лучшее завтра, которое никогда не придет. Завтра никогда не придет.

Это опиум для народа. Карл Маркс говорил, что религия – это опиум для народа. Это правда, это правда на девяносто девять и девять десятых процента, и лишь на одну десятую процента это не так. Будда, Иисус, Лао-цзы, Заратустра – только этих немногих можно включить в эту одну десятую процента. Карл Маркс прав на девяносто девять и девять десятых процента в том, что религия оказалась опиумом для народа. Она держала людей в состоянии опьянения, в состоянии сна, и благодаря этому они могли выносить нестерпимое существование, они могли выносить рабство, голод, в надежде на лучшее завтра. Религии предлагают это лучшее завтра в другом мире, после смерти.

Люди приходят ко мне и спрашивают: «Что случится после смерти?» Я не отвечаю им, вместо этого я задаю им другой вопрос. Я прошу их: «Забудьте о том, что будет после смерти, позвольте мне узнать у вас одну вещь: что происходит до смерти?» Что бы ни происходило до смерти, то же будет продолжаться и после смерти. Это континуум: ваше сознание будет прежним, неважно, до или после. Тело может не остаться прежним, вместилище может измениться, но содержимое останется тем же. Что бы ни случилось, это случается с содержимым, а не с вместилищем.

Подумайте о гусе, не беспокойтесь о бутылке. У вас могут быть разные бутылки, сделанные красивее, из лучшего материала, более совершенные, – хрустальная бутылка, бриллиантовая бутылка – но это не имеет никакого значения. Имеет значение лишь ваше сознание – гусь.

Во первых, религия обещала народу опиум «завтра», «после смерти». Миллионы людей оставались в этом состоянии опьянения, под действием этого хлороформа, религиозного хлороформа. Сегодня политика делает то же самое. Даже коммунизм оказался не чем иным, как опиумом для масс; коммунизм – это новая разновидность религии. Стратегия все та же: «Завтра придет революция, и все станет хорошо». Вы должны пожертвовать вашим сегодняшним днем во имя завтра, а завтра не придет никогда.

Шестьдесят лет прошло после русской революции, и завтра все так же далеко, как и раньше. Тридцать лет прошло после революции в Индии,

революции Ганди, и завтра остается все так же далеко, фактически, еще дальше, чем раньше. Люди, которые жертвовали собой, жертвовали собой впустую, было бы лучше, если бы они остались в живых. Люди, которых убили, в действительности совершили самоубийство, в надежде, что они сослужат великую службу человечеству.

Не создавай в мире еще больше безумия, Вернер, он уже полон безумия.

Один из моих коллег некоторое время работал в психиатрической больнице. Производя обходы, он должен был спрашивать пациентов: «Почему вы здесь?» Ответ в какой-то степени выявлял степень ориентации пациента в реальности.

Однажды утром, психолог получил ответ, который убил его наповал. «Я здесь», – ответил пациент, – «по той же причине, что и вы, доктор. Я не могу сделать из нее и шагу во внешний мир».

Пациенты и врачи, люди и политики – все они в одной лодке. Все они Аятолла Хомейни! В мире множество всевозможных маньяков. Вернер, если ты бросишь свою радикальную революционную политику, то будет, по крайней мере, одним Хомейни меньше, и это будет великое благодеяние.

Третий вопрос:

Ошо, я слышал, как ты говорил о том, что знание бесполезно. Тогда что же необходимо для того, чтобы вести нас к высшей цели?

Гитам, в твоём вопросе есть одна хорошая вещь, которую я оценил; ты говоришь: «Я слышал, как ты говорил...» С этого начинаются все буддийские писания; это очень искренняя вещь.

Христианские, иудейские, индуистские, мусульманские писания не начинаются таким образом, но все буддийские писания начинались: «Я слышал, как Мастер говорил...», потому что неважно, сказал ли это Мастер или нет, – «я слышал это»; это две разные вещи. Возможно, Мастер сказал одно, а вы услышали совершенно другое, потому что между вами и Мастером существует огромная преграда – преграда ума, предрассудков, концепций, представленных заранее идей. Итак, то, что вы слышите, не обязательно то, что было сказано.

Гитам, хорошо, что ты говоришь: «Я слышал, как ты говорил...» Ты не говоришь: «Ты сказал...» – ты говоришь: «Я слышал... Может быть, это правильно, может быть, неправильно; возможно, ты сказал это, возможно – нет».

Это должны запомнить все мои саньясины: когда вы цитируете меня, помните, это то, что вы слышали. Тогда возможно, это было сказано, возможно, этого не было сказано вовсе; могло быть сказано что-то другое.

И именно так часто бывает.

Ты говоришь:

Ошо, я слышал, как ты говорил, о том, что знание бесполезно.

Нет, я не говорил этого. Знание очень полезно – бесполезна мудрость! Знание нужно на рынке, в бизнесе, в политике. Знание нужно везде – в науке, в технологии – знание нужно везде. Знание очень полезно, утилитарно; мудрость абсолютно бесполезна, но в этом и заключается ее красота. Это не товар, вы ни каким образом не можете ее использовать; вы не можете продать ее, вы не можете купить ее. Она не принадлежит к утилитарному миру; это цветение.

В чем польза цветка розы? В чем польза песни птицы? В чем эта польза? Если вы посмотрите на существование – звезды, облака, горы, реки – в чем польза всего этого? Все это бесполезно. Почему так красивы бабочки? Почему Бог с такой заботой нарисовал им крылья? Для чего все это?

Помните, внешний мир это мир утилитарного; внутренний мир это мир значения, не утилитарности. Внешний мир имеет совершенно другое измерение

- там оно нужно. Вам нужен хлеб, вам нужно масло, вам нужен дом, вам нужны лекарства, вам нужна одежда, кров; вам нужны тысячи вещей. Но внутренний мир просто роскошь; это не потребность, это - радость. Это чистое наслаждение.

Если кто-нибудь спрашивает вас: «В чем польза любви?» - вопрос не имеет ответа, из-за самого факта использования слова «польза». Любовь это не товар; мир может продолжать существовать без любви - он уже обходится без нее. Все идет очень хорошо; фактически, лишь когда приходит любовь, начинается беспокойство. Из-за этого все общества против любви.

Мир прекрасно обходится без музыкантов. Кому нужны музыканты? Они не смогут вести поезд, управлять самолетом; они неблагонадежные люди.

Мне приходилось путешествовать по Индии. Один мой друг, который умер всего несколько месяцев назад, очень любил путешествовать. Я старался садиться на самые быстрые поезда, потому что должен был объехать всю страну, а он любил путешествовать на пассажирских поездах, которые останавливались на каждой станции, каждой маленькой станции. Путь, который можно было бы совершить за десять часов, занимал четыре дня, пять дней, иногда семь дней. И когда он был со мной, он всегда настаивал...

Однажды я согласился, и это действительно было удовольствием, потому что он знал, где найти самый лучший чай, где - самое чистое молоко, где можно достать лучшие сладости, где можно достать лучшие яблоки, манго. За эти пять дней путешествия с ним я совершенно забыл, куда мы направлялись - не нужно было куда-либо направляться! И все знали его - портье, станционные смотрители, машинисты - потому что он всегда путешествовал этими маленькими поездами. И на каждой станции поезд останавливался на час, на полчаса, на два часа.

Одна маленькая станция была действительно красивым местом. Вся станция была окружена большим манговым садом, сотнями манговых деревьев. Он вышел со мной на станцию и начал взбираться на дерево. Я сказал: «Что ты делаешь?» Он ответил: "Манго созрели!" И я сказал: «Если поезд отправится, у нас будут неприятности!» Он сказал: «Не волнуйся. Забирайся со мной». И я залез вслед за ним. Я постоянно говорил ему: «Время прошло, поезд отправляется». Он отвечал: «Не волнуйся. Видишь вон того человека вверх?» - Там действительно был еще один человек. - «Это машинист. Пока он не слезет, поезд не двинется с места!»

Я наслаждался этим моментом!

Можно прожить жизнь утилитарным образом, а можно - как игру. Музыка, любовь, цветы, звезды, поэзия, живопись, танцы - все это принадлежит внутреннему миру. Я не против знания; когда вы делаете что-то в мире, используйте свои знания. Использовать в нем мудрость глупо; опасно медитировать, сидя в машине. В ней вы должны использовать всю вашу производительность, все ваши знания, все ваше «ноу-хау», но это не должно ограничивать вас. Вы не должны становиться одержимым, вы должны сохранить способность идти внутрь. Когда работа закончена, вы должны иметь возможность закрыть двери внешнего мира и вернуться во внутренний. Тогда танцуйте, пойте, медитируйте, любите, живите. Человек должен быть гибким, текучим.

Это непонимание, Гитам, возможно и со мной, но вы можете увидеть мой подход, если вы не приносите в это свой ум. Я не говорю вам отказаться от мира по той простой причине, что вы всегда можете использовать свои знания. Сидя в пещере в Гималаях, вы не сможете использовать свои знания. А внешний мир так же красив, как и внутренний - если у нас есть оба, то зачем же выбирать один?

Все мое послание заключается в том, что если вы можете съесть пирожное, и съесть его целиком, то зачем же довольствоваться половиной? Знание полезно во внешнем мире, во внутреннем мире оно служит помехой. И то же верно о внутренней мудрости: она приносит безмерную радость внутри, но не пытайтесь использовать ее снаружи.

Были сделаны обе эти ошибки. Запад жил лишь через знания, поэтому он потерял внутреннее измерение, он потерял внутреннее цветение, он потерял контакт со своей собственной сущностью. Восток сделал обратное: считая, что знание бесполезно, он стал ненаучным, неэффективным, и его внешний мир пострадал. Он беден, безобразен, ненаучен.

Запад утратил связь со своей собственной душой, а Восток утратил связь со своим собственным телом.

Человек – это танец этих взаимодополняющих компонентов; это партнеры в танце. Это два крыла: вы не можете взлететь в небо с одним крылом, с одним крылом вы упадете. Запад упал. Восток упал; они доказали свою полную несостоятельность.

Нам нужен новый вид человеческих существ, у которого были бы оба крыла: крыло знаний, науки, техники и крыло медитации, просветления, любви, свободы. Когда оба крыла будут функционировать в глубокой синхронности, в глубоком единстве, в согласии и гармонии, только тогда человек будет завершен, полон.

Знание не нужно для внутреннего мира. Ты спрашиваешь о внутреннем мире:

Тогда что же необходимо для того, чтобы вести нас к высшей цели?

Высшей цели нет – пусть это будет ясно с самого начала. Нет цели как таковой, поэтому нет и вопроса о высшей цели. Все, что есть, есть непосредственно – позвольте мне повторить, непосредственно. Нигде нет ничего высшего, непосредственность является высшим. И нет цели; само по себе паломничество есть цель. Каждый шаг это цель, каждое мгновение – это цель.

Для этого не нужно знание, потому что знание – это руководство для достижения цели. Для этого нужна бесцельная непосредственная жизнь, нужна невинность, не знание. Невинность, непосредственность ребенка, то, что Дионисий назвал «сияющим неведением» – именно то, что надо; сияющее неведение, просветленное состояние незнания.

Вы всегда думаете о просветлении, как о высшем знании – вы не правы. Просветление – это конечное состояние незнания; это сияющее неведение, это состояние ребенка. Мудрец снова становится ребенком. Он начинает собирать цветные камушки, гальку, ракушки на берегу моря. Он начинает собирать дикие цветы, совершенно без причины, только ради чистой радости.

Учительница воскресной школы спросила свой младший класс, не может ли кто-нибудь назвать какую-нибудь из десяти заповедей, и мальчик дошкольного возраста встал и громко сказал: «Не пренебрегай прелюбодеянием!»

Это сияющее неведение, так невинно: «Не пренебрегай прелюбодеянием!»

Симпатичную молодую учительницу беспокоил один из ее одиннадцатилетних учеников. Однажды, после уроков, она отвела его в сторону и спросила: «Почему в последнее время ты так плохо работаешь в школе?»

«Я не могу сосредоточиться», – ответил мальчик. – «Боюсь, что я влюбился».

«Неужели это так?» – сказала учительница, подавляя улыбку. – «И в кого?»

«В вас», – ответил он.

«Но, Виктор», – воскликнула польщенная в душе молодая женщина, – «неужели ты не понимаешь, как это глупо? Я, конечно же, хочу, чтобы у меня когда-нибудь был муж, но мне нужен мужчина, мне не нужен ребенок».

«О, не беспокойтесь», – сказал Виктор уверенно, – «я буду осторожен!»

Строгий отец однажды взял своего маленького сына Джонни на прогулку, и вдруг прямо перед ними пчела села на камень. Мальчик раздавил ее камнем,

на что отец сказал ему: «Это было жестоко, и за то, что ты был жесток, ты не получишь меда в течение всего года».

Через некоторое время Джонни нечаянно наступил на бабочку. «А за это, молодой человек», – сказал отец, – «ты целый год не получишь масла». Когда они пришли домой, мама Джонни была занята приготовлением обеда. Как только они вошли на кухню, она увидела таракана и тут же убила его. Маленький мальчик победоносно взглянул на отца и сказал: «Мне сказать ей, папа, или ты скажешь?»

Директор школы зашел в класс к новой учительнице третьего класса посмотреть, как она справилась со своим первым днем в школе.

«Возникла одна проблема», – сказала она. – «Вот этот маленький мальчик в первом ряду должен учиться во втором классе, но он настаивает на том, чтобы остаться здесь, и он такой способный, что мне не хочется отправлять его обратно».

«Он не может быть настолько способным», – сказал директор. – «Спросите его что-нибудь».

Учительница попросила мальчика выйти вперед и спросила:

«Что делает собака на трех ногах, мужчина делает на двух, а я делаю сидя?»

«Рукопожатие», – сказал мальчик.

«Чего есть у коровы четыре, а у меня две?» – продолжала она.

«Ноги», – ответил мальчик.

«Какое слово из четырех букв означает отношения?» – продолжила она.

«Речь», – ответил он.

Учительница повернулась к директору. – «Итак, что я должна делать?»

Он отвел ее в сторону и прошептал; «Лучше перевести его в четвертый класс. Я не смог ответить правильно ни на один из этих вопросов!»

Последний вопрос:

Ошо, можешь ли ты сказать что-нибудь серьезное, чтобы я тоже поняла?

Прем Брита, это действительно сложный вопрос. Я не знаю, что такое серьезность. Я могу попытаться, но я не уверен в успехе. Я никогда не был серьезным – чем более серьезным я кажусь, тем менее я серьезен на самом деле! Но давайте попробуем кое-что сделать для Прем Бриты. Кто знает? Она, может быть, сможет извлечь что-либо серьезное из этого. Люди слышат различные вещи, о которых я не говорил, которых я не имел в виду, которые мне даже и не снились. И она, может быть, тоже поймет что-то!

В старые времена в еврейских деревнях был обычай: после бракосочетания и первой брачной ночи раввин приходил и смотрел на простыни, чтобы проверить, была ли невеста девственницей.

Молодая новобрачная знала это, и также знала, что не пройдет испытание. Итак, она встала посреди ночи и капнула несколько капель чернил на простыни, но так как было темно, она перепутала бутылочку и взяла зеленые чернила.

На следующее утро, как и ожидалось, пришел раввин, чтобы совершить проверку. Вдруг он закричал: «Какой монстр! Он проткнул ее желчный пузырь!»

Нет, это не серьезно! Давайте попробуем еще раз.

Пожилый джентльмен и пожилая леди разговаривали. Они говорили о добрых старых временах, и он спросил ее:

«Простите, вам когда-либо приходилось краснеть?»

«О да», – сказала она, – «четыре раза. Первый раз, когда я предстала обнаженной перед своим мужем. Второй раз, когда я разделась перед своим любовником. В третий раз, когда я взяла за это деньги. И в четвертый раз, когда я сама заплатила за это. А вам?»

Мужчина на какое-то мгновение задумался, а потом сказал:

«Я краснел дважды. Первый раз, когда я не смог сделать этого во второй раз. И во второй раз, когда я в первый раз не смог этого сделать».

Опять у меня не получилось! Я плохой стрелок, потому что я не верю в мишени и цели, и мои стрелы попадают куда угодно, только не в мишень.

Последняя попытка.

На небесах происходил ежегодный охотничий сезон. Только Святой Дух не желал участвовать – каждый год до сих пор сезон заканчивался для него выстрелом из дробовика по заднице.

Наконец, Бог-Отец убедил его участвовать, пообещав внимательно присматривать за ним. Но, в конце концов, это случилось опять: прозвучал выстрел, и Святой Дух запрыгал в агонии, держа руки ниже спины.

Бог Отец в ярости вбежал в кусты и вытащил из них Иосифа.

«Иосиф!» – закричал он. – «Ты когда-нибудь сможешь простить ему то, что он сделал с Марией?»

ГЛАВА 3

НЕТ ВЕРШИН, НЕТ ДОЛИН
(3 марта 1981 года, утро)

Первый вопрос:

Ошо, ты зовешь с вершины. Я затерялся в отражающих эхо долинах. Как я могу прийти к тебе?

Свами Дева Рахаман, не существует вершин, не существует долин; сама идея надуманна. Нет ничего высшего, нет ничего низшего; в существовании нет никакой иерархии. Существование это одно космическое целое, органичное единство. Но эгоист всегда пытается разделить людей на различные категории: невежественных и просветленных, грешников и святых; преступников и добродетельных; пресловутых и славных; моральных и аморальных. Одна и та же игра: разделять людей, а затем пытаться причислить себя к высшей категории, чтобы можно было претендовать на то, что бы быть «святее всех святых».

Поэтому я хочу, чтобы ты постоянно помнил, что не существует вершин, не существует долин; все мы принадлежим к одному океаническому целому. Самая маленькая былинка так же значительна, как и самая большая звезда. Все они участвуют в одной и той же космической игре, все они вносят вклад в ее красоту, в ее радость, в ее песню, в ее праздник. Существование потеряет от утраты даже крошечной травинки; чего-то будет не хватать, возникнет пустота.

Мой подход к жизни состоит в неделимости. Мои саньясины не являются моими последователями; они не должны подражать мне, они не должны становиться мной.

Поэтому, Дева Рахаман, не используй этот язык, не используй подобные представления.

Не говори:

Ошо, ты зовешь с вершины. Я затерялся в отражающих эхо долинах.

Вершины и долины являются частью целого: вершины не могут существовать без долин, долины не могут существовать без вершин. Поэтому, кто важнее? Они взаимозависимы. Жизнь не является зависимой или независимой, жизнь представляет собой континуум взаимозависимости. Она красива, где бы вы ни были, она прекрасна, кем бы вы ни были.

Желание быть на вершине – ошибочное желание, все подобного рода желания ошибочны, а религиозные – намного более ошибочны, чем другие, по той простой причине, что другие желания могут быть исполнены. Разумеется при их достижении, вы не получите ничего кроме разочарования; будут они достигнуты или нет – разочарование неизбежно. Если ваше желание будет исполнено, вы будете разочарованы – фактически, даже более того, так как теперь вы увидите, что гнались за тенью; вы ее догнали, но в ней ничего нет. Если ваше желание не будет исполнено, вы будете разочарованы, поскольку вся ваша жизнь потрачена, а вы не смогли добиться исполнения одного-единственного желания. Все ваши надежды разбиты.

Надеждам суждено быть разбитыми. Надеяться – значит стремиться к безнадежности, желать – значит порождать разочарование. Но в мирских делах, по крайней мере, есть возможность достижения успеха или неудач, достижения или не-достижения. Но в духовных сферах суть совершенно не в достижении, потому что гусь снаружи! Ничего нельзя сделать, гусь уже снаружи. В тот момент, как вы начинаете наслаждаться своей долиной, вы уже на вершине – другой вершины не существует!

Однажды я решил, что с меня достаточно. Я отбросил идею о вершинах и стал наслаждаться долиной, и я увидел чудо: долина исчезла. Фактически, с самого начала долины и не было, я всегда был на вершине, но поскольку я искал вершину, я не мог увидеть, где нахожусь.

Ваши глаза сфокусированы на отдаленном, поэтому вы не замечаете очевидного. Оно здесь, но ваш ум, нацелен на голубое небо, где-то там. Реальность окружает вас: она даже ближе, чем биение вашего сердца, она ближе, чем ваше дыхание, она ближе, чем движение вашей крови, ближе вашей сущности, ближе вашего сознания. Она – ваш истинный центр, ваше истинное существо!

Рахаман, не спрашивай о вершине, иначе ты всегда будешь упускать ее. И чем больше ты будешь упускать, тем больше будешь вовлечен в порочный круг; ибо, чем сильнее тебе недостает вершины, тем больше ты стремишься к ней, тем больше будут твои усилия; чем больше тебе будет не доставать ее, тем более ты станешь похожим на американца: «Попытайся снова и снова, постарайся изо всех сил». Простой вывод: если тебе чего-то недостает, значит, ты недостаточно напрягаешься, поэтому вложи в это всю свою энергию. И все же ты упустишь; с этим невозможно справиться. Ты добиваешься невозможного, и невозможного не происходит; оно не может произойти, оно никогда не происходило – это не в природе вещей.

Будда говорит снова и снова – аис дхаммо санантано – такова природа вещей. Прислушивайтесь к природе вещей, и вы никогда не будете страдать; попробуйте усовершенствовать ее, и вы окажетесь в аду. Ад является нашим созданием; мы создаем его, пытаюсь сделать невозможное. Небеса – это наша природа, это наша спонтанность, и именно там мы находимся всегда.

Вы, наверное, слышали библейскую историю о том, что Бот изгнал Адама и Еву из своего царства, из садов Эдема. Это неверно в своей основе; это неверно по двум причинам. Первое:

причина, из-за которой они были изгнаны, весьма деспотична – они не послушались его. Он кажется весьма обыкновенным папочкой, слишком ординарным, фанатичным! Небольшой детский бунт, который является частью природы, частью роста... Мы должны быть чрезвычайно признательны Адаму и Еве за то, что они не послушались. Это явилось началом человечества, началом революции, началом развития, зрелости, свободы, чувства собственного достоинства. Они восстали против того, чтобы быть животными. Все остальные животные были очень хорошими католиками, все они ходили каждое воскресенье в церковь, читали Библию, соблюдали заповеди, следовали всем распоряжениям, даже не задавая вопросов. Они по-прежнему делают то же самое, поскольку собаки остались собаками, орлы остались орлами, буйволы остались буйволами, ослы, какими бы они ни выглядели святыми и праведными, остались ослиами. Только человек вырос; его развитие началось с бунта.

Бунт был таким естественным – каждый ребенок должен пройти через него. Наступает момент, когда ребенок должен сказать «нет», он должен настоять

на своем «нет». Фактически, если ребенок не научится говорить «нет», то он и никогда не будет способен сказать «да»; его «да» будет бессильно без основы «нет». «Нет» необходимо как основа; только на этой канве «нет» может быть написано прекрасное «да».

Бог отказал человеку в его врожденном праве сказать «нет», и этим отказом он лишил человека высшего роста к «да». Вся эта история фанатична, уродлива.

Во-вторых: куда вы можете изгнать человека? Все существование заключено в садах Эдема! Нет ни другого места, ни другого пространства, ни другого времени. Вся вселенная божественна, поэтому, где бы вы ни были, вы останетесь в садах Эдема. Единственная возможность в том, чтобы внушить человеку идею, что он должен достичь садов Эдема. Вы находитесь в саду, и мысль, что вы были изгнаны из сада и должны в него вернуться, создает все проблемы, беспокойство, страдание, боль. Не осознавая, где вы находитесь, вы страстно желаете невозможного, потому что вы уже на месте.

Именно это тело – Будда. Именно это место – Рай Лотоса.

Нет другого Будды, и нет другого Рая Лотоса. Слово «рай» (англ. «paradise») происходит от персидского «фирдаус»; «фирдаус» означает сад – та же самая история, сады Эдема. Каждый ищет рай. Вы можете давать ему разные имена – нирвана, просветление, самадхи, царство Бога, предельная истина – вы можете продолжать давать разные имена, но все же вы упустите его – не потому, что вас изгнали из сада, но потому, что вы находитесь в саду и глубоко впали в состояние глубокого сна. Сон состоит из ваших желаний достичь чего-то другого, вершин.

Я повторяю снова и снова, что вы уже здесь. Просто посидите спокойно и оглянитесь, посидите спокойно и посмотрите внутрь себя. Вы никогда не были больше нигде! Аис дхаммо санантано – такова природа вещей – вы не можете быть больше нигде.

Роза это роза это роза, – другой возможности нет – но вы можете свести розу с ума. Вы можете внести в ум розы идею: «Ты должна быть розой. Что ты здесь делаешь? Теряешь время, теряешь великую возможность. Бог дал тебе возможность быть розой. Что ты здесь делаешь? Качаешься на ветру, танцуешь под лучами солнца, воспринимаешь жизнь как забаву? Будь серьезной, будь угрюмой, стань праведной! Читай Коран, Гиту, Библию!» – и вы сведете розу с ума.

Хорошо, что розы не понимают вашего языка. Хорошо, что их ничуть не беспокоит то, о чем вы говорите. Хорошо, что они продолжают жить своей жизнью, не беспокоясь обо всех ваших политиках, священниках, профессорах. Вот почему они так прекрасны, так невинны. Ваши священники не могут быть столь же прекрасны, они не могут быть столь же невинны; они всегда коварны.

Поселившись в большом мотеле, евангелист в течение нескольких часов читал в своем номере, затем он прогулялся в бар и разговорился с хорошенькой гардеробщицей. После того, как она закончила работу, они немного выпили и удалились в его комнату. Но когда евангелист начал снимать с нее блузку, она заколебалась. «Вы уверены, что это правильно?» – спросила она. – «В смысле, вы же святой человек?»

«Моя дорогая», – ответил он, – «об этом написано в Библии».

Она поверила ему на слово, и они провели вместе весьма приятную ночь. Однако, на следующее утро, когда девушка собралась уходить, она сказала: «Знаете ли, я не помню этого места в Библии, о котором вы упомянули прошлым вечером. Не могли бы вы мне его показать?».

В ответ евангелист взял с ночного столика благотворительную Библию, входящую в убранство гостиничного номера, открыл ее и указал на титульный лист, на котором кто-то написал: «Гардеробщица дает».

Вот каковы ваши священники, ваши евангелисты, ваши великие духовные лидеры! Все они больны неврозом, и они заражают своим неврозом все человечество. Остерегайтесь всех этих духовных глупостей, ведь духовная чепуха – это настоящая чепуха; любая другая чепуха очень обыкновенна, повседневна. Фактически, когда дело касается мирских вопросов, вы не сможете быть полным идиотом, – реальность не допустит этого – но религиозный идиотизм не знает пределов. Нет реальности, нет критериев, по которым вы могли бы судить, поэтому вы можете погрузиться во всевозможное эзотерическое дерьмо.

Ваши священники собирают дерьмо, и в течение столетий они поливали вас этим дерьмом! Вы ползаете в навозной куче! Настало время из нее выбраться.

Дева Рахаман, ты можешь быть только таким, какой ты есть. Прими это – не только прими, но и наслаждайся, люби, и вершина начнет открываться прямо в твоём сердце; внезапно ты обнаружишь, что ты проснулся в саду Эдема, немедленно. Суть не в том, чтобы куда-либо идти, а в том, что бы быть здесь. Ты спрашиваешь меня:

Как я могу прийти к тебе?

В этом нет необходимости. Ты должен прийти к себе, а не ко мне. Я здесь не для того, чтобы создавать новый вид невроза. Достаточно и других альтернатив! Христианство, индуизм, ислам, джайнизм, буддизм... триста религий в мире. Ты можешь выбрать свой собственный вид невроза; они имеют различные очертания, различные размеры. Ты легко можешь подхватить любой вид фанатизма, невроза, и ты будешь поглощен им всю свою жизнь – только им. Он не даст тебе времени и места, чтобы танцевать, петь, праздновать.

Все цели создают глубоко в тебе раздвоение личности, лицемерие. Ты есть то, что ты есть, а ты пытаешься стать тем, чем не являешься. Вначале это только попытка стать тем, чем ты не являешься; постепенно ты также начинаешь притворяться, что становишься не тем, что ты есть на самом деле, так как постоянно терпеть неудачу очень унижительно. По крайней мере, ты можешь притворяться перед другими, ты можешь носить маски, ты можешь создать определенную личину, личность, стиль, фасад, и ты можешь начать жить за этим фасадом. Люди будут только смотреть на твою маску и будут верить в нее – и ты поверишь в нее – потому что они считают, что ты святой и праведный, что ты такой-то и такой-то.

Это очень странная игра: ты начинаешь ее и вскоре сам попадаешь в эту ловушку – в ловушку собственной лжи! И коль скоро ты попадаешь в сети собственной лжи, ты будешь пытаться скрывать правду, избегать правды, подавлять правду; ты будешь вкладывать в свою ложь все больше и больше. Ты можешь быть маргариткой и потратить всю свою жизнь на то, чтобы стать розой. Ты можешь быть розой и потратить всю свою жизнь на то, чтобы стать бриллиантом – каковым ты не сможешь стать. Это сущая глупость человеческого опыта, который длится столетиями.

Поэтому то, что я говорю, ранит. Это не вопрос малого измерения, это вопрос всеобъемлющего измерения, в течение тысячелетий человек жил лицемерной жизнью, совершенно фальшивой, ложной, и сейчас разрушение всех его вложений, всех его представлений действительно ранит. Поэтому все будет против меня, за исключением нескольких людей, которые достаточно разумны для того, чтобы проснуться.

«Моя так называемая либеральная мать на самом деле такая ханжа», – грустно сказала студентка – капитан болельщиков – своей соседке в раздевалке. – «Она сказала, что я смогу носиться со своими свиданиями только в том случае, если ко мне не будут прикасаться ниже талии».

«О, это ужасно», – посочувствовала ее подруга. – «Что же ты собираешься делать?»

«Первое, что я сделаю», – хихикнула студентка, – «это научусь стоять на голове».

Именно это и делают ваши религиозные люди: сиршасана – искусство йогов стоять на голове. Это действительно удовлетворяет нечто: ваше эго. Когда вы делаете что-то неестественное или, по крайней мере, притворяетесь, это удовлетворяет ваше эго. Природа не может удовлетворить ваше эго. Если вы принимаете пищу и наслаждаетесь едой, чем здесь можно хвастаться? Если вы занимаетесь любовью и наслаждаетесь этим, чем здесь можно хвастаться? Но если вы дали обет безбрачия, это уже повод для хвастовства, если вы поститесь, у вас уже есть нечто, чего нет у других, тогда вы можете почувствовать себя выше других, более значимым, великим, избранным. Неестественное имеет привлекательность, и хотя оно разрушает всю вашу жизнь, оно привлекает эго. И пока мы не устраним все эти игры эго, лицемерие не может исчезнуть из мира.

Раввин Гольдштейн только что переехал в новую квартиру и решил, что должен познакомиться со своим соседом по площадке. Когда дверь открылась, он был приятно удивлен, столкнувшись с молодой девицей – белокурой и полуодетой.

Хотя и взволнованный этим неожиданным улыбающимся видением, раввин не растерялся и немедленно произнес спасительную фразу: «Привет, я ваш новый чай по соседке – не одолжит ли мне площадка чашечку сахара?»

Вы можете попытаться стать неестественным, но ваша природа заявит о себе тысячей и одним способом; она снова и снова выйдет на поверхность. Вам придется успокаивать ее, подавлять ее.

Раннее утро в игорном доме в Лас-Вегасе. Два особенно упорных игрока все еще стоят у рулетки, не желая упускать удачу. К ним подходит благоухающая духами брюнетка, одетая в брючный костюм.

«Хотя еще очень рано», – сказала она, – «сегодня утром я чувствую себя везучей. Я бы хотела один раз сыграть в рулетку на двадцать тысяч долларов. Не сделаете ли вы оба ставку?»

«Разумеется, леди», – ответил один из мужчин, – «мы сыграем с вами».

«Я надеюсь, что вы, джентльмены, не будете возражать», – затем сказала она, – «но мне везет только в том случае, если я кручу рулетку без трусов».

Сказав это, проворная дама сняла свои брюки и белье. С возгласом «Маме нужны новые трусы!» – она повернула рулетку, взвизгнула от удовольствия и крикнула: «Я победила!» Затем она забрала свои деньги, брюки и белье и поспешно вышла из комнаты.

Мужчины обменялись взглядами, и один из них выпалил:

«Эй, как же она все-таки выиграла?»

«Какого черта я должен знать?» – перебил другой. – «Я думал, что ты наблюдаешь за рулеткой!»

Мы создали такое странное человечество, и все объяснение этой безумной земли, этого безумного человечества, лежит в религиозной, духовной сфере. Ищите правду, ищите Бога, ищите вершины, и вы потеряете себя в этом поиске.

Есть только один поиск – поиск себя – и для этого вам не нужно никуда идти. Для этого вы должны отвернуться ото всех своих желаний, амбиций, целей. Вы должны вернуться домой.

Рахаман, ты не должен стать мною. Я тебе не враг – я не могу предложить тебе стать мной. Если ты попытаешься стать мною, это будет лишь полученная через копирку копия, – лицемерие, ты будешь лишь имитацией.

Люди, собравшиеся вокруг меня, не мои последователи – это просто друзья, братья по празднованию, партнеры по танцу! Для меня существование – это карнавал, это просто праздник. Он для тех, кто знает, как танцевать. А танец не должен ждать до завтра – завтра никогда не наступит

- танец должен быть сейчас, здесь, в этот самый момент. Именно эта тишина должна превратиться в танец!

Поэтому не стремитесь ни к каким вершинам, просто будьте тем, кто вы есть, полностью, предельно - и гусь снаружи! Стремитесь к вершинам - и гусь в бутылке. Эти пики и есть бутылка, эти цели и есть бутылка. Они помещают вас в заточение, они держат вас в тюрьме. Будущее это ваши оковы, настоящее это ваша свобода.

В этом я полностью расхожусь с Христом, с Буддой, с Кришной, с Махавирой, с кем-либо другим. Осознанно или неосознанно, они дали человечеству образец для подражания. Я хочу разрушить этот образец, все это положение вещей. Я хочу, чтобы вы лишь оставались сами собой. Кем бы вы ни были, вы прекрасны таким, как вы есть; вы не должны быть кем-то другим, чтобы стать прекрасными.

Это единственный способ наслаждаться, и он зависит от вас. Если вы хотите страдать... а есть люди, которые любят страдать, которые не могут жить без страдания; их единственная радость - в страдании, и в еще большем страдании. Чем больше они страдают, тем больше чувствуют, что совершают нечто великое. Это зависит от вас; не шумите по этому поводу и продолжайте идти к вершинам. Но вершины не принесут вам удовлетворения, потому что с этих вершин вы снова будете смотреть на новые вершины.

Однажды ночью директриса женского пансиона была неожиданно разбужена одной из своих студенток, шестнадцатилетней, довольно зрелой девицей.

«Мисс Форбс», - кричала она, - «меня только что изнасиловали!»

«Успокойся, Мелисса» - твердо сказала ей директриса. - «Первое, что ты должна сделать, это открыть холодильник и съесть пол-лимона».

«Пол-лимона?» - удивилась студентка. - «Разве это предохранит меня от беременности?»

«Нет», - признала директриса, - «но, может быть, ты перестанешь так глупо улыбаться до ушей».

Именно это и делают религиозные люди: удаляют с лица улыбки, чтобы выглядеть как можно более грустными, с как можно более вытянутыми лицами.

Христиане говорят, что Иисус никогда не смеялся. Если это правда, значит все, что он говорил, ложно. Если все, что этот человек говорил, правда, он не мог не смеяться, потому что он постоянно говорил: «Возрадуйтесь! Я говорю вам снова и снова - возрадуйтесь!» А христиане говорят, что он никогда не смеялся! Смех кажется им земным, смех кажется им повседневным; он не подходит для святых людей. Святые были постоянно грустны, поэтому они создали долгую традицию грустных, больных, патологических людей, которым они поклоняются.

Чем более патологический у вас вид, тем более вам будут поклоняться. Чем более вы садист или мазохист, тем более вам будут поклоняться. Терзайте себя и учите других терзать себя - они называют это аскетизмом - станьте монахом, отвергните мир...

Слово «монах» означает - тот, кто живет один, избегает людей. А на самом деле именно отношения дают возможность, расти, именно любовь есть вызов, расти, именно дружба приносит вам истинный вкус. Именно жизнь со всеми ее приключениями и вызовами помогает вам стать зрелыми, цельными.

Монахи останавливаются в развитии, они остаются глупыми. Они обречены остаться глупыми - они были вырваны из почвы жизни. Они, самое большее, оранжерейные растения: принесите их в мир, и они тут же увянут и умрут. Это очень запуганные люди, постоянно дрожащие, боящиеся несуществующего ада, жаждущие несуществующих небес - и между адом и небесами они упускают то, что действительно существует.

Один неопытный молодой человек услышал о том, что хороший способ возбуждения полового желания у девушки, которая остается холодна при более обычных формах ухаживания - положить ее руку на свой орган. Проколесив во время свидания более часа по местным лужайкам для

влюбленных и не получив ничего кроме нескольких сестринских поцелуев, он решил испробовать этот новый метод. Ответ был незамедлительным: девушка разразилась самым длинным потоком ругательств, который он когда-либо слышал. Ошеломленный, он пытался ответить, но она отказывалась слушать, требуя, чтобы он немедленно отвез ее домой. По дороге она продолжала выкрикивать проклятия. Наконец, обессилев, она потребовала:

«Ну, а ты-то ничего не хочешь сказать?»

«Хочу», - ответил он с гримасой боли. - "Отпусти, пожалуйста!"

Второй вопрос:

Ошо, я - католик, гомосексуалист и сильно страдаю от заикания. Пожалуйста, помоги мне выйти из этого затруднения!

Гианешвар, первое, от чего ты должен избавиться - это твой католицизм; вот настоящее затруднение. Гомосексуализм - не такая уж большая проблема, фактически, это вообще не проблема. Это часть человеческой свободы. Нет ничего плохого в том, чтобы два человека избрали определенный стиль сексуальных взаимоотношений; это никого не касается. Но священники и политики суют свои носы повсюду! Они создают в вас чувство вины - абсолютно ненужное.

Если два человека любят друг друга, что в этом плохого? Разве они причиняют кому-либо вред? На самом деле, они выглядят счастливее гетеросексуалов; вот почему их называют «геями» (англ. gay - веселый). Но, странная вещь: я никогда не видел веселых лесбиянок - они выглядят грустными, они выглядят очень серьезными - но гомосексуалисты всегда выглядят очень веселыми, очень приятными, действительно милыми.

Я всегда удивлялся, в чем тут дело, почему лесбиянки не так счастливы? Может быть, они не могут наслаждаться ворчанием друг друга, этой вечной отрадой женщин. Фактически, без их ворчания вряд ли кто-либо стал бы религиозным. Все ваши святые являются побочным продуктом ворчания. Все ваши святые должны быть чрезвычайно признательны женщинам: они привели их к духовности! Они не оставили им никакой другой возможности в мире; им пришлось укрываться в монастырях. Они говорят, что собираются искать бога; на самом деле они просто убегают от жены. Это трусость.

Лесбиянки не выглядят очень счастливыми. Чего-то им не хватает, и кажется, это что-то в том, что они не могут изводить друг друга. Они прекрасно друг друга понимают, а так как они понимают друг друга очень хорошо, не остается никакой тайны.

Мужчина живет головой, женщина живет сердцем. Сердце может радоваться, когда есть что-то таинственное, подобное коану: гусь в бутылке. Нельзя ни разбить бутылку, ни убить гуся, и его нужно извлечь из бутылки. Сердце радуется таинственному; голова не интересуется таинственным; ее интересуют загадки, головоломки. Любая загадка, любая головоломка - вот что интересует голову. Подход головы - логический.

Для мужчины женщина таинственна; чтобы соединиться с женщиной, он должен обратиться к своему сердцу, а он живет головой. Поэтому женщина всегда будет создавать для него беспокойство. Он не может понять ее, он не может объяснить, что происходит, он не может отбросить это объяснение. Он должен жить с тайной, и это его постоянная головная боль, это выше его понимания.

С мужчинами проще: они оба логичны. Они понимают язык, они понимают логику, они понимают математику, счет. В крайнем случае, мужчина - это еще один вопрос, который надо решить; проблема, которая может быть решена, которая разрешима. Это сохраняет их интерес, это продолжает интриговать их. Вот почему я вижу веселых гомосексуалистов. Лесбиянки выглядят очень грустными.

Случается еще одно: гомосексуалы становятся более женственными и приобретают определенную красоту, определенную миловидность, определенную округлость, грацию.

Лесбиянка становится мужеподобной, она теряет свою женскую грацию; она приобретает мускулистость, агрессивность, твердость. Поэтому, Гианешвар, если бы ты был женщиной, это было бы проблемой, и я помог бы тебе избавиться от этого. Но ты мужчина. О чем беспокоиться? Зачем придавать столько значения такой простой вещи? Если ты получаешь удовольствие от взаимоотношений с мужчиной, наслаждайся этим!

Сам христианский бог, по-видимому, был гомосексуалистом – троица состоит из трех мужчин. Как они выживают втроем, никто не знает, ведь нет ни одной женщины! Только в отношении Святого Духа есть небольшое подозрение: может быть Святой Дух – бисексуал? Духи могут все что угодно! В противном случае, Отец, Сын и Святой Дух – что это за троица? Она весьма гомосексуальна! Они не позволили ни одной женщине войти в нее, просто для того чтобы избежать беспокойства. Одна женщина разрушила бы всю троицу; она превратилась бы в настоящий треугольник!

Поэтому гомосексуальность это не проблема. Нам следует начать рассматривать реальные проблемы, а не беспокоиться о нереальных. У нас есть более важные проблемы. И в этом состоит хитрость человеческого ума: создавать нереальные проблемы, чтобы отвлечься, в то время как реальные проблемы продолжают нарастать. И это старая стратегия: политики, священники, так называемые религиозные лидеры продолжают ставить перед вами ложные проблемы, чтобы вас отвлечь.

Сама по себе проблема гомосексуальности бессмысленна, это вообще не проблема, но как много шума она вызывает в течение многих веков! Существуют страны, где людей продолжают убивать за гомосексуальные действия, пожизненно заключают в тюрьмы. Странный мир! Разве это мир двадцатого столетия? Гомосексуализм это вообще не проблема; есть тысячи реальных проблем, которые требуют решения. Но человек продолжает развлекаться игрушками.

Моя цель – отвлечь ваше внимание от игрушек, чтобы вы могли сфокусировать его на реальных проблемах жизни; а если вы сосредоточитесь на реальных проблемах жизни, они могут быть решены. Итак, я не понимаю, почему гомосексуальность становится проблемой. Как она стала проблемой? Почему она кого-то должна беспокоить? Любовная связь – это личное дело двух индивидуумов; это их интимное дело, а не социальное явление.

И, фактически, населению земного шара пойдет на пользу, если многие люди станут гомосексуалистами. Это принесло бы пользу, большую пользу миру: меньше бы рождалось детей, земля была бы менее обременена, было бы меньше бедности. Разумеется, меньше сирот и меньше матерей Терез! Снизилась бы потребность в контрацептивах, методах контроля рождаемости, стерилизации, и, конечно, весь бизнес Папы Польского ушел бы у него из рук. А это целый бизнес! Постоянно в течение года он выступал против контрацептивов, против контроля рождаемости, стерилизации, аборт. Гомосексуализм может решить все эти проблемы очень просто!

Я не вижу в этом большой проблемы. Единственная проблема – это ваш католицизм.

Родни, старший сын в уважаемой бостонской семье, заявил потрясенному отцу, что он намерен жить со своим дружкой на Бекон-Хилл.

«Какого черта, Родни!», – сказал родитель. – «Наша семья происходит от Джона Уинтропа, и с нами никогда не случалось подобного скандала!»

«Я ничего не могу поделать, отец, я люблю его».

«Но ради всего святого, сынок, он же католик!»

Вот в чем истинная проблема! Выберите из своего католицизма. Когда я говорю это, я имею в виду, выберите из всех этих глупых идеологий и начните свою жизнь так, как если бы вы были Адамом и Евой – первым мужчиной на земле, первой женщиной на земле. Начните сызнова, со стартовой черты.

А что касается вашего заикания, что же в этом плохого? Возможно, оно возникло из-за того, что вы делаете слишком большую проблему из своей гомосексуальности. Заикание – я наблюдал это у многих людей – наступает в состоянии стресса, напряжения.

Когда я был студентом университета, мой сосед... молодой человек, красивый молодой человек, здоровый, во всех отношениях разумный; я никогда не замечал, чтобы он заикался. Однажды его навещил отец, и он сразу же стал заикаться – говоря с отцом. Я не мог поверить своим ушам. И в тот момент, когда его отец ушел, он был снова в полном порядке. Я спросил у него, в чем дело.

Он ответил: «Это проблема. Когда я возвращаюсь домой, я не могу не заикаться перед моим отцом и матерью. Это случается... чем более я пытаюсь избежать этого, тем чаще это происходит. Даже когда от отца приходит письмо, и я начинаю читать его, я неожиданно чувствую дрожь. Я не могу читать письма своего отца без заикания. В других ситуациях у меня все в порядке».

Я ответил ему: «Проблема не в заикании; это определенный стресс, определенное напряжение. Отец давит на тебя и снова возвращает тебя в детство, к твоим старым страхам, и эти страхи побеждают твою разумность».

Я сказал ему: «Сделай одну вещь: когда в следующий раз придет твой отец, старайся заикаться на каждом слове!»

Он ответил: «Как же это может помочь?»

Я сказал: «Попробуй. Не надо стараться не заикаться, наоборот, старайся заикаться. Сделай все возможное, чтобы ты заикался на каждом слове!»

Он ответил: «Что ты предлагаешь? Я делал прямо противоположное, и это не имело успеха, а твой метод, кажется, создаст для меня еще больше проблем!»

Я сказал: «Попробуй».

И когда его отец пришел в следующий раз, и я был рядом, он попробовал – и не смог заикаться!

Есть вещи, которые происходят, если только ты стараешься; некоторые вещи происходят, если ты не стараешься, поскольку само усилие происходит из страха, а если причиной является страх, усилие не поможет.

Гипнотерапевты называют это «законом обратного эффекта».

Если вы учитесь кататься на велосипеде – вы едете по совершенно пустой дороге шириной в двадцать метров, на ней никого нет – и вы видите столб у обочины дороги, вдруг ваш велосипед начинает двигаться по направлению к этому столбу без всякой видимой причины. Вы пугаетесь и стараетесь избежать столкновения со столбом. На такой широкой дороге даже слепому вряд ли удалось бы врезаться в столб, но вы очень стараетесь, и чем больше вы стараетесь, тем больше вы фокусируете на нем свое внимание. Теперь исчезает вся дорога, остается только один столб, стоящий там как Хануманджи, бог обезьян, смеющийся над вами, строящий вам рожи, привлекающий вас как магнит. И вы совершаете все возможное, стараясь избежать его, но вы приближаетесь... вы знаете, что приближаетесь. Это неизбежно! Чем большую неизбежность вы ощущаете, тем больше энергии вы в это вкладываете, вы становитесь напряженным. Весь мир прикован к Хануманджи, и... столкновение!

Это один из фундаментальных законов жизни.

Гомосексуализм может быть причиной, но не сам гомосексуализм, а ваше отношение к нему, ваш подход к нему. Когда вы создаете из него проблему; тогда проблема возникает в действительности.

Я вам предлагаю, Гианешвар: заикайтесь красиво – создавайте песни из заикания! Вы будете получать от этого удовольствие, другие будут получать от этого удовольствие, и вот для чего мы здесь.

«Имейте веру и будете исцелены!» – проповедовал евангелист на сеансе исцеления. Женщина на костылях и мужчина выступили вперед.

Евангелист спросил: «Как вас зовут, добрая женщина?»

«Миссис Смит», - ответила она, - «и в течение двадцати лет я не могу обходиться без костылей».

«Хорошо, миссис Смит», - ответил он, - «пройдите за эту ширму и помолитесь».

Повернувшись к человеку, он спросил: «А как вас зовут?»

«Меня зовут Шэмуэлш», - ответил он, - «и я всегда шепелявил».

«Хорошо, Мистер Сэмуэлс», - сказал евангелист, - «идите за ширму с Миссис Смит и помолитесь».

Прошло несколько минут, и целитель объявил:

«Я думаю, что время пришло. Будьте свидетелями этих чудес. Миссис Смит, перебросьте через ширму левый костыль».

Зрители наблюдали, как он пролетел.

«Миссис Смит, перебросьте через ширму правый костыль».

Толпа приветствовала появление второго костыля. Воодушевленный евангелист скомандовал:

«Мистер Сэмуэлс, произнесите что-нибудь громким ясным голосом, чтобы мы все слышали вас».

Сэмуэлс ответил: «Мишиш Шмит только што швалилась на шадницу!»

Итак, что здесь не так? Это значительно большее чудо! Поэтому не беспокойтесь о ненужных вещах. Заикайтесь с удовольствием, наслаждайтесь им, и существует вероятность, что вы избавитесь от заикания - остерегайтесь этого! Если вы не хотите избавляться от него, тогда не слушайте меня, и продолжайте стараться не заикаться.

Мое предложение - заикайтесь и не скупитесь. Заполните все заиканием! Кого бы вы ни встретили, заикайтесь, не упускайте этой возможности. Заикайтесь даже тогда, когда произносите те слова, которые можете произносить без заикания! И вы будете удивлены, когда однажды вы расслабитесь, так как станете получать от заикания удовольствие; поскольку исчезнет напряжение, может исчезнуть и заикание. Если оно исчезнет, хорошо; если оно не исчезнет, в этом нет вреда. Это невинно!

Принимайте жизнь как можно легче. Но люди не понимают меня. Я говорю им: «Жизнь - это тайна, которую не надо решать, но надо прожить». Но некто спросил меня: «Ошо, я слышал, вы сказали: жизнь - это страдание, которое не надо решать, но надо прожить». Это на ваше усмотрение. Для меня жизнь - это тайна, которую не надо решать, но надо прожить, но вы можете услышать слово «страдание».

Не создавайте для себя ненужных проблем, чтобы вся ваша энергия могла быть сосредоточена на существенных проблемах. А существенна только одна проблема: познать себя.

Последний вопрос:

Ошо, мне очень хочется отправиться на луну. Это страстное желание преследует меня, сколько я себя помню. Не расскажешь ли ты мне пару шуток о луне?

Гандарва, вероятно, поэтому ты пришел ко мне - мое имя означает луна. Ты ушиблен луной: это означает, что ты лунатик! «Лунатик» просто означает ушибленный луной... а это сборище сумасшедших. Ты попал на луну! Твое давнее желание выполнено... гусь снаружи!

Но у меня есть для тебя две шутки:

Вскоре после приземления космического корабля на луне космонавт высадился и начал изучение незнакомой новой земли. Не прошло и четверти часа, когда он увидел очаровательную молодую лунную девушку, которая старательно помешивала палочкой в пустом горшочке.

«Привет», - начал он, - «я космонавт, прилетевший сюда, чтобы исследовать луну».

Лунная девушка оторвалась от своего занятия, чтобы одарить его приятной улыбкой.

«Как чудесно, что вы созданы так же, как и наши лунные мужчины» - заметила она. Сбросив свою одежду, она спросила:

«А я устроена так же, как и земные женщины?»

«Да, именно так», - ответил уже возбужденный космонавт. - «Но скажи мне, зачем ты что-то помешиваешь в этом горшке?»

«Я делаю ребенка», - ответила она. И правда, через несколько минут в горшке появился младенец.

«А теперь хочешь посмотреть, как мы делаем детей на Земле?» - спросил космонавт. Девушка согласилась, и космонавт со всей страстью продемонстрировал ей это.

«Это приятно», - сказала она после, - «но где же ребенок?»

«О, он будет через девять месяцев», - объяснил космонавт.

«Девять месяцев?» - спросила она. - «Тогда почему же ты перестал мешать?»

Небольшая группа ученых предприняла недельное познавательное путешествие на луну, сравнивая их жизнь там с нашей.

«Скажите мне», - спросил один земной ученый своего партнера, - «как вы воспроизводите виды здесь, на этой планете?»

«Я буду рад показать это вам», - ответил лидер лунной группы, и подозвал чувственную лунную красавицу с тремя головами. В течение нескольких секунд они переплетались своими щупальцами, и почти сразу же на спине самки стал образовываться небольшой мешочек; он рос и немногим более чем через минуту, лопнул, как распускающийся цветок; маленький лунный ребенок выскочил из него, полностью развитый, как и взрослые, но значительно меньше, и начал бегать по комнате. Как только ученые с Земли оправались от этого неожиданного эксперимента, они попытались объяснить, как произведение потомства происходит в нашем мире.

Жители Луны настаивали, чтобы им это показали, и, после безуспешных попыток переубедить их, руководитель научной экспедиции, наконец, согласился. Выбрав милovidную лаборантку из своей группы, он подвел ее к кушетке в углу комнаты и показал, как занимаются любовью в привычной для землян манере.

Жители Луны рассматривали пару со всех сторон, а когда те закончили, их руководитель сказал:

«Это было действительно необычно и, должен сказать, интересно, но где же ребенок, или демонстрация не получилась?»

«Трудно сказать», - ответил ученый с Земли. - «Мы не можем сразу это определить. Но если контакт был успешным, тогда ребенок появится приблизительно через девять месяцев».

«Девять месяцев!» - воскликнул лунянин. - «Поразительно! Но скажите нам, доктор, если земной ребенок рождается только через девять месяцев, почему вы так торопились в конце?»

ГЛАВА 4

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОСТЬ ВЕДЕТ К СУТИ БУДДЫ (4 марта 1981 года, утро)

Первый вопрос:

Ошо, почему индусы думают о сексе в терминах необходимости, а не удовольствия? В то же время они считают, что они трансцендировали секс, хотя на самом деле он лишь подавлен.

Ошо, ты иногда говоришь, что существует определенное сходство между Буддой и сумасшедшим; есть ли какое-либо сходство между подавлением и трансценденцией, которое может вводить людей в заблуждение?

Мукеш Барти, индийская культура – самая прогнившая культура, которая когда-либо возникала в мире, самая гнилая – гнилая в самой своей основе. Она настолько сгнила, что забыла, как умирать. Чтобы умереть, человеку нужно хотя бы немного быть живым, и если ты не знаешь, как умирать, ты просто живешь растительной, застойной жизнью.

Смерть это процесс возрождения. Так же как каждый индивидум должен умереть, чтобы родиться снова, каждая культура должна умереть, чтобы родиться снова. Каждое общество, каждая цивилизация должна пройти путь от жизни к смерти, и снова от смерти к жизни.

Индийская культура – единственная культура, которая не умерла за тысячи лет. В мире существовало множество культур: ассирийская, вавилонская, греческая, романская, египетская. Все они расцвели, цвели: они дали миру свою красоту, свою скульптуру, свою музыку, свою поэзию, свою драму, а затем они исчезли, не оставив и следа. Именно так и должно быть.

Если бы все старые люди в вашей семье оставались живыми – ваш отец, и отец вашего отца, и его отец, и так до самого конца, до Адама и Евы и Бога-Отца – тогда очевидно одно: вы будете раздавлены. Так много старых людей, все эти трупы – этого достаточно для того, чтобы раздавить маленького ребенка, хрупкого как роза.

Одна из величайших заслуг Фридриха Ницше в том, что он провозгласил: «Бог умер и человек свободен».

Бог как Отец должен быть мертв, иначе его вес был бы слишком велик, он был бы слишком громаден. Он помешал бы свежести человечества, он помешал бы исследованиям, приключениям. Старый человек слишком осторожен, слишком хитер, слишком расчетлив, слишком еврей. Всего этого опыта прошлого достаточно, чтобы разрушить ребенка. Ребенку нужно исследование; и, конечно, когда вы что-то исследуете, вы совершаете много ошибок – это часть роста. Человеку следует позволить совершать ошибки. Конечно, он должен быть достаточно умным, чтобы не совершать одних и тех же ошибок снова и снова; он должен быть достаточно творческим, чтобы изобретать новые. Именно таким образом человек расширяет кругозор, растет; именно так формируется сознание.

Жизнь – это процесс проб и ошибок. Старый человек отбрасывает все ошибки и заблуждения. Он настолько привыкает делать все правильно, что исследования, приключения исчезают из его жизни. И из-за своих собственных страхов он не позволит новым поколениям идти в новых направлениях, в новые измерения. Он заставит их бояться, он парализует их, он калечит их. Вот что происходит с Индией.

Индия это странный случай. В определенном смысле она необычна: подобного никогда не случилось где-либо в другом месте. Все страны, все культуры, цивилизации жили, умирали и воскресали снова; Индия оставалась прежней. Она больше похожа на искусственный цветок из пластика, чем на настоящую розу. Она более озабочена стабильностью, чем жизнью. Ее главная забота в том, чтобы продолжаться вечно.

Но это не самое важное. Как прожить тотально каждое мгновение... Дело не в продолжительности, дело в глубине. Только те, кто живет глубиной, знают, что такое жизнь. Те, кто живет продолжительностью, живут горизонтально, поверхностно. Их жизнь – это маска; в ней нет подлинности. Поэтому я говорю, что индийская культура ни жива ни мертва, она пребывает в подвешенном состоянии, в забвении. Это культура-призрак: все, что важно, все, что делает жизнь радостной – отброшено, потому что это опасно; а все, что стабильно, постоянно, искусственно – собрано, потому что так безопаснее.

Помните, это путь старого человека. Старый человек всегда думает о безопасности, спокойствии, банковском счете; он всегда мыслит категориями страха, поскольку перед ним всегда стоит смерть.

Ребенок никогда не беспокоится о смерти, его заботой остается жизнь. Его интересуют не нанесенные на карту, неизвестные места; он готов рисковать. А те, кто готов рисковать – только они действительно живы. Они могут не прожить долго, но дело вовсе не в этом. Просто жить ради единого

мгновения – подлинно, тотально, цельно – этого более чем достаточно. Единственный миг тотального опыта намного больше, чем вся вечность. Он вмещает в себя всю вечность; он вне времени. Но человек может продолжать вести растительный образ жизни в течение тысячелетий, подобно капусте, цветной капусте – и выглядеть вполне свято, праведно.

Кочаны капусты не могут быть грешниками; кочаны цветной капусты – великие ученые. Капуста становится цветной капустой, получив образование в колледже. Цветная капуста – ученые мужи, теологи, религиозные люди. Эта страна полна подобными людьми, это бремя огромно. Кому-то необходимо помочь этой стране умереть, так чтобы она смогла возродиться снова. Распятие является основным условием воскрешения. Искусству жить, предшествует искусство умирать.

Эта страна зловонна, и ей нечем похвалиться, поэтому она хвастает своим прошлым. Она хвастает своей фальшью, она хвастает своей святостью, она хвастает своей духовностью – все это чепуха, поскольку если отсутствует основной фундамент, нельзя говорить о храме. Постройка храма возможна, но сначала вы должны заложить фундамент.

Жизнь представляет собой иерархию потребностей. Первое – физическая потребность требует заботы, материальное существование требует заботы. Наука удовлетворяет основные потребности. Если вы упускаете науку, то упускаете и религию. Между наукой и религией лежит мир искусства. Существуют три различных измерения жизни. Наука должна заботиться о материальном, физиологическом и биологическом – внешних потребностях человека. Религия заботится о лежащем глубоко внутри – внутреннем мире, о субъективном. А между этими двумя лежит мир эстетики: искусства, поэзии, музыки, танца, драмы, литературы.

Голодный человек не может думать о поэзии. Человек, который голоден, не может воспринять медитацию. Это невозможно! Но старое традиционное это пытается скрыть свою бедность. Так называемая индийская духовность, так называемое желание индийской культуры вести весь мир к духовности попросту глупо. Это абсолютная ерунда, вздор. Но это лишь изобретение, помогающее индийцам сохранить лицо – они могут сохранить лицо только за ширмой. Они знают, что их тела голодны, они знают, что им недоступны абсолютно необходимые вещи. Они голодают, они болеют, они больны во всех отношениях. Девяносто восемь процентов населения страны живут в нищенском состоянии. Нет упитанных людей: почти каждый страдает от недоедания. А когда человек недоедает, помните, страдает не только тело; недоедание неуловимо разрушает и способности вашего ума.

Ум требует питания, и пока тело страдает от недостатка нужного питания, ум не может получать питания. Прежде нужно удовлетворить тело. Если остается немного больше того, чем необходимо, чтобы удовлетворить тело, этот излишек идет в мозговые клетки. Ум это роскошь – его нет у животных, это прерогатива человека. Он возник только потому, что человек смог удовлетворить потребности своего тела настолько полно, что оставался избыток энергии, и эта излишняя энергия стала его мозгом, его умом, стала его психологией.

Когда удовлетворяются психологические потребности, полностью удовлетворяются, и снова образуется избыток энергии, эта энергия трансформируется в духовность, в медитацию, в природу Будды.

Но Индия находится в плачевном состоянии, а самое печальное то, что индусы пытаются скрыть, а не показать это. Они злы на меня за то, что я говорю правду, какова она есть на самом деле. Они злы на меня, потому что я не хочу покрывать всего этого. Они бы полюбили меня, они бы уважали меня, они бы называли меня великим махатмой, воплощением бога и всякой подобной ерундой, но при одном условии: чтобы я продолжал скрывать их раны.

Я не могу скрывать ничьих ран. Я могу исцелить их, но исцеление – совершенно иной процесс. Сначала вы должны открыть свои раны солнцу, ветру. Вы должны открыть их. Это болезненно! Раны, которые хранились в тайне в течение тысяч лет, вдруг выставить на обозрение... Вы не можете

поверить в это. Вы всегда верили, что вы гиганты духа, и я вижу всю эту фальшь, все это лицемерие. И самое большое лицемерие заключается в двух отречениях: от еды и от секса. Они являются двумя основными потребностями и двумя сторонами одной и той же медали. Они не имеют больших различий.

Пища необходима для существования индивидуума. Индивидуум может существовать без секса. Ему будет не очень радостно, но он сможет выжить. Но без пищи человек не может существовать; он умрет от истощения. В лучшем случае, если он абсолютно здоров, то сможет существовать без пищи в течение трех месяцев – девяноста дней – но это только в том случае, если у него отменное здоровье и в организме много лишних запасов в форме жира и других веществ. Тогда он сможет выжить в течение трех месяцев.

Помните, это выживание не имеет ничего общего с религией; это сущий каннибализм: поедание самого себя. Когда вы поститесь, вы поедаете собственное мясо, поэтому я против поста; это худший вид поедания мяса. Вы можете поститься и ежедневно терять по одному килограмму веса. Куда исчезает этот вес? Вы перевариваете его. По истечении трех месяцев вы умрете.

Индивидуум может некоторое время существовать без пищи, он может существовать без секса – он может выжить – но человеческая раса, вид, не может существовать без секса. Он является пищей для видов. Секс является пищей для видов. Без секса человечество исчезнет. Все люди, проповедующие безбрачие, убийцы. Те, кто проповедует безбрачие человечеству, рубят основные человеческие корни. Если им будут следовать буквально, никакого человечества не останется.

Не существовало бы ни Махавиры, ни Будды, ни Кришны, не было бы ни Магомета, ни Кабира, ни Нанак, если бы их родители следовали идее безбрачия. Это благо, это большое счастье, что отец Будды не следовал глупой идее безбрачия, иначе бы мир потерял один из величайших цветов.

Если бы обет безбрачия был увековечен, человечество исчезло бы. Это весьма эгоистическая идея в том смысле, что вы заботитесь только о себе. Индусы продолжают рассуждать о духовности, отсутствии эгоизма, и в то же самое время, с тем же самым выражением лица они продолжают говорить о безбрачии. Безбрачие – это эгоизм, абсолютный эгоизм. Ваши родители и их родители, и родители их родителей объединялись, чтобы дать вам жизнь. Теперь, пытаясь сохранить обет безбрачия, навязывая безбрачие, вы закрываете двери перед будущим человечества. И вы называете это отсутствием эго? Вы называете это духовностью?

Это чистейший эгоизм – как будто бы вы центр всего существования, как будто все существование существует только для вас: поскольку вас уже произвели на свет, больше уже ничего не нужно; все остальное может исчезнуть.

Но хотя учение продолжает существовать, никто не следует ему. Противоестественным учениям нельзя следовать. В этом их хорошая сторона. Только немногие дураки, маньяки, одержимые, могут попытаться следовать им, но никакой разумный человек не будет следовать подобным идеям.

Подобные идеи создают два типа сложностей. Хитрые становятся лицемерами. Невинные ощущают чувство вины. Вот что случилось с Индией, и то же самое случилось в более широком мировом масштабе. Эта болезнь заразна. Она, вероятно, зародилась в Индии; ее происхождение, по-видимому, индийское. Это единственный вклад, который принесла в мир Индия – заразная болезнь, которая создает лицемеров и людей с чувством вины. И те и другие уродливы. Миру не нужны ни лицемеры, ни люди с чувством вины.

Но лицемеры становятся священниками, монахами, махатмами, прорицателями, святыми, а люди с чувством вины – их последователями. Эта игра все еще продолжается.

Ты спрашиваешь меня, Мукеш Бхарти:

Ошо, почему индусы думают о сексе в терминах потребности?

Потому что их потребности не удовлетворены. У них не удовлетворены различные потребности – и секс в том числе. Человек с неудовлетворенными

потребностями везде видит только свои потребности. Вы видите только то, что можете увидеть; вы слышите только то, что можете услышать: вы постоянно выбираете в соответствии со своими потребностями. Для голодного человека красивая женщина выглядит лишь как деликатесное блюдо. Сама эта идея показывает, в каком человек состоянии.

На всех языках мира есть выражения любви. Люди начинают использовать слова, связанные с едой – «Так бы тебя и съел», – говорит любовник женщине. Что это за любовь? Любовники кусают друг друга, любовники жуют друг друга, как если бы они жевали жевательную резинку. Любовники оставляют следы зубов на теле друг друга. Они царапают друг друга ногтями... Это любовь или нечто, что маскируется за ней?

Любовь должна быть заботливой. Человек не должен мыслить в терминах пищи, вещей, процесса еды, кусания – это уродливые выражения.

Но Индия живет с разного рода неудовлетворенными потребностями. Поэтому секс также становится лишь потребностью, в лучшем случае, расслаблением, транквилизатором – тем же самым наслаждением, которое вы чувствуете, когда громко чихаете: определенное время, напряженность уходят. Но в этом чувстве нет полноты, нет радости.

Индусы занимаются любовью, как воры, как если бы они совершали нечто плохое. Они занимаются любовью, как если бы они шли против бога, как если бы они совершали какой-либо грех.

Разумеется, они должны заниматься любовью, поскольку это потребность. И она может оставаться потребностью, только пока все другие потребности не удовлетворены. Когда все потребности полностью удовлетворены, любовь приобретает совершенно отличное измерение – измерение удовольствия, измерение танца и музыки. Тогда вы используете ее не для расслабления, не как транквилизатор, не как чихание; вы начинаете делиться ею. Любовь становится более первостепенной, секс становится вторичным. Когда он является потребностью, любовь – это просто слово, остается лишь секс, остается лишь воспроизведение.

Как вы знаете – это хорошо известный, научно подтвержденный во всем мире факт – бедняки рожают больше детей. Почему? У них нет никаких возможностей развлечь себя. У них нет идиотского ящика, телевизора – они не могут приклеиться к своему креслу на шесть часов. На самом деле, у них нет даже кресла! У них нет денег, чтобы пойти в ресторан и участвовать в каком-нибудь празднике, чтобы пойти в кино, пить спиртные напитки, танцевать, петь... Все возможности закрыты. Вся усталость дня, рутинная работа, цепь одних и тех же привычек... Единственная возможность, бесплатное и общедоступное развлечение – это секс. Он становится последним действием дня. Поэтому, прежде чем идти спать, они религиозно посвящают одну-две минуты сексу, а затем засыпают как собаки.

Однажды молодожены развлекали знакомого холостяка в своем загородном доме, и разговор перешел на тему о морали в сексе.

«Если уж ты считаешь себя таким либеральным», – сказал холостяк-индус мужу, – «то ты позволишь мне поцеловать грудь твоей жены за тысячу рупий».

Не желая показаться ханжой и нуждаясь в деньгах, супружеская пара согласилась, и жена сняла свою блузку и бюстгальтер. Молодой человек прижался лицом к ее груди на несколько минут, пока муж не почувствовал нетерпение и желание покончить с этим делом. «Давай целуй ее», – поторопил он холостяка.

«Я бы хотел это сделать», – вздохнул молодой человек, – «но мне это не по карману».

Вопрос в том, по карману ли вам что-нибудь другое... Поэтому, с точки зрения индуса, секс остается животным актом. Он никогда не поднимается до мира поэтической красоты, он никогда не становится любовью. Поэтому, когда вы захотите поговорить с индусом о любви, он тут же подумает, что вы говорите о сексе. «Любовь» немедленно и автоматически переводится как

«секс». Невозможно говорить с индусом о любви. Это основано на моем опыте бесед с миллионами индусов по всей стране. Говорите о любви, и к тому моменту, когда слово достигнет их ушей, это уже не любовь, это стало сексом.

Они знают только секс. Любовь – это только сопутствующее ему значение. Это такое непонимание, что вы ощущаете себя почти беспомощным. Говорить с индусами действительно утомительно.

Вы можете говорить о Боге, вы можете говорить о душе, вы можете говорить о мокше, нирване, вы можете говорить о Ведах, и не возникнет непонимания, поскольку они как попугаи в течение тысячелетий читали эти слова. Не то чтобы они поняли вас, но, по крайней мере, они поймут слова. Когда вы говорите «Бог», они знают значение этого слова. Они не знают этого из опыта, но, по крайней мере, им известно значение этого слова. Но когда вы говорите о любви, даже значение слова им непонятно. Опыт любви далек от них, очень далек.

Она только что закончила принимать душ, когда зазвенел звонок у двери. Подойдя на цыпочках к входной двери, – дрожа всем розовым телом, она спросила: «Кто там?»

«Слепой», – ответил мрачный голос.

Она пожалала плечами и открыла дверь одной рукой, другой, ища кошелек. Когда она повернулась к мужчине, он ухмылялся до ушей. И она увидела, что он держит в руках большой пакет.

«Вы видите?» – воскликнула она.

«Да», – со счастливой улыбкой кивнул он, – «причем прекрасно вижу. Итак, куда я могу положить эти шторы?»

(англ. blind man может значить «слепой» или «человек, вешающий шторы»).

Романтический юноша сидел на скамейке в парке на первом свидании. Он был уверен, что его очаровательные речи и манеры позволят завоевать сердце девушки, как это было со многими другими.

«Сегодня лунная ночь», – проворковал он.

«Определенно», – согласилась она.

«А в небе сияют звезды».

Она кивнула.

«А на траве роса» (англ. «some dew on the grass» может также значить «некоторые мочатся на траву»).

«Некоторые делают это!» – сказала она с возмущением. – «Но я не из таких»

С индусами действительно трудно говорить о любви – они никогда не имели этого опыта. Все о чем они знают – это механизм секса, все, о чем они знают – это животная сексуальность: вот в чем заключается их опыт. Они не понимают секс как удовольствие, так как секс не может быть удовольствием, удовольствием может быть только любовь.

Любовь это удовольствие: это игра, она полна игривости. А на высшем пике любви та же самая игривость становится молитвенностью.

Существует три стадии: потребность, игривость, молитвенность. И если вы не испытали переживания молитвенности любви на ее предельной, высочайшей вершине, вы не жили настоящей жизнью; вы упустили самое главное.

Ты говоришь, Мукеш Бхарти:

Ошо, почему индусы думают о сексе в терминах необходимости, а не удовольствия?

Они ничего не знают о развлечениях, об игривости. Они серьезные люди – весьма набожные, весьма духовные. Они ходячие трупы. Вы не сможете найти в них игривости, вы сможете найти только вытянутые лица.

Вы не сможете прожить долго со святыми. Пробыть со святым даже двадцать четыре часа – уже наказание; это не награда, так как в течение двадцати четырех часов вы почувствуете такую горечь по отношению к жизни, он сделает вас таким грустным, таким печальным, он заставит вас ощутить такое чувство вины, обреченности... В этом его единственная радость. Религиозные люди имеют только одно удовольствие: делать всех грустными, изгонять человеческий смех.

Они осуждают меня, потому что я учу людей любви, я учу людей тому, как получать удовольствие каждое мгновение, в самой обычной жизни. Потому что нигде нет другой жизни, нет другого мира, есть только один мир! И мы должны жить в этом мире. Мы не должны жертвовать этим миром ради какого-то другого мира.

Я не учу жертвенности, я не учу аскетизму, я не учу посту, я не учу безбрачию. Я учу празднику жизни. И именно этого у нас нет вот уже тысячи лет.

Они не понимают, что секс может быть удовольствием; это несчастье. А если они не воспринимают его как удовольствие, они не воспринимают его и как молитву; это для них невозможно.

Ты говоришь:

В то же время они считают, что они трансцендировали секс, хотя на самом деле он лишь подавлен.

Трансценденция секса возможна, только когда секс достигает цветения молитвенности. Раньше этого секс не может быть трансцендирован. Только с этой точки вы сможете выпрыгнуть за пределы секса. Но это не будет безбрачием, это просто исчезновение «я» в целом. На самом деле, это не трансценденция секса, просто он становится частью целого космоса оргазма. Это достижение высшей точки единения с целым.

Что вы делаете, когда занимаетесь любовью с женщиной? Вы стараетесь добиться определенного единения с противоположным полюсом. Но момент этого единения достигается редко, поскольку должно быть выполнено много условий. Пока эти условия не выполняются, вы можете лишь совершать движения любви. Только однажды сливаются голоса мужчины и женщины – в единении, в гармонии – в момент достижения оргазмической радости.

Что такое оргазмическая радость? Исчезновение это на некоторое время. Но даже один момент имеет исключительное значение, ценность – значительно большую, чем любой Кохинор. То же случается на более глубоком уровне при молитве. При молитве вы не стремитесь встретиться с другим человеком, но вы пытаетесь встретиться со вселенной. Другой человек становится просто окном. Вы уже не заключены в оконную раму. С помощью окна вы попадаете в мир звезд, облаков, птиц. Вы выходите за пределы. Любовь учит вас искать звезды за пределами окна. Как только вы взлетели, окно остается далеко позади. Как только вы покинули окно, случается чудо, потому что ваше это было в оконной раме. Как только вы оставляете окно позади, ваше это также остается позади. Это требует другого человека: когда другого больше нет, то и вашего это тоже нет.

Психологи говорят, что это приходит позже. Сначала вы начинаете чувствовать присутствие другого. Человек сначала чувствует присутствие матери, отца, братьев, сестер, стены, картины – все то, что окружает его. Мало-помалу он начинает осознавать факт: «Я отличен от всего этого. Иногда мать здесь, а иногда ее и нет, а я всегда здесь». Сначала приходит опыт другого, и тогда появляется это.

То же самое происходит и при молитве: сначала исчезает другой – в обратном порядке – а затем растворяется это. Если вы покинули раму, маленькую раму любящего и любимого и оказались за ее пределами, наступает растворение. Будда называет это нирваной. Это слово красиво: нирвана просто означает «прекращение пламени». Подобно тому, как вы гасите лампу,

и пламя вдруг полностью исчезает, то же происходит и в наивысшем состоянии любви. Тогда человек познает трансценденцию. Трансценденция это становится трансценденцией секса.

Но помните, что это не свидетельствует против секса. Фактически, вы преобразовали свой мгновенный секс в космический секс: вы соединились в оргазме с самим существованием. И теперь так будет в каждый момент – вы не сможете потерять это чувство. Теперь гусь действительно снаружи! Вы не сможете снова попасть в бутылку.

Трансценденция секса это совершенно иное явление, нежели подавление. Но подавление может дать вам чувство, что с вами произошла трансценденция.

Старая дева бросилась к полицейскому. «Меня изнасиловали! На меня напали!» – кричала она. – «Он сорвал с меня одежду и стал меня душить страстными поцелуями. Затем он с безумной страстью любил меня!»

«Успокойтесь, успокойтесь, мадам», – сказал офицер полиции. – «Только скажите, когда это произошло?»

«В сентябре этого года исполнится двадцать три года» – ответила женщина.

«Двадцать три года тому назад?» – воскликнул он. «Не думаете ли вы, что я могу арестовать кого-то за то, что он сделал двадцать три года тому назад?»

«Офицер, я не хочу, чтобы вы кого-нибудь арестовывали» – сказала женщина. – «Я просто хочу об этом поговорить, вот и все».

Вы будете удивлены, узнав, что все ваши так называемые священники постоянно выступают против секса. Почему? Если все они трансцендировали его, откуда такая одержимость сексом?

В индийских священных писаниях вы найдете такие непристойные описания женщин, что будете удивлены. Ваши Плэйбои и подобного рода журналы ничто по сравнению с этим. Вы можете пойти и посмотреть храмы, Хаджурахо, Конарак, Пури, и тогда вы увидите, что вся ваша так называемая порнографическая литература находится еще в глубоком детстве. В Хаджурахо есть самые непристойные скульптуры, которые когда-либо существовали в мире. И потребовались столетия, чтобы создать их, так как эти скульптуры из камня, а не просто фотография обнаженной модели в журнале Плэйбой. Сотни лет работы, тысячи скульпторов работали над ними. И такой храм не один, сотни храмов. И почему в храмах? Какое имеют к этому отношение храмы?

Они имеют к этому некоторое отношение. Они нужны святым, они нужны верующим людям. Это их фантазии, это то, что они видят внутри себя. Они хотят это выразить. И в индийских скульптурах вас удивит то, что индийские боги – самые большие насильники среди богов в мире. Они не удовлетворяются небесными красавицами, они спускаются на землю и совращают, насилюют земных женщин. Они устают от небесных красавиц по той простой причине, что небесные красавицы несколько скучны – в том смысле, что они никогда не стареют, они всегда остаются такими же. Они не потеют, и им не нужен душ. Их тела необычны; они сделаны из золота и серебра. А что вы можете сделать с женщиной, у которой тело из золота и серебра, а глаза – из изумрудов и бриллиантов? Рано или поздно вы устанете от нее. Это игрушка, а не женщина. Она никогда не пилит вас, никогда не бросает в вас подушек. Без драмы нет жизни!

Они спускаются на землю. Все индийские дэвы, индийские боги очень сексуальны, маниакально сексуальны. А ваши святые, которые писали эти священные писания, описывают женщин в таких прекрасных словах. Это раскрывает их ум. В то же самое время они притворяются, что осуждают секс: они говорят вам это, чтобы вы верили им.

Одна старая дева наняла молодого адвоката для подготовки завещания. «У меня накоплено десять тысяч рупий», – объяснила она, – «и я хочу

истратить их на себя. Никто в этом городе никогда не обращал на меня внимания, но они обратят внимание на меня, когда я умру».

Воодушевленная этой темой, она прокудахтала: «Я хочу истратить восемь тысяч рупий на самые грандиозные, самые роскошные похороны, которые когда-либо видел этот город».

«Хорошо», – сказал адвокат, – «для похорон такого уровня потребуется много денег. Но это ваши деньги, мадам, и вы вправе распоряжаться ими, как захотите. А что вы сделаете с оставшимися двумя тысячами?»

«Я позабочусь об этом», – ответила старая женщина, широко улыбаясь. – «Я никогда не была в постели с мужчиной, и я намерена хотя бы раз испытать это перед смертью. Как вы видите, я выгляжу неважно, но думаю, что за две тысячи рупий я смогу найти человека, достаточно молодого и красивого, чтобы удовлетворить меня».

В этот вечер адвокат передал этот разговор своей жене. В процессе обсуждения этой ситуации жена как бы невзначай заметила, что было бы неплохо получить две тысячи рупий.

Через несколько минут они уже направлялись к дому старой девы, жена вела машину. Когда адвокат вышел из машины, он оставил жене инструкцию: «Забери меня через два часа». Вернувшись к назначенному часу, жена нажала на гудок. Из дома ответа не последовало. Затем она выругалась. Верхнее окно открылось, и адвокат высунул голову.

«Приходи через четыре дня», – крикнул он. – «Она решила, что ее похоронит муниципалитет».

Вот каковы люди, реальные люди. Не обманывайтесь, глядя на их лица. Загляните глубже внутрь и вы найдете там невероятное безумие. Подавление приводит к безумию, трансценденция ведет к сущности Будды.

Да, Мукеш Бхарти, я сказал, что есть нечто общее между Буддой и сумасшедшим. Сходство заключается в том, что Будда выходит за пределы ума, а сумасшедший опускается ниже ума. И в то же время имеется сходство между трансценденцией и подавлением секса. Трансценденция выходит за пределы секса – а чтобы выйти за пределы, надо пройти через него; секс должен быть использован как лестница – а подавление опускается ниже секса.

Подавление создает невроз. Трансценденция ведет к цветению – цветению всего лучшего в вас, цветению всего того, что является вашей настоящей сущностью. Это освобождение скрытого великолепия.

Второй вопрос:

Ошо, недавно ты говорил, что любишь Вильгельма Райха. Многие годы изучал его и писал о нем. В то же время твои идеи – секс равнозначен энергии, жизнь в настоящем и Бог есть жизнь – согласуются с его идеями, ты идешь намного дальше. В чем его ограниченность?

Эдвард Манн, я также читал твои книги о Вильгельме Райхе. Я также помню, что ты цитируешь меня в этой книге. У идей Вильгельма Райха и моих имеется некоторое поверхностное сходство, но запомни, оно только поверхностное. Вильгельм Райх – мыслитель, а не медитирующий, и иногда мыслители, идя на ощупь в темноте, могут находить некоторые вещи, они могут натолкнуться на некоторые вещи. Но иметь глаза – это совершенно другое явление.

Да, иногда вы можете найти дверь, бредя на ощупь в темноте – даже слепой может найти ее – но иметь глаза, свет и идти прямо к двери, а не на ощупь – это совершенно другое явление.

Конечно, я ценю Вильгельма Райха, ценю за ту простую вещь, что, не будучи медитирующим, он натолкнулся на нечто такое, что встречается только в медитации. Но в этом заключается и его ограниченность: он только мыслитель. Поэтому он не может проповедовать то, о чем он говорит. Он не может практиковать то, что он проповедует. Фактически он делает прямо противоположное. Его слепоту надо искать в его жизни, а не в словах.

Жена Вильгельма Райха пишет, что он был очень ревнивым мужчиной. Но это невозможно. Если человек трансцендировал секс, ревность невозможна. А он продолжает говорить об избавлении от обладания, ревности, но в отношении своей жены он очень подозрителен. В конце концов, они вынуждены были развестись, и причиной развода был Вильгельм Райх. Он имел всевозможные связи с женщинами. У него было много любовных романов во имя свободы, во имя любви, во имя необладания, во имя дружбы и разделения чувства, но то же самое не было позволено его жене.

Даже когда он уезжал из города, он просил своих друзей присмотреть за женой. Жена Вильгельма Райха сама была психоаналитиком. Для нее оказалось невозможным это понять. Но я знаю, почему это происходило – он был только мыслителем.

Мыслители в определенном смысле хитры. Для себя они найдут разного рода извинения, но для других у них совершенно другой стандарт. Вот в чем его ограниченность. И в связи с тем, что он не был медитирующим, он не мог преобразовать свою сексуальную энергию в игривость, в молитвенность, и, в конечном счете, в оргазмическое существование.

Вот почему он сошел с ума. Опасно играть с огнем. Если вы не понимаете его природу, лучше оставить его в покое. Секс – это огонь, потому что это жизнь: играть с ним, не понимая всего процесса его преобразования, действительно опасно. И эта опасность настигла его.

Он стоял на правильных позициях, но он был слеп. Ему нужно было найти опору в медитации. Он мог бы стать Буддой, а стал просто сумасшедшим.

Ты говоришь, Эдвард:

... в то время ваши идеи – секс равнозначен энергии...

Это не мои идеи, это мой опыт.

И нужно помнить об их четком разграничении. Для Вильгельма Райха это идеи. Слепой может иметь представления о свете, но это не поможет ему. Глухой может иметь представление о музыке, но это не поможет ему понимать музыку, заниматься музыкой. У меня нет никаких идей, все это мой опыт. Что бы ни говорил, я говорю это не как философ.

Я отнюдь не мыслитель; для меня мышление это активность очень низкого качества. То, что я говорю – это мой опыт. Это не мои представления о сексе – это мой действительный опыт. И я не пытаюсь дать вам теорию, я просто приглашаю вас испытать то, что испытал я сам. Поэтому я не прошу вас верить в меня.

Вильгельм Райх был фанатиком. Он хотел, чтобы его последователи верили в него, верили ему абсолютно. Он был большим диктатором. Он не допускал никаких сомнений в других, и он постоянно жил в страхе – страхе преследования, как будто кто-то постоянно его преследовал, кто-то находился за его спиной. Это признаки фанатичного ума.

У него была возможность роста, но он нуждался в правильной почве. А ее не было. Будь он одним из моих саньясинов, из него бы мог родиться совершенно другой человек.

Он жил в бутылке. Гусь не смог выйти из нее. И он был слишком связан с бутылкой – его идеология, его философия. И этот постоянный страх преследования, подозрения свели его с ума.

Ты говоришь:

... ваши идеи – секс равнозначен энергии, жизнь в настоящем, Бог есть жизнь – согласуются с его идеями...

Только кажется, что они согласуются.

Живя настоящим, можешь ли ты бояться преследования? Преследование всегда относится к завтрашнему дню. В этот самый момент, как ты можешь страдать от мании преследования? Это может произойти только в следующий момент.

Всю свою жизнь он говорил о том, чтобы жить настоящим. Но это были только разговоры, просто разговоры; он никогда не жил настоящим. Он думал о себе как о пророке, по старому глупому образцу.

Эта глупая иудейская идея пророка мучила многих людей Запада. Христиане, мусульмане, евреи – все три религии, рожденные за пределами Индии, вращались вокруг идеи пророка. У Зигмунда Фрейда был тот же подход, а Вильгельм Райх был последователем Зигмунда Фрейда. Затем Карл Густав Юнг был, одержим той же идеей – он также был последователем Зигмунда Фрейда. Затем Адлер придерживался той же идеи – и он был последователем Зигмунда Фрейда. Все это свойство еврейского ума. Все они мыслили категориями спасения всего человечества, которое зависит от них.

Это жизнь где-то там, но не в настоящем.

Только позавчера Шила принесла мне доклад одного католического теолога – большой доклад, направленный против меня. Он, должно быть, пришел с заранее подготовленными идеями, и был очень сконфужен. Он не мог согласиться со своими заранее подготовленными идеями, не мог и отбросить их. Поэтому он выглядел слабо: одно он говорит за меня, другое – против меня. И он так запутался. Но мне понравилось только одно, из того, что он говорит – хотя он думает, что сделал очень серьезное критическое замечание.

Он говорит: в тот момент, когда Ошо умрет, все его движение лопнет, как мыльный пузырь.

Мне это понравилось! Именно так и должно быть! Почему оно должно продолжаться? Зачем? Совершенно незачем. Я живу сейчас, я совсем не интересуюсь будущим. Разве имеет значение, исчезнет ли мое движение как мыльный пузырь или нет? Я люблю мыльные пузыри! Они прекрасно смотрятся на солнце. И они должны исчезнуть, чтобы другие люди могли пускать другие мыльные пузыри. У меня нет на них монополии. Фактически, мир был бы лучше, если бы мыльный пузырь, созданный Иисусом, исчез с ним. Тогда сейчас не было бы этих Пап Польских. Теперь они устраивают большой шум из-за мыльного пузыря, которого уже нет. Если бы исчез созданный Буддой мыльный пузырь, это было бы великим благом для человечества, так как все эти буддистские монахи и теологи, и все эти глупые люди... Мы были бы спасены от них!

Как раз позавчера я читал одно буддистское писание. Буддистские писания говорят, что существует тридцать три тысячи правил, которым должен следовать буддистский монах. Тридцать три тысячи правил! Даже для того, чтобы их запомнить, понадобится компьютер. И какие это правила? Я вам приведу только одно правило. Когда буддистский монах идет в туалет, он должен снимать крышку унитаза очень медленно, не создавая шума. Почему? – потому что всегда есть голодные приведения, которые едят дерьмо. А если они съедят ваше дерьмо, то вы несете за это ответственность; тогда вы будете страдать в вашей будущей жизни. Великие люди! Великие религиозные правила!

А эта идея пророков, которые пытаются разрешить несчастья всех людей, которые приходят, чтобы спасти человечество... И вы не видите того простого факта, что Иисус пришел, и христиане все еще продолжают хвастать, что он пришел для спасения человечества, а спасения все еще не наступило. Прошло две тысячи лет. Он оказался весьма бессильным пророком. Что же это за спасение? Джайны говорят, что Махавира пришел для того, чтобы поднять духовный уровень человечества. Человечество осталось на том же месте, где и было. Будда пришел, чтобы освободить каждого...

Я хочу положить конец всей этой ерунде. Я здесь не для того, чтобы кого-либо освобождать. Почему я должен освобождать вас? Ваши родители уже сделали это! У меня нет таких полномочий. Я не за кого не несу ответственности – ни за человечество, ни за будущее, Я наслаждаюсь моим моментом, и те, кто хочет насладиться этим моментом, этим прекрасным мыльным пузырем на солнце, может наслаждаться.

Но он думает – этот христианский теолог, который приехал из Германии, чтобы изучить то, что здесь происходит – что это, конечно, выглядит сейчас прекрасно, но когда Ошо умрет, это исчезнет.

Это должно исчезнуть. Я все подготовлю для того, чтобы это исчезло. Это не должно остаться даже на единый момент, поскольку это будет мертво.

Вильгельм Райх жил с этой пророческой миссией. И все пророки в каком-то смысле сумасшедшие, больные некоторым неврозом. Даже хорошие люди, даже люди подобные Иисусу,

больны некоторым неврозом: «единственный рожденный сын Божий». Только посмотрите на этот невроз. А что же, все остальные – ублюдки?

Иисус утверждает, что рожден от девственной матери. Какая чепуха! Определенно, это невроз, эта черта свойственна неврозу. Его происхождение не вполне ясно... какой-то груз прошлого. И он ожидал чудес. Даже в самый последний момент, на кресте, он ждал. И он проклинал Бога: «Почему ты покинул меня?» Вы видите это ожидание? Вы видите это требование? Он разочарован, он в гневе: «Почему ты покинул меня?» Глубоко в душе он, должно быть, ожидал, что случится чудо, и Бог спустится на Землю, чтобы спасти своего единственного урожденного сына. Но Бог не спустился на Землю, потому что нет никакого Бога. Это было невозможно. И он продолжал молиться, поднимая руки к небу и взывая «Абба, отец». Это детский подход. Но это то, что случилось в прошлом.

Что касается меня, то это совершенно другое явление. Я хочу полностью покончить с прошлым. Я не пророк, я не мессия, я не являюсь единственным рожденным сыном Бога, я пришел сюда не за тем, чтобы подготовить ваше спасение. В этом нет необходимости – гусь уже снаружи!

Эдвард Манн, Вильгельм Райх жил в состоянии реакции, а не бунта. Различия между ними трудноуловимы. Он реагировал. Но когда вы на что-то реагируете, вы привязываетесь к этому, вы не можете освободиться от этого. Реакция – это своего рода отрицательная привязанность.

Я не реагирую. Я просто ни с чем не связан. Я не связан с прошлым, так как единственный способ жить – сейчас. У меня нет ни прошлого, ни будущего. Это мгновение – все!

Последний вопрос:

Ошо, у меня нет вопросов. Но все же один... Можешь ли ты сказать что-нибудь безумное без всякой цели?

Дхьян Мадиа, а как ты думаешь, что я все это время делаю? Ты думаешь, в этом есть какая-либо цель? Можешь ли ты найти более безумного человека, чем я?

Я совершенно безумен, и у меня нет никакой цели, Я просто наслаждаюсь собой. Я люблю говорить, поэтому я люблю говорить... Поэтому у меня есть свобода, которой не было ни у одного мыслителя, поскольку он должен быть последовательным. В тот момент, когда я что-то сказал, с этим покончено; я больше не оглядываюсь назад. Я никогда не читал ни одной из своих книг – я даже не помню их названий.

Если кто-нибудь спросит у меня: «Ошо, вы сказали это в своей книге... «Я отвечу: «Неужели? Должно быть, это сказал кто-либо другой. Этот человек давно умер»».

Итак, все, о чем я говорю, не имеет цели – так же как не имеют цели розы, птица в полете, звезды, капли росы на раннем утреннем солнце. Какая цель? Я ни в каком смысле не ставлю целей. Это чистое удовольствие.

Мадиа, три поляка стоят у дверей борделя, обсуждая, на какие цены они бы согласились за оказываемые внутри услуги. Они решают, что один из них войдет первым, а два других будут ждать снаружи. Полчаса спустя, первый, кто вошел, выходит с сияющей улыбкой на лице.

«Что произошло? Как все это было?» – спрашивают друзья,

«Ну, я заплатил пять злотых, вошел в комнату, где меня ждала высокая сексуальная женщина. Она сняла мою одежду, повесила две дольки ананаса на мой половой орган и медленно их съела. Это было великолепно!»

Второй поляк, которому понравился рассказ своего друга, вошел внутрь. Час спустя он вышел с широкой улыбкой Чеширского кота на лице.

«Что произошло?» – спросили двое других.

«Ну, я заплатил десять злотых, и все было так же, как и с нашим первым другом. Но на этот раз она повесила на мой член четыре дольки ананаса и ела их медленно, очень медленно».

Третий поляк, к этому времени уже возбужденный, бросился в бордель и вышел через четверть часа с вытянувшимся и грустным лицом.

«Ну», – спросили его друзья, – «что с тобой? Что произошло?»

«Знаете ли», – начал грустный поляк, – «все началось прекрасно. Я заплатил двадцать злотых, и она повесила на мой член шесть ананасовых долек плюс большую ложку взбитых сливок».

«Ух ты!...» – воскликнули друзья.

«Но это не все», – продолжает третий, – «еще и пригоршню молотых орехов, сахарную вафлю, горячий шоколадный соус, а наверх положила красивую красную вишенку».

«Это звучит здорово», – сказал один из друзей. – «Тогда почему же ты такой грустный?»

«Это выглядело так чертовски хорошо, что я все съел сам!»

ГЛАВА 5

СОВЕРШЕННО НЕСОВЕРШЕННЫЙ (5-марта 1981 года, утро)

Первый вопрос:

Ошо, ты непогрешим?

Томас В. Кемпис, я непогрешимо погрешим. Во-первых я не перфекционист, потому что для меня стремление к совершенству это причина всех неврозов. Пока человечество не избавится от мысли о совершенстве, оно никогда не станет здравомыслящим. Сама идея совершенства привела человечество к безумию. Мыслить в категориях совершенства, значит мыслить в категориях идеологий, целей, ценностей, в терминах «можно» и «нельзя». У вас есть определенный образец поведения, и если вы отступаете от этого образца, вы чувствуете себя безмерно виноватым, вы чувствуете себя грешником. И этот образец непременно таков, что вы не можете его достичь. Если бы вы могли его достичь, он не представлял бы большой ценности для вашего эго.

Итак, внутреннее качество перфекционизма состоит в том, что он должен быть не достигаем, только тогда он достоин достижения. Вы видите противоречие? И это противоречие порождает шизофрению: вы стараетесь сделать невозможное, и вы знаете наверняка, что этого никогда не случится – этого не может случиться по самой природе вещей. Если же это возможно, значит, образцу недостает совершенства; тогда это по силам любому. Тогда он не будет питать ваше эго: эго не сможет размышлять над ним, оно не сможет расти с его помощью. Эго нуждается в невозможном – а невозможное по своей природе никогда не случится. Итак, остается только две альтернативы: первая заключается в том, что вы начинаете чувствовать себя виноватым. Если вы невинны, открыты, умны, вы начнете чувствовать себя виноватым – а вина это состояние болезни.

Я здесь не для того, чтобы создавать в вас какое-либо чувство вины. Все мои усилия направлены на то, чтобы помочь вам избавиться от этого состояния вины. В тот момент, когда вы свободны от чувства вины, расцветает радость. Чувство вины коренится в идее совершенства.

Вторая альтернатива заключается в том, что если вы коварны, вы станете лицемером, вы начнете притворяться, что достигли. Вы будете вводить в заблуждение окружающих, вы даже попытаетесь обмануть себя самого. Вы начнете жить в иллюзиях, галлюцинациях, а это очень порочно, очень нерелигиозно, очень нездорово. Притворяться, прожить жизнь в притворстве намного хуже, чем жить с чувством вины. Вина – это человек, по крайней мере, открыт, тогда как притворщик, лицемер, святой, так называемый мудрец, махатма это обманщик. Он по сути своей бесчеловечен – бесчеловечен по отношению к самому себе, потому что он подавляет себя, а подавление это единственный способ притворства. Какое бы он ни нашел в себе несоответствие с совершенством, оно должно быть подавлено. Внутри он будет кипеть, он будет полон гнева и ярости. Его гнев и ярость будут проявляться в тысячах вещей; они выплывут на поверхность в трудноуловимой, косвенной форме.

Даже такие люди как Иисус – милые, хорошие – полны гнева, ярости: они осуждают такие невинные вещи – вы не поверите.

Иисус появляется в компании своих последователей – и эту компанию дураков называют апостолами. Он голоден, и вся компания голодна. Они подходят к фиговому дереву, а фиговое дерево не плодоносит. Это не его вина, но Иисус так злится, что осуждает фиговое дерево, он проклинает фиговое дерево. Как же такое возможно? С одной стороны, он говорит: «Возлюби врага своего как самого себя». С другой стороны, он не может простить даже фиговое дерево, на котором нет плодов, потому что не сезон.

Эта дихотомия, эта шизофрения господствовала над человечеством на протяжении тысяч лет.

Он говорит: «Бог есть любовь», но, тем не менее, Бог устраивает ад. Если Бог есть любовь, то первая же вещь, которая должна быть уничтожена – это ад; ад должен быть немедленно сожжен; уничтожен. Сама идея ада это идея очень ревнивого бога. Но Иисус был рожден иудеем, жил иудеем и умер иудеем, он не был христианином, он никогда не слышал слова «христианин». Иудейская идея бога не очень красива.

Талмуд говорит – об этом заявляет сам Бог – «Я ревнивый бог, очень ревнивый. Я не милый! Я не ваш дядюшка!» Такой бог неизбежно должен был создать ад. На самом деле, жить даже на небесах с таким богом, который вам не дядюшка, который ревнив и малосимпатичен – это и есть настоящий ад. Какой рай вы приобретете, живя с ним? Там будет деспотичная, диктаторская атмосфера – ни свободы, ни любви. Ревность и любовь не могут существовать вместе.

Итак, даже так называемые хорошие люди причинили человечеству страдания. Это ранит, потому что мы никогда не размышляли над этими вещами. Мы никогда не пытались внимательно исследовать наше прошлое, а все корни наших страданий находятся в прошлом. И хорошо запомните, в вашем прошлом более важны Иисус, Махавира, Конфуций, Кришна, Рама, Будда, нежели Александр Великий, Юлий Цезарь, Тамерлан, Чингиз Хан, Надир Шах. Исторические книги рассказывают об этих людях, но они не являются частью вашего бессознательного. Они могут быть частью истории, но они не формируют вашу личность; ваша личность формируется так называемыми хорошими людьми. В них было, конечно, несколько хороших качеств, но бок о бок с ними была двойственность, а двойственность эта выросла из идеи совершенства.

Джайны говорят, что Махавира никогда не потел. Как может потеть совершенный человек? Я могу потеть – я не совершенный человек! А пот летом так хорош, что я скорее выбрал бы пот, нежели совершенство! Потому что человек, который не потеет, просто-напросто обладает пластиковым телом, синтетическим, не дышащим, без пор. Все тело дышит, вот почему вы потеете; потение – это природный процесс, сохраняющий температуру вашего тела всегда постоянной. Поэтому Махавира должен был гореть внутри как в аду! Как ему удавалось сохранить температуру своего тела постоянной? Не потея, этого нельзя сделать, это невозможно.

Джайны говорят, что когда змея укусила Махавиру за ногу, то из ноги потекло молоко вместо крови. Но молоко могло потечь из ноги Махавиры,

только если бы у него на ноге росла грудь – а мужчина, у которого груди на ногах, должен выступать в цирке! Вот в чем заключается их идея о совершенстве: совершенный человек не может иметь таких грязных свойств как кровь, он полон молока и меда. Но только представьте себе, как человек, полный молока и меда, будет вонять! Молоко превратиться в творог, а на мед будут садиться разные насекомые; он будет сплошь покрыт мухами! Мне не нравится такая форма совершенства.

Махавира до такой степени совершенен, что даже не мочится, даже не испражняется; такие вещи только для несовершенного человеческого существа. Вы не можете представить себе Махавиру, сидящего на унитазе – это невозможно – но куда же тогда исчезает все его дерьмо? Тогда, должно быть, в этом человеке накопилось наибольшее количество дерьма в целом мире.

В медицинских журналах я читал о человеке, с которым произошел самый долгий случай запора; восемнадцать месяцев. Но эти врачи ничего не знали о Махавире – это еще что – сорок лет! Это самый большой период, в течение которого человек мог контролировать свой стул. Это же настоящая йога! Величайший случай запора во всей истории человечества... и я не думаю, что кто-нибудь побьет его рекорд.

Эти глупые идеи внедряются только лишь для того, чтобы человечество страдало. Если эти идеи заложены у вас в мозгу, то вы всегда будете чувствовать себя виноватым. Когда вы мочитесь, вы виноваты – что вы делаете? Сидя в туалете, вы проваливаетесь в преисподнюю! Если из вашего тела течет кровь – это ужасное унижение.

Иисус ходит по воде, пытается воскресить умершего друга, в то время как сам не может выжить на кресте; пытается излечить слепых и глухих, но не может сделать просветленным ни одного глупца, он не может помочь ни одному дураку избавиться от своей глупости, не может спасти ни единого человеческого существа, ударив его по голове и сказав: "Посмотри, гусь снаружи!"

Томас В. Кемпис, я очень «погрешим», потому что я не неврастеник, я не психопат, я не перфекционист. И мне нравится мое несовершенство... Я люблю это слово, потому что оно несовершенно. Оно несовершенно, и именно поэтому оно растет; если бы оно было совершенным, оно бы уже давно было мертвым. Рост возможен только тогда, когда есть несовершенство. Совершенство означает полную остановку, совершенство означает совершенную смерть; тогда уже нет возможности выхода за пределы.

Я хочу напомнить вам снова и снова, я несовершенен, вся вселенная несовершенна, и любить это несовершенство, и радоваться этому несовершенству – вот все мое послание.

Психиатр откинулся в кресле и сложил вместе кончики пальцев. Перед ним стоял глубоко взволнованный посетитель.

«Успокойтесь, приятель», – произнес он мягко. – «Я помог многим пациентам, в том числе и с более серьезными проблемами. А теперь давайте убедимся, что я правильно понял проблему. Вы говорите, что в моменты большого эмоционального стресса вы считаете себя собакой, фокстерьером, не так ли?»

«Да, сэр», – пробормотал пациент. – «Маленьким фокстерьером с черными и коричневыми пятнами. Ах, пожалуйста, скажите, можете ли вы мне помочь, доктор? Если так будет и дальше продолжаться, я не знаю что я сделаю...»

Доктор указал на кушетку. «Ну-ну», – сказал он успокаивающе, – «ложитесь-ка сначала вот сюда, и мы попытаемся найти корень вашей иллюзии».

«Ах, я не могу сделать этого, доктор», – сказал пациент. – «Мне не разрешают забираться на кровать».

Если в вас однажды укоренилась какая-нибудь идея, она начинает превращаться в реальность. Перфекционизм – это неврастеническая идея. Непогрешимость хороша для глупого Папы Польского, а не для разумных

людей. Разумный человек поймет, что жизнь – это приключение, постоянное исследование путем проб и ошибок. В этом ее радость, в этом ее сок!

Я не хочу быть совершенным. Я хочу быть настолько совершенно несовершенным, насколько это возможно. Наслаждайтесь своим несовершенством! Наслаждайтесь своей обыкновенностью! Остерегайтесь так называемых «Его Святейшеств» – этим людям больше подходит титул «Его Обманщество». Если вам нравятся такие громкие титулы, переделайте «Его Святейшество» в «Его Совершенная Обыкновенность» – ЕСО, а не ЕС! (англ. НН, His Holiness – принятое в христианском мире сокращение титула Папы Римского, обычно предшествующие ему имени). Я проповедую обыкновенность. Я не претендую на какие-либо чудеса; я простой человек. И я хочу, чтобы вы были тоже очень простыми, чтобы вы могли избавиться от этих полюсов: чувства вины или притворства. Как раз между ними и находится разумность.

Святой Петр пригласил Архангела Гавриила поиграть в гольф. С первой же попытки святой Петр метко попал прямо в лунку. Гавриил невозмутимо повторил его удар. То же произошло и после следующего удара.

Святой Петр некоторое время задумчиво смотрел на Гавриила, и наконец, произнес:

«Как вы смотрите на то, чтобы отправить подальше эти чудеса и поиграть немного в гольф?»

Я не непогрешим, и я ни за что на свете не хотел бы быть непогрешимым, потому что это самоубийство. Я бы хотел совершить столько ошибок, сколько возможно, и я хотел бы продолжать совершать ошибки до последнего вздоха, потому что это означает жить. Если вы способны совершать ошибки даже на последнем издыхании, значит, вы победили смерть.

Умирал Мастер Дзен... мне очень нравится подход людей Дзен по той простой причине, что они также наслаждаются обыкновенным. Вот в чем красота Дзен: ни одна религия не была способна подняться до таких высот обыкновенного.

Мастер был очень стар. Ему было около восьмидесяти. Он собрал своих учеников и сказал: «Сегодня мой последний день. Не думаю, чтобы я смог увидеть закат, а солнце уже садится за горизонт. Я собрал вас для того, чтобы предложить новый способ умирать».

Они были немного озадачены. Они сказали: «Что вы подразумеваете под «новым способом?»

Он ответил: «Люди умирают в постели, люди умирают в ванной комнате, люди умирают так или иначе. Все эти вещи уже были сделаны до меня, а мне всегда нравилось делать вещи по-новому, по-своему. Можете ли вы предложить что-либо? Вы когда-нибудь слышали, чтобы кто-то умирал стоя?»

Ученики молчали. Наконец, один человек сказал: «Да, я слышал о Мастере Дзен, который умер стоя».

Он сказал: «Тогда это отпадает! Вы когда-нибудь слышали, чтобы кто-то умер вниз головой, совершая сиршасану, стойку на голове?»

Все сказали: «Мы никогда не слышали ни о чем подобном и даже представить себе не могли, чтобы кто-то умирал, стоя на голове!»

Мастер сказал: «Это подойдет!» Старик встал на голову, и, говорят, стал проявлять все видимые признаки умершего. Но была одна сложность; сложность заключалась в том, что все эти ученики Дзен оказались в очень непонятной ситуации: что теперь делать с этим стариком? Они никогда не слышали о каком-либо ритуале для тех, кто умер на голове. Что нужно сделать? Они прекрасно знали, что нужно делать, когда человек умер в постели, но что делать с этим человеком? Он стоял мертвый на голове!

Кто-то предложил: «Мы должны сбегать... Его старшая сестра живет неподалеку; она монахиня. Может быть, она сможет сделать или предложить что-нибудь. И она еще более сумасшедшая, чем этот старик!»

Итак, они сходили за сестрой. Она пришла и закричала на своего брата: «Послушай, вся твоя жизнь была сплошным беспокойством! По крайней мере, умри мирно, не создавай вокруг столько шума! Зачем ты сводишь с ума этих несчастных учеников? Вставай и ложись в постель?»

Старик засмеялся, встал, лег в постель и сказал: «Кто привел сюда эту сумасшедшую? Она даже не позволит мне умереть неподобающим образом!»

Но он сказал: «Ладно, не волнуйся. Это твое последнее желание, а я никогда не следовал какому-либо из твоих советов. Я могу сделать хотя бы это, прежде чем умру».

Женщина не осталась, чтобы увидеть, как он умрет. Она сказала: «Просто лежи здесь. Я ухажу. И умри в постели, как и должно. Хватит беспокойства».

И она ушла, и старик умер в постели, как и должно.

Вот, как должна быть прожита жизнь.

Я не святой, я не мудрец. И все эти фиглярские слова не имеют для меня ни малейшего значения. Конечно, я немного сумасшедший, но только благодаря моему сумасшествию вы можете положиться на меня! Никогда не полагайтесь на святых, никогда не полагайтесь на мудрецов – они приведут вас к безумию!

Во время вечернего чаепития воздух в гостиничном номере наполнился тяжелыми сизыми кольцами – это дымилась некая беспутная кампания со своими друзьями-туристами. Внезапно в холле раздался громкий голос, требующий открыть во имя закона. Курильщики лихорадочно собрали свои еще дымящиеся сигареты и затолкали их в часы с кукушкой. Вошла полиция, но не найдя ничего в результате тщательного осмотра, ушла ни с чем. С радостным вздохом облегчения друзья бросились к часам с кукушкой – как раз в этот момент наступило три часа по полудню. Распахнулась маленькая дверка, и птичка высунула свою голову: «Эй, ребята, сколько нынче времени?»

Второй вопрос:

Ошо, я слышал, что о каждом так называемом великом человеке – как Юлий Цезарь или Наполеон, или даже действительно великий Сократ – заботилась женщина.

В отношениях с женщинами я всегда превращался из поклонника в дурака. В чем твой секрет? О тебе заботится больше женщин, чем это возможно, и ты остался свободным и любим всеми ими. И я тоже люблю тебя.

Прем Прасад, так называемые великие люди – Юлий Цезарь, Александр, Наполеон и другие – конечно же, были управляемы женщинами; они пытались самоутвердиться.

У женщины есть одно особое качество: она полностью довольствуется малыми вещами. Лишь потому, что она женщина, в ней есть природная способность создавать детей; ее желание творчества удовлетворено – она становится творцом по природе, биологически. Здесь мужчина чувствует себя бессильным; он не может рожать детей. Что-то похожее на пустую матку глубоко ранит. Он хочет доказать женщине, особенно женщине, которую он любит: «Я тоже могу создавать, я тоже могу завоевывать, я тоже могу показать миру, что я не бесполезен, как аппендикс, я тоже могу привнести что-то в мир, в его красоту, в его мощь, в его искусство, в его музыку, в его танец. Я должен доказать это!»

Это совершенно бессознательное стремление есть в каждом мужчине – что-то доказывать. И в тот момент, когда человек влюбляется в женщину, этот вопрос немедленно становится главным. Он начинает самоутверждаться, зарабатывая больше денег, становясь президентом или премьер министром, завоеывая мир. Но что бы он ни делал, все это остается неполным – он не может соревноваться с женщиной. Она остается такой округлой, такой центрированной и укорененной, а мужчина может дойти до

края света, но он не станет центрированным. Он покорит Эверест, он достигнет Луны, он станет завоевателем мира, он откроет великие законы науки, он будет сражаться на войне, он будет исследовать неизведанное, но где бы он ни был, он всегда будет чувствовать, что чего-то в нем не хватает. Это чувство нехватки, биологическое.

Женщина обладает сбалансированной биологией; ее химия равномерно сбалансирована. Мужчина обладает биологией, которая немного несбалансированна; одна половина тяжелее, а другая немного легче, и это создает в нем внутреннее напряжение. Вот почему больше мужчин, чем женщин, сходит с ума, больше мужчин, чем женщин, совершает самоубийства, больше мужчин, чем женщин, совершает убийства. И если вы посмотрите на мир, то увидите, что мужчины доминируют по той простой причине, что женщины не заинтересованы в доминировании; в этом нет нужды – они чувствуют определенную осуществленность в своем внутреннем ядре. Мужчина всегда мечется, стремится куда-то, он все время в пути. Все мужчины – это американцы, туристы! Они не могут быть здесь сейчас.

И это начинается еще в утробе. Опытная мать, которая родила уже одного или двух детей, через несколько месяцев прекрасно знает, кто у нее в утробе – мальчик или девочка. Мальчик начинает толкаться, он начинает становиться Александром Великим! Девочка остается спокойной, тихой, медитативной; она не создает большого неудобства.

Именно поэтому женщина легко подчиняется мужчине. Он способен доминировать над женщиной не благодаря своему превосходству, не благодаря своей силе, но как раз наоборот.

Женщина во многих отношениях превосходит его, и поскольку мужчина страдает комплексом неполноценности, он должен доминировать над женщиной; только тогда он может немного избавиться от своего комплекса.

Мужчина доминировал на протяжении всей истории, он старался всеми возможными путями поработить женщину. Но он не преуспел: на поверхности это может выглядеть, как будто он достиг успеха, но каждый муж прекрасно знает, что в тот момент, когда он входит домой, он перестает быть тем львом, которым притворялся снаружи. Он неожиданно становится собакой, несчастной собакой с поджатым хвостом. Когда он выходит из дома, он идет как гром, когда он приходит домой – весь пар выпущен! Почему-то, входя домой, он боится, дрожит и начинает читать все ту же газету, которую читал в течение всего дня, чтобы избежать женщины. Эта газета всего лишь прикрытие. Даже маленькой женщины достаточно, чтобы у любого Мухаммеда-Али Великого, душа ушла в пятки.

Есть красивый рассказ из жизни великого индийского императора Акбара:

Однажды один из его друзей, Бирбал, сказал ему:

«Насколько я знаю, все женщины доминируют над мужчинами, как бы те ни притворялись».

Акбар был оскорблен. Он сказал:

«Ты должен доказать это. Должно быть хотя бы несколько мужчин, которые не подчиняются; твоё заявление не может быть воспринято как основополагающее. Итак, я дам тебе двух красивых коней. Поезжай, и еще возьми с собой несколько кур. Если ты встретишь покорного мужчину, отдай ему курицу; если ты встретишь непокорного мужчину, тогда предложи ему выбор – он сможет взять или черного коня, или белого коня. Это самые красивые кони, какие у меня только есть, самые дорогие». В те дни кони были в огромной цене.

Бирбал объехал Дели, и где бы он ни был, ему приходилось дарить курицу. Только в одном месте он столкнулся с некоторой трудностью. Очень мускулистый мужчина – он никогда еще не видел такого сильного, мускулистого тела – сидел на солнце, массируя свои мускулы.

Бирбал спросил его: «Под каблуком ли ты у своей жены?»

Он просто показал Бирбалу свои мускулы и сказал:

«Дай мне руку, и я тебе покажу!» Он так сильно сдвинул его руку, что тот вскрикнул, и сказал: «Стоит ли тебе спрашивать об этом во второй раз? Тогда я тебя покалечу! Сам вопрос оскорбителен! Кто может подчинить меня?»

Внутри маленькая женщина готовила еду – всего лишь маленькая женщина, которую этот мужчина мог раздавить одной рукой. Не понадобилось бы даже смыкать руку, всего лишь небольшое давление, оказанное на ее спину, и она сыграет в ящик!

Бирбал спросил: «Где твоя жена?»

Он сказал; «Моя жена в доме, она готовит ужин. Посмотри на нее и на меня, и ты поймешь, кто хозяин».

Все было до такой степени понятно, что Бирбал сказал:

«Конечно, ты хозяин, я беру свои слова назад. Ты можешь выбрать подарок от короля – любого из коней, белого или черного».

И мужчина посмотрел на женщину и спросил: «Какую лошадь мне выбрать, черную или белую?»

И женщина откликнулась: «Пусть будет белая!»

И Бирбал сказал: «Ты получаешь курицу! Все кончено! Ты можешь обладать силой мускул, но это ничего не доказывает».

У женщин есть психологическая хватка.

Эндрю Карнеги, одного из самых богатых промышленников мира, в день его смерти спросили:

«Как вам удалось заработать столько денег? Какой секрет стоит за всем этим?»

Он сказал: «В этом нет никакого секрета. Я просто пытался проследить, смогу ли я заработать настолько много денег, что моя жена не сможет все их потратить, но я потерпел неудачу, она победила».

Прасад, ты спрашиваешь меня:

Ошо, я слышал, что о каждом так называемом великом человеке – как Юлий Цезарь или Наполеон, или даже действительно великий Сократ – заботилась женщина.

Это правда. Касательно так называемых великих людей это правда, потому что они пытались быть великими, соревнуясь со своими женами, и в отношении даже действительно великого Сократа это тоже является правдой.

Молодой человек спросил Сократа: «Я подумываю о том, чтобы жениться. Что вы мне посоветуете?»

Он слышал все эти истории о Сократе и его жене, Ксантиппе. Должно быть, она была действительно опасной женщиной, амазонкой! Она была Сократа. Однажды она опрокинула на него горячую воду, настоящий кипяток; она кипятила ее для чая, но разозлилась и вылила ее Сократу в лицо.

Сократ был безобразен, совершенно безобразен – курносый, совершенно неприглядный, отвратительный. Ксантиппа сделала его еще более отвратительным! Половина его лица на всю оставшуюся жизнь осталось обожженной.

Итак, этот юноша пришел к нужному человеку, чтобы спросить: «Вы испытали на себе, что значит быть мужем, больше, чем кто-либо другой, и все Афины полны рассказов о вашей жене и вас, и вы мудрейший из людей, как провозгласил Дельфийский Оракул, итак, я пришел, чтобы спросить вас – я стою перед дилеммой – должен я жениться или нет?»

Сократ сказал: «Ты должен жениться».

Молодой человек не мог поверить – он не ожидал этого ответа. Он сказал: «И вы это говорите, после всего, что вы пережили, женившись на Ксантиппе?»

Он сказал: «Да. Если у тебя будет хорошая жена, то она поможет тебе преуспеть в жизни, она даст тебе амбиции. А ты молод; тебе нужны некоторые амбиции. Если у тебя будет такая жена, как у меня, то ты станешь философом. Моя жена, сама того не желая, помогла мне постигнуть искусство оставаться невозмутимым. Что бы ни случилось – удача или поражение, горе или счастье – для меня все одно. Она сделала меня центрированным. В любом случае, ты ничего не потеряешь, если женишься».

Возможно – и очень возможно на самом деле – что Будда был обязан просветлением своей жене, Яшодхаре. Вся заслуга того, что Магомет стал пророком Бога, должна принадлежать его девяти женам. Существует вероятность, что эти люди пытались каким-то образом защитить себя от внешних воздействий, от вовлеченности, и они начинали искать нечто за пределами, они начинали искать внутреннего, запредельного внутреннего, чтобы забыть обо всем мире. Жена, женщина – это действительно самый близкий к вам мир: она окружает вас везде, из каждого закутка и угла. Ваши, так называемые великие люди в долгу у женщин, и многие ваши действительно великие люди также в долгу перед женщинами, хотя они и не признавали этого. Это отвратительно.

Много раз меня спрашивали, почему женщины не становятся просветленными. Причина в том, что ни один мужчина не в состоянии довести их до такой крайности! Это не имеет ничего общего с женщинами, суть заключается в бессилии мужчин – они не могут довести их до этой точки. Более того, женщины всегда укоренены, центрированы, а мужчина не укоренен, не центрирован. Он висит в воздухе и нуждается в корнях, он нуждается в центре.

Прогуливаясь по лондонскому району Сохо, молодой кокни заметил привлекательную девушку, яростно борющуюся с порывами ветра в попытках удержать свою юбку.

Приподняв свою шляпу он сказал: «Ветрено, не правда ли?» (обыгрываются слова: англ. "airy", ветреный и "hairy", покрытый волосами, что звучит как "'airy" в устах кокни).

«Что, черт возьми, вы ожидали там увидеть?» – ответила она. – «Перья?»

Шейла и Джордж проводили первую ночь своего медового месяца в приятном средневековом городке во Франции. Чтобы добавить вечеру пикантности, Шейла застенчиво предложила заниматься любовью каждый раз, когда старый ночной сторож ежечасно звонит в свой колокольчик. Джордж очень обрадовался этому предложению, но четыре звонка спустя он сделал вид, что должен выйти за сигаретами и, шатаясь, подошел к башне ночного сторожа.

«Послушай, старик, – сказал он мужчине, тяжело дыша, – сделай мне одолжение, хорошо? До конца ночи звони, пожалуйста, в колокольчик с интервалом в два часа вместо часа!»

«Ах», – ответил дряхлый ночной сторож, потирая свои усы, – «Я бы с радостью, монсеньор, но я не могу этого сделать».

«Почему бы нет?» – потребовал Джордж. – «Я дам тебе денег, если это тебя волнует!»

«Совсем нет», – ответил старик, – «Видите ли, красивая молодая леди только что попросила меня звонить в колокольчик каждые полчаса».

В отношениях с женщинами я всегда превращался из поклонника в дурака.

Если ты поклонник, то ты неизбежно превратишься в дурака, потому что поклонение это иллюзия; поклонение возможно только на расстоянии. Чем ближе ты подходишь, тем более по-дурацки ты будешь выглядеть, и если ты пойман в сети женщины, ты обречен стать полным дураком. Ты старался быть пойманным как только мог, и тебе не удастся и отделаться от нее легко.

Мышеловка никогда не бежит за мышью; мышеловка просто лежит центрированно, укорененно. Мышь под влиянием своего воздушного романтизма начинает мечтать об удобстве внутри мышеловки, запахе еды внутри,

спагетти и так далее, и попадается. Попасться легко, но очень трудно освободиться снова, потому что у мышеловки есть только вход и нет выхода.

Итак, Прасад, это будет случаться снова и снова!

Я не поклонник, я не романтик, я человек фактов. Чего бы я ни говорил о мужчинах и женщинах – это просто факт – в этом нет ничего надуманного! И однажды попавшись, вы будете постоянно в затруднительном положении, потому что вокруг есть еще мышеловки, которые кажутся более уютными, теплыми, более красивыми, более перчеными. На самом деле, слово «перченный» (spicy) это всего лишь множественное число слова «супруг» (spouse). И женитьба – это очень странная вещь: сначала подается десерт, а все остальное сбрасывается в дренаж!

После операции по трансплантации сердца, пациент получает указания от доктора. Ему была предписана строгая диета, ему запретили курить, и посоветовали спать ночью, по крайней мере, восемь часов. В конце пациент спросил: «А как насчет моей сексуальной жизни, доктор? Можно ли мне иметь половые сношения?»

«Только с женой», – ответил доктор. – «Мы не хотим, чтобы вы возбуждались».

Муж средних лет обратился к доктору с жалобой на то, что его жена постоянно пилит его из-за его снижающейся потенции. Вручив ему пузырек с таблетками, доктор заверил его, что они творят чудеса. Месяц спустя мужчина вернулся, явно удовлетворенный результатами.

«Эти таблетки восхитительны!» – сказал он. – «Я могу за ночь трижды».

«Отлично», – ответил доктор. – «Что теперь думает ваша жена о ваших способностях?»

«Откуда мне знать?» – пожал плечами мужчина. – «Я еще не был дома!»

Ты спрашиваешь меня, Прасад:

В чем твой секрет?

В моей жизни нет секрета – или ты можешь назвать его открытым секретом. Я ничего не прячу: я живу не как кулак, я живу как раскрытая рука. Ничего скрытого, ничего эзотерического, ничего секретного; все легко и просто.

Ты говоришь:

О тебе заботилось больше женщин, чем это возможно, и ты остался свободен и любим всеми ими.

Этот открытый секрет заключается в том, что вы можете быть свободным, если вокруг вас слишком много женщин. В то время как они заняты друг другом, они совершенно оставляют вас в покое; на самом деле они совершенно забудут о вас! Ревности, зависти им достаточно для того, чтобы оставаться занятыми. Если кто-то хочет быть полностью свободным от женщин, то это единственный путь. Вот в чем заключается мой открытый секрет!

И все они любят меня по той простой причине, что никто из них мною не обладает, и я никем не обладаю. Если вы будете обладать какой-либо женщиной, то вы попадете в беду, если вами будет обладать какая-либо женщина, и тогда вы попадете в беду. Я не обладаю никем, мною никто не обладает. Я продолжаю сидеть и заниматься своими делами – я ничего не делаю – и я делаю так, что женщины ходят и ходят вокруг. И у них так много проблем, они могут позволить себе забыть обо мне!

И ты говоришь:

О тебе заботилось больше женщин, чем это возможно...

Это не так, ты не знаешь, что такое предел. Даже небо не предел! Когда возникнет новая коммуна, ты увидишь, что за мной будет стоять так много женщин, что даже если я умру, тебе потребуются годы, чтобы узнать, что мужчины больше нет! Они создадут столько шума, и танцев, и любви, и всяких глупых вещей, что ты даже не сможешь узнать, там ли я еще, или меня уже нет.

И я делаю так, чтобы они стояли за мной, потому что они более прагматичны, чем мужчины, они обладают более большими возможностями, для того, чтобы справляться с реальностью, они прикованы к земле. Мужчина более направлен к небу, а женщина связана с землей. Это очень прагматично.

Если женщины будут заботиться обо всем мире, мир лишится многих глупых вещей. Например, исчезнут войны. Конечно же, будет больше красивой одежды, показов мод, моделей, но оружие, атомные бомбы, водородные бомбы и вещи в этом роде исчезнут – женщины не интересуются такими вещами. Хиросима и Нагасаки не произойдут вновь; только мужчина может совершать такие вещи. Исчезнут крестоносцы, исчезнут религиозные войны, исчезнут джихады. Женщины этим не интересуются; их интерес очень прагматичен, реален. Она больше интересуется одеждой, косметикой, красотой; и это хорошие увлечения – они поддерживают в вас жизнь. Увлечения мужчин очень опасны – политические, религиозные, экономические – и они приносят все больше, больше и больше зла.

Во имя спасения человечества зла происходит больше, чем во имя чего-либо другого: за последние три тысячи лет произошло пять тысяч войн, и вся заслуга в этом принадлежит мужчине. Миллионы людей убивают во имя любви, во имя демократии, во имя свободы, во имя любви. Ни одна женщина не может такого совершить. Я не думаю, что вы можете начать мировую войну из-за косметики или одежды, или моделей, или драм, или новой посуды – вы не можете начинать мировые войны из-за этих вещей!

Я хочу, чтобы моя община была очень связана с землей, потому что в этом и состоит мой опыт, мое наблюдение многих жизней: дерево должно сначала глубоко уйти корнями в землю; чем глубже уходят корни, тем выше поднимаются ветви. Если вы хотите, чтобы ваши цветы достигли звезд, тогда вам нужно будет углубиться к самому основанию земли.

Все религии мира остались немного туманными, путанными по той простой причине, что все они пытались достичь звезд, запредельного, удаленного и никогда не задумывались о корнях.

Будда был против женщин, он не хотел давать женщинам посвящение. Он говорил, что его религия могла бы прожить пять тысяч лет, но так как, в конце концов, он согласится принимать женщин в ученики, она не проживет и пятисот лет. Результат моего собственного наблюдения прямо противоположен: без женщин она не просуществовала бы и пятисот лет, потому что в тот момент, когда умер Будда, все мужчины начали спорить – вести идеологические войны. Тут же зародились тридцать две секты, в тот же самый день! Даже тело Будды не успело еще полностью сгореть, как уже возникли тридцать две философские школы, тридцать две интерпретации. Началась война.

Когда Иисус был распят, все эти двенадцать дураков, скрылись. С ним остались только три женщины, чтобы снять его тело с креста, и ни одного мужчины. С ним осталась Мария Магдалина, проститутка, ее сестра Марфа и мать Иисуса Мария. А все эти апостолы, эти фанатики, куда они исчезли? Они готовились к Ватикану, они готовились к будущему. С Иисусом было покончено! Весь вопрос заключался в теологии, в философии, в идеологии. Но этих трех женщин не волновали теология или философия, их волновало его тело. Они были более прагматичны, более правдивы, честны, искренни. Они любили этого человека, они рисковали собой ради этого человека, они были готовы к тому, что их осудят. Все эти мужчины исчезли.

Одним из самых образованных последователей Иисуса был Иуда; он продал его всего лишь за тридцать серебряных монет. Ни одна женщина не сделала бы этого. А он был самым интеллектуальным среди всех последователей

Иисуса. Но интеллектуалы могут очень легко предавать: они самые вероломные в мире люди, потому что в них нет сердца, у них есть только голова – и эта голова изобретает, голова рассчитывает. Женщина живет сердцем.

Поэтому моя община идет по совершенно другому пути: сначала она должна обрести корни. Так поступают все садовники: сначала вы должны дать почву, удобрения, корни растениям, а потом уже цветы гармонично взойдут. Цветы появятся, но они не могут появиться без корней. Корни и цветы – это как два крыла: если у вас есть два крыла, то все небо ваше. Но самая главная вещь, первостепенная, основная, фундаментальная – это корень.

Женщина – это корень всей жизни; мужчина – максимум может быть веткой, цветущей веткой, красивой веткой – тянущейся, стремящейся к звездам. Они должны идти вместе. Вот почему, Прасад, здесь так много женщин, и постепенно они охватят всю почву и предоставят тебе, предоставят мужчинам свободу, расти и превращаться в цветы.

В настоящей общине мужчина и женщина будут существовать в глубокой синхронности. Все общины прошлого были обречены на смерть, потому что они зависели только от мужчин; они совершенно не обращали внимания на женщин. Ни одна женщина никогда не была способна создать общину, потому что она не стремилась к звездам.

Община означает стремление, страсть, огромную страсть к росту, огромное желание исследовать. Ни одна женщина не сможет найти оснований, побуждающих заложить фундамент общины. Мужчина всегда заинтересован в отдаленном, поэтому он становится изначальным источником общины, но ни один мужчина не способен растить корни.

В этом и заключалась проблема прошлого: женщина может растить корни, но она не заботится о цветах, а мужчина может создавать цветы, но не способен растить корни. Нужна глубокая синхронность, глубокая гармония. Именно это я стараюсь осуществить здесь.

Преследуемая идеей ублажить своими девушками посетителей на высшем уровне, предприимчивая мадам организовала трехэтажный публичный дом. На первом этаже она поместила бывших секретарш, отобранных в соответствии с их квалификацией; на втором этаже – бывших моделей, отобранных за красоту; и на третьем – бывших школьных учительниц, отобранных в соответствии с их интеллектом. Шло время, и мадам заметила, что почти все посетители ходят на третий этаж. Как-то она спросила, почему, и ответ на эту загадку наконец-то пришел от одного из постоянных посетителей.

«Ну, вы же знаете, какие эти школьные учительницы», – сказал веселый джентльмен, – «они будут заставлять вас делать это снова и снова, пока вы не сделаете правильно!»

И в этом и заключается настоящий раскрытый секрет: мои саньясинки действительно делают это очень хорошо, и они будут заставлять вас делать это снова и снова, пока вы не сделаете правильно!

На утро после рождественской вечеринки в конторе муж проснулся в страшном похмелье. «Я себя ужасно чувствую», – пожаловался он.

«Еще бы», – сказала жена. – «Ты выглядел настоящим идиотом прошлым вечером».

«Что я делал?»

«Ты начал ссориться со своим боссом, и он тебя уволил».

«Что ж, пусть идет ко всем чертям!»

«Именно это ты ему и сказал».

«Неужели?» – сказал он недоверчиво. – «Тогда – чтоб ему спать со старой козой!» («Then screw the old goat!»)

«Именно это я и сделала», – ответила она. «Ты в понедельник возвращаешься на работу».

Очень прагматично!

Сэм сказал своей жене Бэки, что из-за инфляции они должны уменьшить расходы – больше никаких ресторанов, театров, концертов и так далее. Бэки ворчливо ответила: «Но, Сэм, тебе нужно всего лишь научиться заниматься любовью, и мы сможем уволить нашего шофера!»

Мужчина живет в совершенно другом мире!

Мужчина вернулся с собрания и гордо показал галлон бурбона, который он выиграл, как обладатель самого большого члена среди всех присутствующих.

«Как!» – воскликнула она. – «Ты хочешь сказать, что ты выставлял себя напоказ перед всеми этими людьми?»

«Ровно настолько, чтобы выиграть, дорогая», – ответил он. – «Ровно настолько, чтобы выиграть!»

Последний вопрос:

Ошо, я начинала задавать тебе вопросы уже три или четыре раза. Каждый раз, когда я заканчивала письмо, я понимала, что все, что я написала – это вздор, и я выбрасывала его в корзину для бумаг. Тем не менее, я хочу, чтобы ты сказал, мне несколько слов, несмотря на то, что я редко вслушиваюсь в твои слова – просто слушаю, находясь рядом, с тобой.

С тех пор как я сюда приехала, я нахожусь в постоянном раздражении. Я чувствовала себя хорошо на западе и никогда не искала Мастера. Теперь я здесь, и у меня нет желания возвращаться. Что случилось со мной?

Аннлиз, с тобой случился я! Теперь нет пути назад, и даже если ты уйдешь, я уйду вместе с тобой. Я буду преследовать тебя везде! Я могу понять твое раздражение. В этом и заключается вся моя радость – раздражать людей! Раздраженный человек уже пойман.

Конечно, ты права в том, что тебе было хорошо на западе; теперь тебе не будет хорошо нигде, кроме как сейчас, здесь. Теперь ни запад, ни восток не помогут тебе. Ты попробовала нечто, чего никогда не пробовала раньше, и однажды попробовав что-то – какой-то алкоголь, какое-то ЛСД – ты никогда снова не станешь прежним человеком. Этот вкус останется в тебе, он будет преследовать тебя.

И то, что происходит здесь – это чистой воды ЛСД! Это не химический ЛСД, а алхимический – он чище самого лучшего химического ЛСД. Это настоящая сома! Именно это всегда происходит между Мастером и учеником.

Не надо вслушиваться в мои слова, Аннлиз, достаточно быть со мной, сонастроенным со мной, этого достаточно. Слова – это лишь способ сонастроить вас со мной и не позволить заснуть, чтобы вы оставались бодрствующими.

Ты говоришь:

Каждый раз, когда я заканчивала письмо, я понимала, что все, что я написала – это вздор...

Так и есть! Но не нужно его выбрасывать, иначе, зачем я здесь? Используйте меня, как корзину для бумаг, и что бы вы ни написали, со смыслом, без смысла... все это вздор – на сколько это касается меня, все это вздор. Поэтому вы можете отправлять их мне, и я сделаю из них что-нибудь безумное.

Собрав попрошайничеством неплохую сумму денег, нищий из Боури решил отдохнуть в лучшем питейном заведении Уолл Стрит.

Финансовый магнат, сидящий рядом с ним, явно ужаснулся виду и запаху представителя низов. Он был потрясен до такой степени, что сам повернулся к этому человеку и многозначительно произнес: «"Чистота залог

благочестия" - Джон Уэсли». (Джон Уэсли - церковный реформатор; был популярен в Англии тридцатых годов). Его слова не произвели никакого эффекта.

Спустя несколько минут, финансист опять громко произнес:

«"Чистота залог благочестия" - Джон Уэсли». И снова его игнорировали.

В конце концов, явно раздраженный финансист закричал человеку в лицо: «"Чистота залог благочестия" - Джон Уэсли!!!»

Обитатель трущоб спокойно ответил: «"Ерш тебе в задницу!" - Теннеси Уильямс».

Вы можете спрашивать меня о любых нелепых вещах, и я буду говорить вам еще более нелепые вещи. В этом я эксперт, это единственная квалификация, на которую я могу претендовать! И чем меньше смысла в вопросе, тем больше он мне нравится, потому что за ним следует еще более бессмысленный ответ. Если вы спрашиваете о чем-то безумном, это означает, что вы просите чего-то безумного, и я буду последним, кто от этого проиграет!

Аннлиз...

Мужчина пошел в ресторан и заказал завтрак. Когда официантка принесла ему кофе, он заметил, что ее большой палец опущен в чашку. Когда принесли яичницу-болтунью, он опять заметил ее палец в яичнице. Это было уже слишком, и он сказал:

«Леди, я ничего не сказал вам, когда увидел ваш палец в своем кофе, но сейчас я увидел ваш палец и в своей яичнице».

«Видите ли», - сказала официантка, - «У меня болит большой палец из-за артрита в суставе, и доктор посоветовал мне держать его в чем-нибудь теплом, чтобы облегчить боль».

Посетитель разозлился и сказал: «А вы не пробовали засунуть его себе в задницу?»

«О, я так и делаю, я так и делаю», - ответила официантка, - «но только тогда, когда я на кухне!»

ГЛАВА 6

Я ВОСПЕВАЮ ОБЫКНОВЕННОЕ
(6 марта 1981 года, утро)

Первый вопрос:

Ошо, я получил все ученые степени, которые может дать университет. Почему же я все же невежествен?

Доктор Притам Сингх, знание не обладает способностью рассеивать невежество. Знание - это ложный феномен; это вовсе не мудрость, оно противоположно мудрости.

Знание заимствовано, мудрость является расцветом вашей внутренней сущности. Вы можете одолжить искусственный цветок, но если вы хотите иметь настоящие розы, тогда вы должны взрастить их внутри вашей сущности. Этого не может дать ни один университет, этого не может дать ни одно священное писание, этого не способно дать никакое обучение. Все это бесплодные усилия, но они продолжают обманывать миллионы людей в течение тысячелетий. Да, они могут сделать вас эрудированным. Но быть эрудированным это одно, а знать - совсем другое.

Слепой может обладать знаниями о свете, но он ничего не знает о свете, он не испытал его. Он может собрать разного рода информацию о свете, он может спорить, философствовать, систематизировать, он может писать великие трактаты о свете, но он не испытал радости света, он не видел ни единого лучика света. Он не видел радуги, красок цветов, крыльев бабочек.

Он не видел зеленых деревьев, он не видел звезд, солнца, луны. Он лишен всего этого. А то, что он собрал, просто-напросто хлам.

Лучше быть невежественным и иметь глаза, чем много знать о свете, но быть слепым.

Но университеты существуют именно для этой цели. Ни одно общество не хочет, чтобы вы стали мудрыми: это противоречит целям всех обществ. Если люди мудры, их нельзя эксплуатировать. Если они разумны, их нельзя поработить, их нельзя принудить к механической жизни, заставить жить жизнью роботов. Они будут защищать себя – они будут отстаивать свою индивидуальность. У них будет аромат восстания; они захотят жить свободными.

Свобода приходит с мудростью, она ей присуща. Они неразделимы, и ни одно общество не хочет, чтобы люди были свободными. Коммунистическое общество, фашистское общество, капиталистическое общество, индуизм, мусульмане, христиане – ни одно общество не желает, чтобы его люди использовали свой интеллект, поскольку с того момента, как они начинают использовать свой интеллект, они становятся опасными – опасными для государственного строя, опасными для людей, находящихся у власти, опасными для любого рода собственности; опасными для любого рода подавления, эксплуатации, угнетения; опасными для церквей, опасными для государств, опасными для наций.

Фактически, мудрый человек – огненный, живой, охваченный пламенем. Он скорее умрет, чем будет поработан. Смерть немного для него значит, но он не может продавать свою жизнь всевозможным глупостям, всевозможным глупцам. Он не может служить им. Поэтому эти общества веками предлагали вам ложное знание. Именно в этом состоит истинная функция ваших школ, колледжей, университетов.

Помните, они служат не вам, они служат прошлому, они служат «государственным интересам». Разумеется, они возносят ваше это все выше и выше, они присуждают вам все новые и новые степени. Ваше имя становится все длиннее и длиннее; но только имя – вы становитесь все короче и короче. Наступает момент, когда остаются только дипломы, а человек исчезает. Сначала человек несет свои дипломы, а затем дипломы несут человека. Человек давно умер.

Доктор Притам Сингх, нельзя стать мудрым, обучаясь в университетах. Мудрость требует совершенно другого подхода, диаметрально противоположного подхода. Знание идет от ума, мудрость это состояние, не связанное с умом. Знание создает бутылку вокруг гуся – красивую бутылку, очень красиво раскрашенную, но это всего-навсего бутылка.

И внутри не может быть настоящего живого гуся. Внутри бутылки вы либо обнаружите фаршированного гуся – вот что вы, ученые, собой представляете – фаршированные помидоры, картофель, вы фаршированы всяким хламом – либо внутри окажется нарисованный гусь. Снаружи он будет выглядеть красивым, но на самом деле вы несете только бутылку.

А бутылка становится все тяжелее, поскольку знание имеет свой способ накопления – оно постоянно самовоспроизводится. Знание совсем не верит в контроль рождаемости. Если вы знаете что-то одно, это приведет вас к другому знанию, так как при каждом ответе на вопрос возникает десять новых вопросов. Затем случается то же самое: вы получаете ответы на десять вопросов, а для вас уже готовы сто вопросов. Знание постоянно расширяется. Оно становится все большим и большим, а вы теряетесь в нем.

Вы спрашиваете меня:

Почему же я все же невежествен?

Вот почему вы невежественны: вы еще не избавились от иллюзии знания, иллюзии разума.

Выйдите из ума. Ум – это та бутылка, о которой я говорю. В тот момент, когда вы отбросите ум... а ум это только ваша идея; он нереален, он

вымышлен, это только фантазия. Он сделан из того же материала, что и сны. Вы можете просто выйти из него.

И это нужный момент, доктор Притам Сингх, потому что великое прозрение заключается в том, чтобы осознать: «Почему я все же невежествен, хотя я обладаю всеми учеными степенями университета?» Согласитесь с тем фактом, что все эти годы приобретения знания были выброшены впустую. Избавьтесь от этого! И в тот момент, когда вы выйдете из ума, вы выйдете из бутылки. Видите?.. гусь снаружи! И вся свобода неба, вся свобода прозрения...

Только вчера я читал: Что означает степень? У меня их четыре: B.A., M.A., Ph.D., L.L.D. Сложите их все вместе, и вы получите: RAMAPHDLLD (БАМАФДээЛэдДэ)!

A young man at college named Breeze, Weighed down by M.A.s and LL.Ds Collapsed from the strain Said his doctor, «T'is plain You are killing yourself by degrees!»

(Молодой студент по имени Бриз, Обремененный степенями M.A. и LL.D От напряжения получил коллапс – Его врач сказал: «Все ясно – вы убиваете себя степенями!»)

Весьма взволнованный профессор, будущий отец, жаждущий сына, ходит взад и вперед по приемной родильного дома. Наконец из родильного отделения вышла акушерка и сказала ему:

"Все закончилось, доктор Джонс. Мои поздравления!"

Все еще в совершенной панике, он спросил: «Так я отец или мать?»

Вот что означает БАМАФДээЛэдДэ.

Профессорская чета, проживающая в сельской местности, получила приглашение от местного помещика на костюмированный бал. Они решили нарядиться коровой, так чтобы муж шел впереди, а жена позади. Бал давался в усадьбе у помещика; чтобы добраться до нее, нужно было пересечь несколько полей, и они решили, что это можно будет сделать прямо в костюме. Только они пересекли половину первого поля, как муж, шедший впереди, сказал своей жене:

«Не пугайся, дорогая, но я вижу быка, и он на нас смотрит».

Они продолжали двигаться, а бык продолжал смотреть, Затем бык начал бить копытом землю и с недвусмысленным видом направился к ним.

«Он атакует нас, дорогая, он атакует!» – сказал муж.

«Что же нам делать?» – завопила жена.

Муж ответил: «Я наклонюсь и начну есть траву – а ты лучше соберись с силами!»

Во время своего первого визита в Соединенные Штаты молодой британский профессор по наивности попытался найти жилье в «районе красных фонарей». Как бы то ни было, его деньги были не менее зелены, чем его вид, и мадам с радостью предложила ему комнату для ночлега. Когда на следующий день во время ланча его друг спросил у него о том, как он разместился, молодой британец ответил:

«Знаешь ли, номер очень посредственный, но, Бог мой, какое обслуживание горничных!»

Так называемые образованные, обученные, знающие люди продолжают жить в своем вымышленном мире. Они совсем не заботятся о реальности – они потеряли связь с реальным. А именно реальность превращает вашу жизнь в радость, блаженство.

Слово «Бог» не есть Бог, а слово «любовь» вовсе не представляет собой любовь. Поэтому несчастные люди, которые продолжают думать о слове «Бог» или о слове «любовь», просто теряют большие возможности. Возможно, они знают, что есть Бог, возможно, им известна тайна любви, но слово скрывает правду, слово закрывает их глаза. Глаза знающих людей так покрыты пеленой теорий, теологии, догм, убеждений, что они не могут видеть. Они не

прозрачны. А мудрость это прозрачность, безоблачное видение – не затуманенное никакими мыслями, не затуманенное никакой пылью.

Человек должен очищать себя каждое мгновение, поскольку пыль имеет тенденцию собираться на зеркале в каждое мгновение. Это естественный процесс. Пока вы здесь сидите, зеркало у вас в ванной комнате собирает пыль. Даже ночью, когда ничего не происходит – даже двери и окна ванной закрыты – тем не менее, какая-то пыль все же оседает на зеркале, поскольку частицы пыли присутствуют в самом воздухе. Каждый день с утра вы должны очищать зеркало.

Человек должен быть даже более внимателен к своему внутреннему уму, внутреннему зеркалу, внутренней способности к отражению. Каждое мгновение вы должны очищать себя от пыли. Я лучше выражу это следующим образом: каждое мгновение саньясин должен умирать для прошлого и возрождаться заново. Тогда он останется прозрачным, тогда его зеркало останется чистым. Тогда ничто не будет заслонять перспективу. Тогда он не будет ни христианином, ни индуистом, ни мусульманином, ни буддистом. Тогда он будет зеркалом, просто зеркалом, отражающим – отражающим все, что есть, внутри и снаружи. Из этого отражения рождается мудрость.

Мудрость – это цветение вашей прозрачности, вашего сияния, вашего светящегося существа. Вот чем мы здесь занимаемся. Фактически, функция Мастера заключается в том, чтобы исправить то, что с вами сделало общество. Она направлена против университета, против школы, против колледжа, поскольку она заключается не в том, чтобы вложить в вас знания, а в том, чтобы дать вам нечто совершенно отличное, принадлежащее другому измерению. Она должна запустить в вас процесс цепной реакции, который поможет вам выбраться из так называемых священных писаний, слов, теорий, чтобы вы могли стать просто обыкновенным человеком. Вы можете просто стать тем, кто вы есть на самом деле, без каких-либо претензий.

Я воспеваю обыкновенность сознания. Я не учу вас здесь, как стать сверхчеловеком. Фридрих Ницше сошел с ума на почве идеи сверхчеловека. И так же в Индии – Шри Ауробиндо, вся его жизнь вскармливала индийское это идеей сверхчеловека, сверхразума, сверхъестественного.

Вся эта эзотерическая чепуха легла на человека таким тяжким бременем, что ее нужно сжечь целиком – меньшее не поможет. Нужен огонь, чтобы смогло стореть все то, что горит, и только то, что останется есть ваша истинная сущность.

Я не эзотерист, я не оккультист, я не проповедую учение о другом мире, о сверхъестественном, о сверхчеловеке, Я просто воспеваю саму обыкновенность каждого человеческого существа, обыкновенность не только человеческих существ, но и животных, деревьев, рек, скал – саму обыкновенность божественности. Для меня близость к Богу и обыкновенность эквивалентны, синонимичны.

Если бы от меня это зависело, я бы отбросил слово «Бог», поскольку оно стало действительно богохульственным. Лишь чистая обыкновенность... и прожить ее в каждое мгновение, радуясь, танцуя, празднуя. Тогда расцветает мудрость. Тогда приходит весна, и трава растет сама по себе.

Последний вопрос:

Ошо, твое сострадание к Индии вызывает в ответ гнев и осуждение. Ежедневно индийские газеты и журналы заполнены третьесортной критикой, направленной против тебя. Тем не менее, ты продолжаешь разрушать эту прогнившую культуру. В чем здесь дело? Неужели Индия заслуживает такого сострадания?

Чайтанья Кирти, это происходит потому, что я говорю нечто, о чем Индия полностью забыла. Это причиняет боль. Индия забыла истину. В течение тысячелетий она жила в затуманенном состоянии ума – и не только, она также оказалась весьма привязанной к этому затуманенному состоянию, по той простой причине, что ей больше не за что зацепиться. Это единственная опора ее эго.

В течение двадцати двух столетий Индия находилась в политическом рабстве. Страна, прожившая двадцать два столетия в рабстве, не может иметь никакого источника для утверждения своего эго в политическом мире. Она не может похвастать завоевателями мира, подобными Александру Великому.

В течение пяти тысяч лет Индия в значительной мере жила суевериями. Священнослужители господствовали в Индии, как ни в какой другой стране, а это самый коварный в мире народ. Из-за их эксплуатации, подавления, из-за того, что они в течение пяти тысяч лет отравляли индийскую душу, Индия оказалась неспособной найти путь к истине. Они стояли как Китайская Стена на пути к истине.

Для духовенства это был вопрос жизни и смерти. Либо истина, либо священник – они не могут выжить вместе, их сосуществование невозможно. Если побеждает истина, исчезает священник. Поэтому истине не дают победить, чтобы священнослужитель мог продолжать господствовать. Ни одна другая страна не была в такой зависимости от священников, как Индия. В течение пяти тысяч лет духовного рабства...

Нет ничего, на что могло бы опираться эго нации – ни науки, ни технического развития, ни богатства, ни политической свободы, ни демократии. Посмотрите на эту проблему. Проблема заключается в том... Но нация должна иметь какую-то опору, поскольку нация не является истинной реальностью, запомните; она нуждается в опоре.

Индивидуум может существовать без своего эго, поскольку индивидуум является реальностью, а реальность не требует наличия эго. Но нация, раса, церковь, государство – они не могут существовать без эго. Без эго они развалятся. Именно эго функционирует как ложный центр и соединяет их вместе. Следовательно, Будда может существовать без эго, а буддисты не могут. Кришна может существовать без эго, а индуисты не могут. Всегда помните об этом: ложная сущность требует и ложного центра, иначе она исчезнет.

Индия как страна, как нация, как раса, чрезвычайно нуждалась в том, чтобы каким-либо образом создать такой ложный центр. При этом не было доступно никакой обычной альтернативы – денег, технологий, науки, политической власти – поэтому единственно возможным было духовное стремление, другой мир. А это легко, потому что в этом случае вы имеете дело с невидимыми вещами. Вы не можете ни доказать, ни опровергнуть их. Очень легко жить в надежде на другой мир. Но кто пробудит эту надежду? Тогда вы должны попасть в зависимость от коварных священников, браминов – они стали посредниками. Они начали говорить о другом мире. Они даже дали вам карты другого мира; у них нет карты мира, этого мира... если вы спросите у них, где находится Тимбукту, они, возможно, и не ответят, но они вам в подробностях расскажут о небесах – и даже о семи небесах, о семиэтажных небесах. Они могут рассказать вам о каждой подробности, все до мельчайших деталей о семи преисподних. В этом нет проблемы; это религиозный вымысел.

Индусы верят в семь адвов. Джайны верят в три ада и три небесные сферы. А во времена Махавиры жил один человек; должно быть, это был очень красивый человек – его имя Санджайя Вилетипутта. Он сказал: «Все это чепуха. Существует семьсот адвов и семьсот небес!» Но люди говорили: «Махавира говорит, что только три, а индусы говорят, что только семь». Санджайя Вилетипутта ответил: «Это потому, что они не пошли дальше, я же обследовал всю территорию».

Однажды ко мне пришел последователь Радасвами. Они верят в четырнадцать небес, в четырнадцать стадий рая. Разумеется, основатель их религии достиг четырнадцатой стадии. Другие находятся где-то на лестнице: Рама, Кришна и Будда – где-то на седьмой ступени; Иисус, Мухаммед и Заратустра – где-то на шестой; Нанак, Кабир и Мира – где-то на пятой... и так далее и тому подобное, каждый в соответствии со своими потребностями, и каждый в соответствии со своими возможностями.

Он принес мне всю карту. Он хотел получить мое одобрение: что я о ней думаю и что я о ней скажу – верна она, или нет.

Я сказал: «Она абсолютно верна».

Он был немного шокирован, так как люди не советовали ему идти ко мне, потому что я могу его расстроить. А я сказал: «Она абсолютно верна. Я знаю. Ваш гуру достиг четырнадцатого уровня – я его там видел».

Он сказал: «Что вы имеете в виду?»

Я ответил: «Я сам на пятнадцатом, и он все время пристает ко мне, чтобы я вытащил его с четырнадцатого!»

Он был потрясен, он очень разозлился. Но если существует четырнадцатый уровень, почему же не может быть пятнадцатого? Никто не может этого доказать, но никто не может и опровергнуть.

Я слышал:

В Нью-Йорке один лавочник продавал невидимые шпильки для волос. И, конечно, женщин это чрезвычайно привлекало – невидимые шпильки!

Одна из женщин заглянула в коробку... Конечно, когда шпильки невидимы, вы не можете их увидеть – коробка казалась пустой. Она спросила: «Они действительно там есть?»

Лавочник ответил; «Они должны быть там. Никто никогда их не видел. Однако мы продаем их в течение нескольких месяцев, и они идут нарасхват».

Если что-то невидимо, вы можете бесконечно продавать это; в этом нет проблемы.

Индия продает миру невидимые товары. Видимых товаров здесь нет. Естественно, люди сердятся на меня, потому что я настаиваю, что товары должны быть видимыми, потому что я говорю о том, что они несут пустую коробку, что в их бутылке нет гуся. И в течение пяти тысячелетий они делают такой хороший бизнес – а я разрушаю само его основание.

Чайтанья Кирти, то, что они сердятся на меня, естественно. Но гнев просто говорит о страхе, всегда помни: гнев это страх вверх ногами. За гневом всегда прячется страх; страх – это противоположная сторона гнева. Когда вы испуганы, единственный способ спрятать свой страх – это рассердиться, поскольку страх выдаст вас. Гнев создаст вокруг вас занавес; вы можете за него спрятаться. Индийский ум действительно начинает бояться меня. И не только индийский ум, но и все другие умы в мире, которые занимаются тем же бизнесом по производству невидимых товаров. Они пугаются.

Когда они злятся на меня, это значит, что я попал в точку. Я радуюсь этому! Они изображали любовь, сострадание, симпатию, понимание, а я показываю саму их суть. Не зная, что они делают, они подчиняются моим желаниям. Они в моих руках. Тот, кто злится на меня, попадает в мою ловушку. Он попал в смерч, который преследует и подхватывает все на своем пути. Рано или поздно этот человек сам сбросит одежду и останется обнаженным под солнечными лучами. Именно это и происходит. Когда люди злятся, они показывают, что они действительно разоблачены.

А единственный способ защиты – агрессия. Они защищают себя: но они могут сделать это только если будут нападать. И злость просто показывает их слабость.

Однажды я слышал прекрасную историю, старинное предание:

Один человек приехал в Китай. Когда он въехал в страну – это, должно быть, очень старая история – прямо на границе он увидел толпу. Двое людей почти готовы были убить друг друга. Они кричали, прыгали, гневно жестикулировали, держа в руках обнаженные мечи. Но ничего не происходило, как будто это был фильм, как будто это была игра. Он даже не мог заметить никакого гнева у них на лице. Их глаза были спокойны, их лица были расслаблены. Они выглядели очень центрированными и уравновешенными. Но

для чего же эти крики, мечи и прыжки? Никто не бьет, никто не разнимает. Толпа просто стоит и наблюдает за происходящим.

Через некоторое время человек устал наблюдать, ему стало немного скучно. Человеку нужно возбуждение, что-то должно происходить. И тогда один человек разозлился, его лицо покраснело, глаза загорелись. И толпа рассеялась! Борьба была закончена.

Человек не мог этому поверить, он не мог понять, что же произошло. «Что происходит? Я не вижу в этом последовательности. Они были готовы убить друг друга - и один из них действительно разозлился, потерял спокойствие - почему же рассеялась толпа?»

В толпе ему сказали:

«Они оба даосы, последователи Лао-Цзы, и это критерий школ Дао: в тот момент, когда человек начинает злиться, он побежден. Нет необходимости в поединке, потому что он показал свою слабость, он показал свой страх. Этого уже достаточно! Его злость показывает, что он трус. Тогда дело исчерпано, другой человек победил, он сильнейший, потому что он сохранил спокойствие. Его невозможно было вывести из себя. Он остался собранным».

Чайтанья Кирти, я знаю, что происходит в Индии: тысячи людей выступают против меня. Они потеряли свое так называемое спокойствие, которое было ложным, потому что только ложное спокойствие может быть потеряно. Вся их идея терпимости, вся их идея принятия других, принятия другого мнения, потеряна. Одного человека, который никогда не выходит из своей комнаты, достаточно, чтобы создать беспорядок по всей стране.

Но это значительное явление. Это показывает, что все эти пять тысяч лет мнимой духовности не принесли Индии ничего хорошего. Именно это я и хотел показать всему миру. Они подчеркивают мою позицию. Я придерживаюсь мнения, а они подтверждают его. Они поддерживают меня!

Один человек сказал, что меня нужно подвергнуть шоковой терапии, лечению электрошоком. Это и есть настоящая индийская культура. Другой человек сказал, что меня надо немедленно выслать из страны. Это и есть терпимость, принятие различных точек зрения. Еще один человек предложил бросить меня в Арабское море, даже не в Индийский океан, потому что я могу отравить его, а в Арабское море. Это ненасильственная страна, страна пророков и мудрецов, святых, махатм... и всевозможных дураков.

Заглянув в окно спальни, индийские частные детективы увидели жену своего клиента в постели с другим мужчиной.

«Именно это я и предполагал», - сказал один из них, - «пойдем за ним». «Прекрасная идея», - ответил другой. - «Интересно, когда его убьют?»

Странствующий индийский гуру, Его Святейшество Свами Екэлэмэнанда Парамаханса, основатель Монастыря Святого Коровьего Помета в Майами Бич, усталый и томимый жаждой, приехал на ферму и попросил у фермера напиться.

«Не хотите ли вы каплю эля, почтенный?» - спросил фермер.

Гуру побледнел:

«Нет, брат мой, я дал обет. Ни одна капля этого дьявольского напитка не коснется моих губ. стакан вашего хорошего свежего молока спасет меня».

Шутки ради фермер плеснул рому в стакан молока. Он дал стакан гуру, который выпил молоко с удовольствием, облизал губы, поднял глаза к небу и сказал:

«О, Господи! Вот это корова!»

Джоан, прекрасно сложенная секретарша, считая, что время отпуска - время загара, проводила почти весь день на крыше бомбейского отеля «Тадж Махал», подставляя себя теплым солнечным лучам. В первый день она надела купальник, но потом решила, что все равно ее никто не увидит, и стала загорать без него. Только она улеглась, как услышала, что кто-то бежит по лестнице. Она лежала на животе, поэтому она ограничилась тем, что натянула на себя полотенце.

«Извините, мисс», – сказал взволнованный помощник управляющего отелем, – «мы не возражаем, чтобы вы загорали на крыше отеля, но мы были бы очень признательны, если бы вы надели купальник, как вчера».

«Но какая разница?» – спокойно спросила Джоан. – «Никто меня здесь не видит, и, кроме того, я прикрылась полотенцем».

«Я знаю, я знаю», – ответил сконфуженно помощник управляющего, – «но пока вы не оденетесь, обед не сможет начаться. Губернатор Бомбея даёт большой обед всем уважаемым людям города».

Женщина не могла понять, «Но в чем же дело?» – сказала она. – «Почему не может начаться обед? Причем здесь мой купальник?»

«Вы правы, мадам», – сказал смущенно маленький индеец. – «Но вы лежите прямо на стеклянной крыше ресторана!»

Как же может начаться обед? Все индийцы будут смотреть на небо – они всегда смотрят на небо. Такой вид! Они не могут упустить этого. Но они будут притворяться, они будут стоять на коленях, со сложенными руками смотреть на Бога. Они не будут прямо смотреть на крышу, они не будут говорить, что им нравится эта сцена, они будут долго молиться, так долго, что совершенно забудут об ужине. И каждый будет притворяться, что он не смотрит на обнаженную женщину, лежащую на крыше.

Это страна притворщиков, и я причиняю им боль. И я хочу этого, потому что это единственный способ удалить гной из их многовековых ран. Они действительно злы на меня, они обвиняют меня. Это показывает, что я на верном пути. Они не могут не обращать на меня внимания. Им приходится быть или со мной, или против меня, – и то и другое я приветствую – но я хочу, чтобы это было решительным явлением.

Даже если со мной всего несколько интеллигентных людей, а они со мной, – мы сможем преобразовать эту стгнившую насквозь культуру и дать ей новую жизнь. Для этого нужно сострадание. Пять тысяч лет духовного, политического, экономического рабства...

Чайтанья Кирти, какая же еще нужна причина, чтобы сочувствовать этой культуре?

Но они не согласятся на перемены легко. Перемены тяжелы, они идут вразрез с вашим характером, с вашими привычками, с вашим наследием. А у Индии большое наследие. Они погибают из-за прошлого, у них есть только прошлое.

Помните одно: у ребенка есть только будущее, у него нет прошлого. Поэтому ребенок никогда не мыслит в терминах ностальгии. У него за плечами ничего нет. Он так свеж, что у него нет воспоминаний. Молодой человек живет настоящим. Настоящее прекрасно, в прошлом было только детство, самое большее – подготовка. Молодые не беспокоятся о будущем – человек начинают думать о нем, когда настоящее ускользает у него из рук.

Старый человек думает только о прошлом, у него нет будущего. Есть только смерть, его ждет темная ночь. Он хочет избежать этого. Единственный выход – повернуться спиной к

к же может начаться обед
дас

будущему и смотреть в прошлое, молодой же
остается в настоящем.

То же самое и с культурой. Когда культура нова, она смотрит в будущее. У нее громадное стремление к звездам, она растет, расширяется. Когда культура остается действительно молодой, – что случается очень редко, на самом деле такого еще не случилось – она остается в настоящем. А когда культура стареет, то начинает мыслить в категориях прошлого, ностальгии, золотого века, которого больше не существует.

Молодость сама по себе – новый феномен. В прошлом ребенок проходил путь от детства до старости, молодость вообще не была жизненным этапом. В бедных странах такое существует до сих пор. Вы можете найти племена аборигенов в бедных странах, где дети шести лет, пяти лет работают как старики. Семь, восемь лет, и они уже обременены заботами. У них нет шанса

на молодость. Поэтому в прошлом не было промежутка между поколениями. Это произошло впервые, в первый раз мы можем позволить себе это. Это прерогатива богатого общества, это явление требует определенного достатка, только тогда появляется промежуток между поколениями.

Старик и ребенок смотрят друг на друга – между ними нет разрыва. Ребенок смотрит в будущее, старик смотрит в прошлое. Поэтому вы всегда видите большую дружбу между детьми и стариками. Они смотрят друг на друга. Так было всегда – старики и дети жили вместе. Разрыва не существовало.

Молодой человек – это новый феномен в этом мире. Он не ребенок и не старик. Он первый идет по тонкому ладу. Он пытается жить сейчас, здесь. Да, некоторые люди в прошлом жили в этом состоянии молодости, но это всего лишь люди, а не культуры. Теперь стало возможным даже для культуры жить в настоящем. Потребуется множество людей, чтобы подготовить почву для культур, живущих в настоящем.

Индийская концепция времени покажет вам многое. Она говорит, что лучшая эпоха уже прошла, что была первая эпоха, золотой век: он называется Сатья Юга, эпоха истины. Это доисторическое время. В то время жизнь была наиболее прекрасна, это было золотой вершиной. Время ходило на четырех ногах, все было очень стабильно. Тогда начался спад.

Индийская концепция времени противоречит Дарвину; она ненаучна, совершенно негуманна. Тогда начался спад – время регрессии, не эволюции, не прогресса – все пришло в упадок. Время осталось на трех ногах. Все стало смутным, неуравновешенным, это называется Трета, «треножье». Затем стало еще хуже: у времени осталось всего две ноги, все стало еще сложнее. Это называется Двапар, «двуногое время». А теперь наступил четвертый и последний, самый осуждаемый этап, который называется Кали Юга. Теперь исчезли все три ноги. Время стоит только на одной ноге, готовое в любой момент упасть, потерять равновесие. Лишь одна нога, и эта нога уже в могиле.

Это очень темное и мрачное видение. Это видение старой, древней, прогнившей страны. Индии нужно переродиться, ей нужно новое детство. Она будет защищать свои идеи, потому что она к ним привыкла. Это ее единственное богатство! Поэтому, когда я отбрасываю эти идеи, я кажусь врагом. Друг кажется врагом, а враги принимаются за друзей. Но это естественно, это закономерно. Это можно понять.

Однажды могильщик, поглощенный работой, выкопал такую глубокую яму, что не смог из нее выбраться. Наступили сумерки, стало холодно, и его, без того затруднительное положение, еще более ухудшилось. Он начал звать на помощь и, в конце концов, привлек внимание проходившего мимо пьяницы.

«Помоги мне!» – взмолился могильщик. – «Я замерз!»

Пьяный усталился в открытую могилу и, наконец, заметил в темноте дрожащего землекопа.

«Ничего удивительного, приятель, что ты замерз», – сказал он добродушно, сталкивая вниз комья рыхлой земли, – «эти бездельники тебя даже не закопали!»

Если вы спросите что-нибудь у пьяного, то увидите, что у него своя логика. Он видит реальность через свое опьянение.

Индийцы злятся, потому что они привыкли, что их все постоянно хвалят. Никто никогда их не критиковал. Никто никогда им не говорил: «Вы проживаете смерть, а не жизнь. Вы увядаете и умираете. Вы потеряли пыл, огонь, вкус к тотальной, подлинной жизни».

Их прославляли. Их бесцветность преподносилась в ореоле божественного. Их осуждающие жизнь концепции были возвышены до великих духовных откровений. Их истерики называли опытом самеди. Их безумие уважалось, как будто на них снизошло нечто из запредельного. Их тарабарщина считалась эзотерической, люди продолжают находить в ней смысл.

Глупцов прославляли, мазохистов принимали за аскетов, садисты считались великими святыми. Всевозможные извращения считались признаками духовности. Теперь разоблачение тысячелетней лжи довольно рискованно.

Но я хочу рискнуть, потому что мне нечего терять – гусь снаружи! Мне нечего терять. Самое большее, они могут убить меня, но это им не поможет. Даже моя смерть будет им огромной помощью. Она может вышибить их из этой чепухи. Она может вывести их из ступора, прервать их сон.

Поэтому, Чаитанья Кирти, я собираюсь продолжать. Меня будут критиковать. Их критику вызывает в основном мой подход, утверждающий жизнь. Они исповедовали жизнеотрицающую философию. Они выступают против всего, что доставляет вам радость, они репрессивны, насильственны, они кипят внутри, но скрывают это. Никто не хочет показать свою наготу. А когда ваш покров так прославляется, и не только в Индии, но и во всем мире...

В мире столько глупцов, что каждый индиец может найти себе учеников. Это совершенно не проблема. Достаточно просто быть индийцем, и вы уже гуру. Я видел подобные вещи своими глазами.

Одна из моих учениц, Нирмала Шривастава, стала сейчас великим духовным лидером. Теперь у нее длинное имя: Ее Святейшество Джагатджанани – «Мать всего мира» – Матаджи Нирмаладжи Шриваставаджи.

Однажды она путешествовала со мной в автомобиле, и мы проезжали ашрам Муктананды. Люди из ашрама пригласили меня зайти на несколько минут, просто на чашку чая. Позади было долгое путешествие, и я сказал: «Это не повредит». В любом случае, я люблю чай! И я остановился на пять минут.

Нирмала увидела Муктананду. Она не могла поверить, что этот глупо выглядящий человек, отвратительный, похожий на шута, стал духовным лидером.

После чая, когда мы вернулись в машину, она сказала: «Если этот человек стал духовным лидером, то почему не могу я?»

Я ответил: «Ты можешь». И она так и сделала.

Сейчас здесь есть один человек из Австралии, он спросил меня о ней – потому что сейчас она в Австралии, делает большую духовную работу. Он спросил меня: «Время от времени вы говорите об одной женщине, Рабие Эль-Адавия. Что вы думаете о Матаджи Нирмала Девиджи? Она из той же категории, что и Рабие Эль-Адавия?» Этот человек здесь.

Я очень хорошо ее знаю – на протяжении десяти лет она была моей ученицей. В этом ничего нет, ни духовности, ни медитации... но она поняла идею Муктананды. А этот случай не единственный.

Вы, должно быть, слышали имя великого йога в Америке, Йоги Баджана. Он был носильщиком в делийском аэропорту. Он увидел Муктананду в окружении семисот американцев... Конечно, в то время его звали Сардар Харбаджан Сингх; он был бедным носильщиком, но, конечно, он выглядел гораздо лучше Муктананды, более представительно. И ему в голову пришла мысль: «Если этот глупец может быть парамахамсой, сатгуру и так далее и тому подобное, то почему я должен терять время, оставаясь носильщиком?» Он бросил эту работу и уехал в Америку, а теперь он величайший духовный лидер Сикхской иерархии в Западном полушарии.

Всего несколько дней назад он приезжал со своими учениками в Дели. Один из его боссов, мой большой поклонник, проходил мимо. Он увидел его, сидящего со своими учениками на лужайке отеля «Тадж Махал». Он не смог его узнать, так он изменился. Он подумал: «Вот великий махатма».

Но Йоги Баджан в этом смысле совершенно простой – человек, намного проще, чем Муктананда или Нирмала Деви. Он послал своего ученика к боссу, чтобы тот сказал ему: «Приходите ко мне. Мне надо с вами поговорить».

Босс не мог понять, почему великий йоги зовет его, он пришел в волнение, в трепет. Он вошел в комнату, и Йоги Баджан пришел и сказал: «Босс, разве вы меня не узнаете? Я ведь Сардар Харбаджан Сингх, ваш носильщик. Неужели вы совершенно забыли меня?»

Только тогда он узнал его. Он сказал: «Но что произошло? Ты стал таким великим йоги, у тебя столько учеников!»

И тогда он все рассказал ему... что все произошло благодаря Муктананде. Все произошло из-за него!

Индийцы не могут легко избавиться от этого хлама, потому что это единственное, что они могут предложить миру. Они не могут от него избавиться. Он воняет! Но продаётся. В мире миллионы людей, которые жаждут этого, и они не знают, куда идти. Индия стала их надеждой... и их будут использовать.

Они злятся на меня, все гуру Индии злятся на меня, потому что я не принадлежу к их традиции. Я здесь не для того, чтобы кого-либо использовать, я здесь не для того, чтобы навязывать вам какую-то доктрину: индийская культура, индийская религия, и вся эта ерунда. Я здесь только для того, чтобы помочь вам освободиться от христианства, индуизма, джайнизма, буддизма. Я здесь, чтобы помочь вам быть собой, просто быть самим собой.

Мои саньясины - это не последователи, это просто мои друзья. Я люблю их, они любят меня, но у нас нет иерархии. Я не святее, чем вы, я не выше, чем вы. Это идет вразрез с индийскими «капиталовложениями». Они неизбежно будут выступать против меня.

Чайтанья Кирти, я утверждаю жизнь, а они всегда ее отрицали.

Встретив на улице свою подругу Вималу, Нирмала заметила, что та беременна.

«Ты знаешь», - сказала Нирмала, - «я бы отдала все, чтобы иметь ребенка. Но я думаю, это безнадежно».

«Я знаю, что ты чувствуешь», - сказала Вимала. - «Мой муж думал так же, но теперь все хорошо. На самом деле я уже на восьмом месяце».

«Что же ты сделала?»

«Я пошла к Свами Екэлэмнанде».

«О, мы уже у него были» - ответила Нирмала. - «Мы с мужем ходили туда на протяжении шести месяцев».

«Не будь душой!» - сказала Вимала. - «Иди одна!»

И они приводят различные доводы против меня. Они очень аргументированы. На протяжении веков они не делали ничего, только спорили. Но их доводы не помогут им, потому что я не исповедую никакой философии, иначе они смогли бы опровергнуть меня. Я исповедую существование, и они растеряны.

Если бы это был философский спор, не было бы проблем. Индия знала множество философий. Будда выступал против Вед, и не было никаких проблем. Махавира выступал против Упанишад, и не было проблем. Шанкара выступал против Будды и Махавиры, и проблем не существовало. Рамануджа спорил с Шанкарой; проблем не было. Это общепринятый факт, если вы спорите о философском предмете, никто не беспокоится, потому что это просто сотрясение воздуха; это ничего в жизни не меняет.

Я не говорю о философии. Я не философ, я совершенно экзистенциален. Это и создает им трудности. Им очень сложно решить, как справиться со мной, решить, что со мной делать. Отсюда, и злость, обвинения, и третьесортная критика. Они просто показывают себя. Эта третьесортная критика, которую они выдвигают против меня, просто показывает их реальность.

Они показывают свою наготу, свое уродство. А это служит моим целям.

Продавцы недвижимости в Бомбее ведут жизнь, совершенно не обремененную простыми прозаическими фактами. Один джентльмен, показывая собственность потенциальному покупателю, богатому человеку, совершенно отпустил тормоза. Он закончил свою речь словами:

«Вы знаете, что здесь самый лучший климат в стране? Вы знаете - никто никогда не умирает здесь».

И тотчас же на улице появилась похоронная процессия, медленно прошла мимо и исчезла. Агент на минуту растерялся, но быстро нашелся. Сняв шляпу, он сказал: «Бедный старый владделец похоронного бюро, умер с голоду».

Индийцы умны в спорах. Если бы я спорил, они привели бы мне тысячу и один довод. Но я не спорю, я просто указываю на луну. Мой палец – это не аргумент, это просто указатель. Не цепляйтесь за мой палец, смотрите на луну. И сейчас пришло время, чтобы увидеть луну.

Ты спрашиваешь меня, Чаитанья Кирти:

...Тем не менее, ты продолжаешь разрушать эту сгнившую культуру...

Я буду продолжать это делать. Она настолько сгнила, что есть надежда избавиться от нее, нужен лишь небольшой толчок. Я и собираюсь это сделать И ты спрашиваешь:

В чем тут дело?

Это дело таких людей как я. Это всегда было делом таких людей как я.

Суд в Афинах сказал Сократу: «Если ты перестанешь говорить об истине, мы освободим тебя. Тебя не будут казнить». Сократ отказался, и слова его были прекрасны. Он сказал: «Это мое дело. Я не могу перестать говорить об истине. Так же как я дышу, я говорю истину. Это мое призвание».

Я хочу продолжить. Мои удары будут становиться все сильнее и сильнее, потому что мне нужно выносить на поверхность все больше и больше мусора. Я буду бить в глубину. Это хирургические удары – многие сгнившие части этой проклятой богом страны должны быть удалены. Ей нужно именно это. Лекарства не помогут, здесь нужна операция. А я готовлю операционный стол...

Это будет большим приключением. Но даже если пациент умрет, в этом не будет вреда. Тогда останется пространство, будет меньше народу. В любом случае, пациент уже мертв. Эта страна живет в посмертном времени. Он давно умер: в тот день, когда появилась идея упадка, идея о том, что золотой век подошел к концу, что мы все глубже и глубже погружаемся во тьму и в ад, эта страна потеряла качества жизни. С тех самых пор она ведет посмертное существование.

Я пытаюсь дать этой стране настоящую смерть, чтобы стало возможно настоящее рождение. Воскресение возможно только после распятия. Другого пути нет. Смерть – это возможность для жизни вернуться, поэтому не бойтесь смерти! На самом деле, жизнь и смерть это не противоположности, они не противоречат друг другу. Они подобны двум крыльям, они помогают друг другу, они взаимодополняют.

Я учу вас жить тотально, я учу вас умирать тотально. Тотальность должна стать вкусом действительно религиозного человека. И когда я говорю «действительно религиозный человек», я не имею в виду ничего сверхъестественного, ничего возвышенного или святого – я просто имею в виду невинную жизнь, обыкновенную жизнь. Я воспеваю обыкновенное, я прославляю обыкновенное, я поклоняюсь обыкновенному.

ГЛАВА 7

ТОЛЬКО ОДНОВРЕМЯ: СЕЙЧАС
(7 марта 1981 года, утро)

Первый вопрос:

Ошо, я слышал, ты говорил, что не надо ни о чем просить в молитвах. Тогда почему же Иисус говорит нам: «Когда вы молитесь, говорите: Дай нам

наш хлеб насущный. Прости нам наши грехи. Не введи нас в искушение, а спаси от зла?» Иисус также сам говорил: «Отец мой, если это возможно, пусть минет меня чаша сия, не по моему, а по твоему желанию». Пожалуйста, объясните.

Дхьян Прабодх, у религии длинная история. Много в ней – наследие прошлого. Настоящая религия, существенная религия стала возможной только сейчас, потому что человек достиг определенного возраста. В прошлом человечество было очень незрелым, не подобным ребенку, помните это, а незрелым. И оно должно было быть таким; это было необходимо, неизбежно. Я не сожалею об этом, я просто констатирую факт, что когда вы думаете о религии, вы не должны использовать категории прошлого, иначе вы утратите верную ориентацию. Мыслите категориями настоящего.

Думая о Теории Относительности, вы не привносите в нее Ньютона. Вы знаете, что он сделал большой вклад в развитие науки, но эти дни миновали. Мы благодарны ему за все, что он сделал, за все, что он смог сделать, но с приходом Альберта Эйнштейна его время закончилось. Он останется всего лишь сноской в истории научного роста.

То же самое и с религией. Когда вы летите в космическом корабле на луну, вы не поклоняетесь человеку, который изобрел воловью повозку – хотя внес безмерный вклад, потому что без нее не было бы и космического корабля. Вы даже не помните его имени. И пока вы находитесь в космическом корабле, лучше вообще забыть о воловьих повозках. Это вам не поможет; их устройство устарело.

Но когда дело касается религии, мы не так рациональны – здесь преобладают эмоции. Когда дело касается религии, мы мыслим не так научно, в религии мы очень нелогичны, суеверны.

Религия прошла через две фазы. Первая фаза это молитвы, это и есть эпоха воловьих повозок религии. Вторая фаза – медитация, это космический век религии. Это два совершенно разных измерения. Их источники различны, они по-разному действуют, вся суть их различна. И не надо их смешивать.

В мире очень много путаницы, поэтому позвольте мне это объяснить. И будьте очень терпеливы, потому что мы сильно обусловлены религиями молитв. Их груз очень тяжел; каждое человеческое существоотягощено этой громадной тяжестью. И задача Мастера становится все сложнее и сложнее, потому что дело не только в том, чтобы помочь вам медитировать, до этого вы от многого должны отказаться, нужно избавиться от множества мусора, от множества грязи. Все прошлое должно быть разрушено, только тогда вы сможете раскрыть крылья существенной, зрелой, взрослой религии.

Молитва означает страх, поэтому все старые религии ориентированы на страх. Их Бог это не что иное, как порождение их страхов; это не открытие, это игра воображения, это проекция. Они полны страха, им нужен культ отца, который защищал бы их от всевозможных страхов. В жизни тысячи страхов: тревога, боль, проблемы, неразрешимые головоломки, непреодолимые пропасти – человек окружен великой тьмой. Ему нужна защищающая длань, ему нужна защита, безопасность.

Каждого ребенка воспитывают родители. На него очень влияет его первый опыт жизни, связанный с родителями, потому что он защищен, утешен, все его желания исполняются, ему не нужно тревожиться, у него нет ответственности, о нем заботятся. Но так не может продолжаться вечно. Рано или поздно ему придется самому встать на ноги.

В тот момент, когда это происходит, в нем появляется страх: кто теперь будет его защищать? Кто же теперь будет его утешать? А проблем с каждым днем становятся все больше и больше. Жизнь постепенно приближается к смерти, которая становится величайшей проблемой. Смерть вызывает огромную тревогу.

Каждый ребенок начинает возвращаться назад, он стремится снова вернуться к состоянию ребенка, потому что ему кажется, что это был

единственный период жизни, когда у него вообще не было проблем. Это шаг назад.

Этот шаг назад преподносился как молитва; это не молитва. Тогда человек падает на колени и начинает молиться Богу...

Не случайно все религии называют Бога «Отцом». Да, некоторые религии называют Бога «Матерью» – это то же самое. В матриархальных обществах Бог является Матерью, в патриархальных – Отцом. Но одно определено: Бог должен быть высшим родителем.

Каждое сообщество, общество, цивилизация изобретает своего собственного Бога; они говорят: «Бог создал человека по своему образу и подобию». Это совершенно неверно – это человек создал Бога по своему образу и подобию. И из-за того, что в мире столько разных людей, существует столько образов Бога.

Но этот образ – вашего собственного производства, вы молитесь собственной выдумке. Молитва это действительно самый большой абсурд из всех возможных. Вы как будто молитесь перед зеркалом, видя свое собственное лицо, преклоняя колени перед своим собственным образом, прося милости, и в зеркале нет ничего, кроме вашего отражения. Все молитвы... молитва как таковая принадлежит детству, это движение вспять.

Это причинит вам боль, но я ничего не могу сделать. Я должен обо всем говорить так, как есть на самом деле.

Прабодх, ты спрашиваешь меня:

Я слышал, как ты говоришь, что в молитвах не, следует ни о чем просить.

На самом деле, в тот момент, когда ты перестанешь просить, ты перестанешь молиться. Это очень простой метод – мне иногда приходится некоторое время ходить вокруг да около, чтобы не причинить тебе слишком сильную боль.

Я не вижу, чтобы был какой-нибудь Бог, который создал мир. Я испытал опыт божественности в существовании, но это качество, а не личность. Это больше похоже на любовь, молчание, радость, чем на человека. Вы никогда не сможете встретить Бога и сказать ему «привет, как у тебя дела?» или «я искал тебя тысячи лет, где ты пропал?»

Бог это не личность, это лишь присутствие. А когда я говорю «присутствие», будьте очень внимательны, потому что вы постоянно воспринимаете то, что я говорю, согласно своей обусловленности. Вы можете превратить даже «присутствие» во что-то объективное и снова попадете в ту же самую ловушку. Бог это присутствие в глубине вашего существа, это ваше собственное присутствие. Это не встреча с кем-то другим.

Мартин Бубер, один из величайших иудейских мыслителей этого века, написал, что молитва – это диалог между «я» и «ты». Этого «ты» не существует, поэтому диалог невозможен. Все молитвы это монологи. А из-за того, что нет «ты», не существует также и «я», они могут существовать только вместе, они не могут существовать по отдельности. Можете ли вы представить себе существование «я» без «ты»? «Ты» необходимо для того, чтобы определить границы «я».

Но Мартин Бубер в некотором смысле прав – он дал определение всему прошлому религии. Он сам обременен прошлым, он так и не смог освободиться от своей еврейской обусловленности. Он остался заключенным в клетку, он остался евреем – милым, прекрасным человеком, обладающим огромными интеллектуальными способностями, но все равно в оковах.

Иудейская концепция «я» и «ты» это образец, лежащий в основе молитвы. Без «я» вы не можете молиться, потому что молиться будет некому. Без «ты» вы не можете молиться, потому что кому вы будете молиться? А если вы ни о чем не просите, тогда о чем вы молитесь? Молитва означает просьбу; это требование, как бы оно ни было замаскировано, как бы оно ни было тщательно спрятано под прекрасными масками и одеяниями. Это просьба: вы требуете, вы говорите: «Дай мне то! Дай мне это!»

Поэтому, когда я говорю, что Бога не существует, помните: в действительности я считаю, что достаточно самого по себе существования. Ему не нужен творец. Есть творчество, но нет творца. Разделение между творцом и творчеством должно быть уничтожено, только тогда вы сможете достигнуть вершин медитации. Иначе вы сохраните привязанность к детским образам прошлого, преклоняя колени перед образами в храмах, синагогах, церквях, совершая разные глупости. Эти глупости совершают тысячи других людей, поэтому вы не осознаете, что это глупости. Когда вы окружены толпой, когда с вами большинство, вы чувствуете себя в безопасности. Вы чувствуете неуверенность только тогда, когда остаетесь в одиночестве.

Медитация это опыт одиночества. Только очень смелые люди могут войти в это измерение. Молитва это стадное явление, это часть коллективного ума. Конечно, когда вы в толпе, в вас появляется уверенность. Это заразительно, потому что столько людей не могут ошибаться. Но я хочу вам сказать: всегда получается так, что толпа права, Лишь изредка появляется человек, который оказывается прав, потому что истина это вершина, это пик, подобный Эвересту. Вы не можете подняться на Эверест толпой, там недостаточно места. Только один человек может находиться на высочайшей вершине - в одиночестве.

Медитация - это опыт полного одиночества, предельного одиночества. Молитва существует для толпы, это психология толпы. Поэтому религии индуизма, христианства, иудаизма, ислама - все они остались религиями молитвы. Даже две религии, которые пытались стать религиями медитации - буддизм и джайнизм - потерпели поражение; эти две религии пытались стать религиями медитации. Это удалось только Будде и Махавире, двум индивидуальностям. Но как только они умерли, их религии стали двигаться к старому, регрессивному образцу, они превратились в религии молитвы.

Теперь джайны молятся Махавире. Это еще хуже, потому что христиане могут получить от Иисуса некоторую поддержку, а джайны не получают поддержки от Махавиры. Буддисты, миллионы Буддистов, молятся перед статуей Будды. Это смешно, невероятно, потому что последние слова Будды были: «Будьте светом самому себе». И очень странно, что статуи Будды появились в мире первыми, в храмах впервые установили именно его статуи.

Существуют храмы Будды с тысячами статуй. Один храм в Китае называется Храм Десяти Тысяч Будд - десять тысяч статуй Будды в одном храме. Если бы Будда вернулся, он стал бы рвать на себе волосы, он совершил бы самоубийство.

Первое, что надо запомнить, Прабодх: я верю в оргазмическую вселенную. Не существует таких разделений как создатель и создание, высший и низший, святой и порочный. Я верю в единый организм.

Существование не должно рассматриваться в категориях художника и его картины, потому что в тот момент, когда работа закончена, художник и картина становятся двумя отдельными сущностями. О существовании следует думать лишь как о танцоре и танце. Вы не можете разделить их, танцор и танец - это одно целое. В момент кульминации танцор растворяется в танце - танцора нет, есть только танец.

Это и есть опыт медитации: когда вы растворяетесь в существовании, когда росинка вливается в океан и становится океаном. Верно также и обратное: океан вливается в росинку и становится росинкой. Они не могут восприниматься как две отдельные сущности.

Поэтому, когда я говорю, что Бог - это не присутствие, я имею в виду, что он не нечто вне вас - не личность и не присутствие в понимании объективного языка. Когда я говорю, что Бог это присутствие, я просто имею в виду, что Бог это внутренний центр вашего существа - этот молчаливый центр, это пространство, где никто другой не может проникнуть в вас, это личное, совершенно интимное, девственное пространство, это место у вас внутри и есть Бог.

Но слово «Бог» может создать для вас определенные проблемы. Слова очень опасны, потому что слова несут прошлое, они созданы прошлым, они обременены прошлым. Любое слово опасно, потому что его значение исходит

из прошлого. И для меня проблема в том, чтобы использовать слова, исходящие из прошлого – потому что других слов не существует – но придать им такой угол и ракурс, чтобы вы могли получить некоторый проблеск нового значения. Слова старые, мехи старые, но вино остается новым.

Пожилая женщина, гуляя с собакой, решила зайти в местный универмаг, и она привязала собаку к трубе. Как только она это сделала, все соседские собаки бросились обнюхивать беззащитное животное. Полицейский на углу, наблюдавший за происходящим, позвал женщину и сказал, что не стоит оставлять здесь собаку. Она спросила почему, и он ответил: "Леди, ваша собака волнуется (in beat)".

Она ответила: «Ест (eat)? Да она все ест».

Он настаивал: «Собака волнуется, потому что ей нужна случка» ("The dog should be bred")

Женщина ответила: "Хлеб (bread)? Она ест хлеб, пирожные, – что вы ей ни дадите, она съест".

В полном отчаянии, он сказал: "Ее нужно удовлетворить!" (англ.. "That dog should be laid!" может также значить "Ее нужно дрессировать").

Женщина посмотрела ему прямо в глаза и сказала: "Так сделайте это! Я всегда хотела иметь полицейскую собаку".

Слова действительно опасны... всегда существует опасность быть непонятым.

Прабодх, ты говоришь:

Я слышал, ты творил, что не надо ни о чем просить в молитвах.

На самом деле, это просто способ сделать так, чтобы вы не могли молиться. Если вам не о чем просить, зачем же вам молиться? Какой тогда в этом резон?

Даже такой человек, как Иисус во многом инфантилен. Но с этим ничего нельзя сделать: он принадлежит к эпохе воловьих повозок, он принадлежит к иудейской традиции. Он жил как иудей, он говорил как иудей, он умер как иудей. Весь ход его мыслей, взглядов, наблюдений был чисто иудейским.

Он не был мятежником, он не был им в истинном значении этого слова. Наоборот, он пытался доказать, что принадлежит к традиции, он пытался доказать, что он и есть тот человек, приход которого был предсказан древними пророками, что он пришел, чтобы исполнить все их предсказания. Это чистейшая чепуха! Никто не может предсказать чью-то жизнь, прошлое совершенно бессильно знать что-нибудь о будущем. Будущее всегда остается открытым. Если его можно предсказать, оно становится закрытым, это больше не будущее, если его можно предсказать, это уже прошлое. Вы уже отвергли его открытие, оно стало закрытым.

Он пытался убедить иудеев, что он и есть мессия, которого они ждали. Он во всем пытался оправдать их ожидания: совершая всевозможные чудеса, стараясь всеми способами утвердить свое положение. Это не путь революционера. Революционер просто отделяет себя от прошлого; у него нет ничего общего с прошлым.

И все же он старался остаться пророком в иудейском понимании. Пророк это религиозный человек с политическими устремлениями, а религию и политику нельзя смешивать. Если вы смешаете их, то у вас получится гоголь-моголь. Именно это пытался делать Иисус: с одной стороны, он старался быть религиозным, с другой стороны, он старался доказать, что он пророк, подобный пророкам древности. Это его политическое притязание в сочетании с религиозными устремлениями создало в нем большую путаницу. Он был совершенно сбит с толку.

Я не вижу в нем ясности, он не прозрачен, он очень туманен. Это видно в его собственных высказываниях. Он говорит: «Отец мой, если это возможно, пусть минет меня чаша сия...» Это его сокровенное желание. Иначе, зачем же ему говорить: «Отец мой, если это возможно, пусть минет

меня чаша сия, не потому что я этого хочу, а потому что ты этого хочешь?» Это противоречие, очевидное противоречие. Это не слова истинно сдавшегося человека. Истинно сдавшемуся человеку нечего сказать: что происходит, то происходит.

Откуда появляется это «если» – «если это возможно»? Это желание: «если это возможно, пожалуйста... но если ты не можешь это сделать, тогда я приму все, что бы ни произошло». Но в этом есть протест, противоречие. Его собственное желание в том, чтобы минула его чаша сия – чтобы его минули агония, распятие, смерть. На самом деле, глубоко внутри он надеялся на чудо, он ждал его. Он не очень отличался от толпы, собравшейся посмотреть на распятие. Он не очень отличался от раввинов, священников и правителей, которые хотели убить его, их философская подоплека была такой же.

Раввины и первосвященник Иерусалимского храма пытались доказать, что этот человек самозванец. Он пытался доказать: «Нет, я истинный мессия, и в последний момент вы увидите, что Бог сойдет, чтобы спасти своего единственного уроденного сына». Время шло: его распяли, он ждал чуда. Ничего не произошло, ожидания не оправдались. И в момент агонии он кричит: «Почему ты покинул меня?»

Но не существует того, к кому он взывает. Не существует того, кто покинул его. Это его собственная идея, это его собственная проекция, его собственная галлюцинация. У него просто истерика! Но он ждет до последнего момента. И когда он говорит: «Если это невозможно, то пусть свершится твоя воля», это сдача, но не истинная, он сдается с нежеланием; это просто способ сохранить лицо.

Ничего не происходит, все кончено. Толпа кричит и смеется, люди бросают камни, оскорбляют, ранят его, люди возвращаются домой разочарованными, потому что ничего не произошло, они убеждены, что он самозванец. Даже его собственные ученики сбежали, видя, что там опасно находиться. Если их поймут... если Иисуса не спас Бог, кто же спасет их? Бедные ребята – они сбежали. И это логично.

Иисус говорит: "Пусть свершится твоя воля", он просто делает последнюю попытку сохранить лицо. Это не жест сдавшегося человека. Можно ли сдаться собственной проекции?

Поэтому я не учу вас молитве, молитва это нечто диаметрально противоположное. Ее требования противоречивы: она требует от вас сдачи, и только тогда она будет исполнена. А когда вы сдались, что же останется исполнять? Если все еще существует то, что должно быть исполнено, то значит, вы не сдались. Я прошу вас увидеть это противоречие.

Молитва требует от вас чего-то невозможного. Вы можете попросить Бога о чем угодно, но сначала вам нужно полностью сдаться. А если вы полностью сдались, вам не о чем просить. Откуда же возникнет ваша просьба? Кто будет просить? А если вы все еще просите, вы не сдались, поэтому ваша молитва не может быть выполнена.

Вы видите всю простоту этого механизма? Молитва может быть исполнена, только если вы ни о чем не просите. Так что же выполнять? Ведь вы ни о чем не просили.

Я учу вас совершенно другому виду религиозности. Это медитация. Вы не должны поклоняться, вы не должны молиться, вам просто нужно проникнуть глубоко внутрь своего существа – путешествие самооткрытия. Дело не в том, чтобы открыть Бога. Почему вы преследуете Бога? Что он вам сделал? Простите его, забудьте о нем!

Первый и единственный вопрос, на который стоит найти ответ: «Кто я внутри этого механизма ум-тело? Что есть это сознание, это чудо сознания?» Это чудо осознания должно быть открыто. Вы должны очистить свое существо, как очищаете луковицу. Продолжайте чистить... Вы будете находить слой за слоем. И, наконец, когда все очистите, вы обнаружите в своих руках чистое ничто, пустоту, шуньяту. Это и есть центр, составляющий вашу сущность, центр циклона.

Удаляя луковую шелуху, вы удаляете бутылку, созданную вами, обществом, культурой, прошлым, традицией, и если вы удалили бутылку, – гусь снаружи.

Тогда вы безграничны, как сама вселенная, вечны, как само отсутствие времени.

Вы можете называть это божественностью – это и есть божественность. Это высшее, величайшее цветение существа. Но это не Бог где-то вне вас. Вы не можете молиться ему. Вы можете им быть, но вы не можете молиться ему, потому что он не отделен от вас.

Вы спрашиваете меня:

Тогда почему Иисус говорит нам: «Когда вы молитесь, говорите...»

Иисус никогда не говорил этого вам. Он говорил с другими людьми. Если Иисус придет к вам, помните одно: никакой возможности общения не будет. Между вами лежит пропасть в две тысячи лет. А вы знаете, что даже небольшое расстояние между вами и вашим отцом непреодолимо. Поговорите со своим отцом, и вы увидите, что проще говорить со стеной. То же самое чувствует и он: разговор с ребенком невозможен, кажется, что общение невозможно.

Две тысячи лет это большой промежуток. Если Иисус появится прямо сейчас, он вам покажется пигмеем. Вы не сможете понять, почему этому человеку поклонялись две тысячи лет... за что? Вы совершенно не сможете оценить его. Очень легко вы найдете в нем тысячу и один недостаток. Даже самые глупые из вас смогут увидеть: «Неужели это и есть тот человек, которому поклонялись в тысячах церквей, которому молились миллионы людей? Неужели это он?»

Но две тысячи лет непрерывного приукрашивания... а это и есть работа церкви, теологов, философов, священников – они продолжают обновлять его, как только могут, они продолжают накладывать новые слои краски. Если вы копнете чуть глубже, если вы приподнимете эти толстые слои краски, вы окажетесь в затруднительном положении. Когда вы откроете Иисуса, вы будете очень разочарованы. Вы обнаружите очень обыкновенного человека. Да, в те дни он был необыкновенным – потому что люди вокруг были еще более отсталыми, чем он.

Но теперь вы на две тысячи лет впереди его. То, как он говорит, и то, что он говорит, не обращено к тебе, Прабодах.

Ты говоришь:

Он говорит нам...

Нет, он не имеет ни малейшего понятия о вас. То, что я говорю, я говорю вам, но Иисус говорит, обращаясь к людям своего времени. Он не ваш современник, как же он может сказать что-то вам?

И это одна из тех проблем, с которыми я сталкиваюсь каждый день, потому что люди, которые приходят ко мне, живут пережитками Иисуса, или Будды, или Махавиры, или Кришны, или Заратустры. Это пережитки прошлого, а я современный человек! Я просто говорю с двадцатым веком, и не только с толпой людей двадцатого века, а с элитой двадцатого века, с людьми высочайшего разума. Поэтому трудно понять, о чем я говорю.

Вы живете тысячи лет назад. Очень редко можно найти современного человека. Кому-то тысяча лет, кому-то две тысячи, кому-то три тысячи... И чем они старше, тем более, по их мнению, они ценны. Индусы пытаются доказать, что их Веды – самое древнее писание, как будто в этом есть какая-то ценность. Старейшее писание просто означает, что вы не продвинулись с тех пор, что вы до сих пор несете их груз. Историки говорят, что священное писание индусов, Веды, насчитывает пять тысяч лет. Но индусы не готовы принять это – они говорят, что им, по меньшей мере, девять тысяч лет. Чем они старше, тем лучше.

То же самое верно и относительно других старых религий, как будто все, что старо, ценно. На самом деле, жизнь всегда нова, свежа, как роса ранним утром на листе лотоса, как глаза новорожденного ребенка, как песня птиц, которая звучит сейчас.

Жизнь знает только одно время – сейчас.

Иисус не говорил с вами, он не мог: он не имел о вас понятия, он не мог даже представить вас. Но он говорил со своим народом, и его народ жил с этими идеями. Он перефразировал иудейскую концепцию религии.

Он говорит: Дай нам наш хлеб насущный. Прости нам наши грехи. Не введи нас в искушение, но спаси от зла...

Для меня это полная чушь.

..Дай нам наш хлеб насущный...

В прошлом люди были очень бедны. Все прошлое – это непрекращающийся голод, болезни, потопа – всевозможные патологии. Это чудо, что человек как-то выжил.

В таких странах как Индия это происходит до сих пор. Поэтому вы видите, что происходит следующее: цвет западной молодежи все больше обращается к медитации, но восточные люди все больше обращаются к таким вещам, как христианство. Индийцам больше по душе Мать Тереза, чем я. Естественно, ведь им нужен хлеб. Если вы посмотрите на Индию, то увидите, что только бедные люди обращаются в христианство, ни один богач не становится христианином. Нищие, сироты, вдовы, аборигены, которые не могут позволить себе есть хотя бы раз в день – все они обращены в христианство. Это им подходит, потому что хлеб – это их проблема.

Иисус говорит: Дай нам наш хлеб насущный...

Мы должны создать его, никто нам его не даст. Это работа науки, у религии с этим нет ничего общего. Мы должны произвести разграничение: то, что может сделать наука, должна делать наука, а то, что может сделать технология, должно быть сделано технологией. Если ваша машина заглохла, и в ней закончился бензин, вы же не падаете на колени и не начинаете молиться: «Дай нам наш насущный бензин». Это было бы так же глупо, как и сама молитва. Вы знаете, что в этом случае вам надо искать заправочную станцию! Это не выход из положения – это не поможет.

Но священники все время пытались сделать так, чтобы религия доминировала в вашей жизни, начиная с хлеба, заканчивая Богом. Они бояться разделения, поэтому они против науки, против технологии.

Бертран Рассел прав, говоря: «Если все человечество сыто, подобные молитвы – «Дай нам наш хлеб насущный» – станут совершенно ненужными». В них совершенно не будет необходимости! И таким образом ваши церкви, ваши храмы, ваши священники начнут терять свою власть. Они захватили власть над человечеством просто потому, что не позволили науке и технике улучшить вашу судьбу.

В Индии Махатма Ганди выступал против науки, против крайне необходимой науки. Он был против железных дорог, телеграфа, почты, электричества. Он хотел, чтобы страна жила так же примитивно, как жили люди десять тысяч лет назад. Единственное, что он принимал как великое научное открытие – это колесо. А ему поклонялись как махатме.

По-моему, он совершил преступление намного большее, чем то, которое совершил Адольф Гитлер. Но это тонкое преступление. Вы не можете заметить этого за его религиозными выражениями: «Человек должен довериться Богу, зачем же ему верить науке?»

Я настаиваю на том, что жизнь это многомерное явление, поэтому мы должны делать очень ясные разграничения. О музыке должны заботиться музыканты, а не математики. Танцами должны заниматься танцоры, а не химики. Поэзией должны заниматься поэты, а не врачи. У науки свой вклад – это человеческое просвещение. Для этого не нужно молиться, мы можем создать рай на этой земле, но это будет невозможно до тех пор, пока мы не избавимся ото всей этой ерунды.

Но в этом всегда была стратегия священника. Он может эксплуатировать вас, только пока вы бедны, только если вы умираете с голоду, потому что когда вы бедны, когда вы умираете с голоду, когда вы несчастны, вы

неизбежно падаете к его ногам, потому что он посредник между Богом и вами. Вы не знаете, где живет Бог, на каком языке он говорит. Все это в компетенции священника. Он знает, что Бог говорит на санскрите, и он не позволяет вам выучить санскрит, потому что, если вы его выучите, он сам вам будет не нужен. Он знает, что Бог говорит на арамейском языке, на иврите, и он не позволит вам выучить арамейский язык и иврит. Если вы выучите эти языки, он будет разоблачен, потому что ни в арамейском, ни в иврите, ни в санскрите нет ничего, что имело бы малейшую ценность.

Но если вы не знаете этих языков, вы остаетесь невежественным; и он продолжает претендовать на мудрость. Он может управлять вами – слепец ведет слепых. Его власть зависит от вас, и он стал очень коварен. Века эксплуатации дали ему великое умение, ловкость в искусстве использования вас.

Зигмунд Штайнберг, широко известный поставщик женских перчаток, однажды совершил неожиданный визит к раввину своего храма. Этому достойному господину было более чем приятно увидеть своего сказочно богатого прихожанина, который более чем компенсировал пожертвованиями недостаток религиозного пыла и усердия. На этот раз путешествие в храм имело чисто религиозные мотивы, хотя и несколько необычные.

«Раввин», – сказал Штайнберг после обычных любезностей, – «я пришел сюда, чтобы поговорить о том, кто ближе и дороже всех для меня. Моему дорогому, моему любимому, моему трехкратному чемпиону, моему маленькому пуделю в наступающий Тиша Б'Ав исполняется тринадцать лет, и вы должны обрезать его».

Раввин был совершенно потрясен. «Но, мой дорогой мистер Штайнберг, это невозможно. В истории иудейской религии такого никогда не было. Будет скандал. Храм станет посмешищем. Мои прихожане отвернуться от меня, Сестринская община будет распущена. Кампания по строительству будет остановлена. А собрание директоров оторвет мне голову».

Штайнберг остался бесстрастен. Не моргнув глазом, он снова обратился к раввину: «По этому случаю я жертвую храму сумму в пять тысяч долларов наличными».

«Мистер Штайнберг», – просиял раввин, – «почему же вы не сказали мне с самого начала, что ваш пудель еврей?»

Эти люди стали действительно коварными. Все их усилия направлены на попытки сохранить власть, а самое важное, чтобы сохранить власть, чтобы оставаться богатыми, чтобы продолжать доминировать, это держать человечество в страданиях. Это простая стратегия, любой, у кого есть глаза, может увидеть ее. Просто подумайте о мире, где люди счастливы, экстатичны, где люди живут настоящим моментом с песней, с танцем... Долго ли продержаться ваши религии? Сколько ваших храмов, церквей или синагог выживут? Они начнут испаряться как дым.

Как только исчезнут ваши страдания, ваши так называемые религии тоже исчезнут. Они действительно опиум для народа, они держали вас в тонком бессознательном состоянии. Они давали вам большие надежды. Эти надежды не что иное, как наркотики, которые намного опаснее, чем настоящие наркотики. Они опьянили все человечество.

Иисус говорит: Дай нам наш хлеб насущный. Прости нам наши грехи.

Какие грехи? Но вся религия существовала с идеей грехов.

В чем был грех Адама и Евы? В том, что они ослушались. Неповиновение – это не грех, это часть роста. Каждый ребенок не повинуется родителям, рано или поздно это происходит, и чем раньше, тем лучше, потому что жизнь коротка. Вы не должны терять времени. Человек должен научиться решительно говорить нет, только тогда возникнет возможность сказать да. Не умея

говорить нет, никто не может сказать да. Неповиновение – это почва, на которой расцветает настоящее повиновение.

А если кто-то и несет ответственность за грех, то это Бог, а не бедный змей – этот величайший благодетель человечества, первый истинный мессия, потому что он соблазнил Адама и Еву и посоветовал им не повиноваться. Он был первым Мастером. Без него не было бы ни человечества, ни Иисуса, ни Будды, ни Конфуция, ни Лао-цзы. Вся заслуга принадлежит бедняге змею. А причиной всего греха был сам Бог – он все запрещал...

Эдемский сад был большим садом. В нем было всего два особенных дерева; он боялся, что Адам и Ева съедят их плоды. Одно было дерево познания, а другое – дерево жизни. Но почему Бог должен бояться, что они будут знать и жить?

Вы можете увидеть всю стратегию священника. Он боится двух вещей: знания и жизни. Он мешает вам знать, и сам остается знающим, он мешает вам жить, чтобы вы всегда падали на колени, моля: «Дай нам наш хлеб насущный». Он не позволяет вам жить тотально, интенсивно. Он мешает вам всеми возможными способами, он калечит вас, он парализует вас. Все это начинается в Эдемском саду.

Похоже, Бог был первым священником. Почему он должен бояться, что они будут знать? На самом деле он должен благословлять их, он должен был сказать Адаму и Еве: «Первое, что вы должны сделать – это пойти к тем двум деревьям, они самые ценные. Познайте – познайте жизнь во всей ее полноте, познайте ее тайны, исследуйте ее. Идите от известного к неизвестному – совершите это долгое паломничество. Ничто не должно остаться непознанным. Вы должны стать частью всей тайны вселенной». Таким должен был быть его первый совет, если бы он был любящим, сострадающим.

И он должен был им сказать: «Живите, и живите страстно, живите тотально! Живите интенсивно, экстатично! Вы не должны пропустить эти два дерева».

Если бы я был на его месте, я бы дал такой совет: «Живите под этими двумя деревьями. Вы можете наслаждаться и другими деревьями, если хотите, но не забывайте этих двух деревьев». Вместо того чтобы сказать им это, Бог говорит: «Не ешьте плоды с дерева знаний». Почему? Боится ли он, что если Адам и Ева обретут знание, то они станут равными ему? А может, он боится, что Адам и Ева станут Буддами, пробужденными?

Помните, что знание приходит с медитацией. Дерево познания – это дерево медитации, и Бог запрещает медитацию. Знание приходит, когда вы входите в глубину своего существа; когда вы достигаете самой сердцевины, возникает знание. Вы начинаете наполняться внутренним светом.

То же самое происходит и с жизнью: чем больше вы знаете, тем более вы живы; чем более вы живы, тем больше вы знаете. Они идут вместе, рука об руку. Знание и жизнь это две стороны одной монеты; и то и другое происходит с медитирующим. Но религия, основанная на страхе, боится и того и другого.

В этом и заключается все мое учение: знайте и живите. Живите без страха, знайте без колебания.

Кажется, змей был совершенно прав, когда он говорит Адаму и Еве: «Бог боится. Если вы вкусите плод с этих деревьев, вы станете подобными богам, тогда не будет преимуществ, вы будете равны Богу. А если вы вкусите плод с дерева жизни, то станете бессмертными, как бессмертные боги. И Бог боится. Он хочет держать вас в подчинении».

Так кто же совершил грех? Кто совершил грех – Бог или Адам и Ева? Но Иисус мыслит категориями стгнившего прошлого. Он все еще думает, что грех совершил человек.

Я не вижу... что бы вы ни сделали, это естественно. Какие вы совершаете грехи? Инстинкты, по которым вы живете, были даны вам природой. Ваш секс это подарок природы, удовольствие от приема питательной пищи – часть вашей природы. Вы хотите жить красиво, вы хотите жить с удобствами. Вы хотите, чтобы вокруг вашего дома рос прекрасный

сад, чтобы у вас был бассейн с теплой водой. Вы хотели бы любить мужчину или женщину. Я не вижу в этом никаких грехов. Вы не совершаете никакого греха, вы просто следуете своей природе, своим спонтанным стремлениям.

Но религии осуждают вас, совершенно осуждают вас. Они осуждают все, что естественно, и таким образом они создают в вас огромное чувство вины. Все ваше сердце наполнено виной. Эта вина толкает вас назад, она не позволяет вам прожить нечто тотально. Она не позволяет вам достичь кульминации в танце. Она не позволяет вам петь, кричать и радоваться. Она подавляет вас.

Я не могу поддерживать подобные идеи.

Иисус говорит: Не введи нас в искушение....

О каком искушении он говорит? Какие искушения? Жизнь так проста! Но вы можете вешать на вещи ярлыки, и тогда они действительно станут искушениями.

Например, я родился в джайнской семье – к сожалению, но я ничего не могу с этим сделать. Человек должен выбирать то или иное несчастное состояние. До восемнадцати лет я не пробовал помидоров, потому что все джайны абсолютные вегетарианцы, а помидор напоминает мясо по цвету – только цвет! В нем ничего нег, но для джайнов достаточно и цвета. Помидоры в моем доме не покупались, я не пробовал их.

Когда мне исполнилось восемнадцать, я пошел на пикник со своими друзьями, индуистами. Я был единственным джайном, все они были индуистами. До того времени я также никогда не ел ночью – джайны не едят ночью, это величайший грех, потому что ночью в вашу еду может упасть комар, может заползти какое-нибудь насекомое, и вы можете случайно съесть что-то живое. Это повергает вас в ад. Поэтому есть надо при свете дня. Ночью нельзя даже пить воду, потому что в темноте – кто знает? – совершенно случайно, без вашего сознательного вмешательства, кто-то может быть убит.

Таким образом, я не ел по ночам и не пробовал помидоров до восемнадцати лет. Это было большое искушение. Я видел помидоры на рынке, и они действительно были искушением – такие медитативные, такие центрированные, такие укорененные. Картошка также запрещена в джайнских семьях, потому что она растет под землей, а все, что растет в темноте, опасно, потому что приносит тьму в вашу душу.

Когда я приехал на этот пикник, все мои друзья так наслаждались красотой гор и замков, что никто не побеспокоился приготовить пищу. А я всегда был ленивым – я не могу готовить. Я могу сделать многое другое... но я не могу готовить, я не могу даже заварить себе чай. Поэтому я был вынужден ждать, пока они сделают это.

Я был голоден – путешествие, дорога и свежий горный воздух. Я чувствовал голод, приближалась ночь, я также чувствовал и страх: «Что будет? Если они будут готовить ночью, то мне придется ложиться спать, не поев». От этих мыслей у меня сводило желудок.

Тогда они начали готовить ужин. Величайшее искушение: помидоры, картофель, прекрасный запах еды. На какое-то мгновение я решил: «Лучше проспать одну ночь без еды, – человек от этого не умрет – чем потом гореть в адском огне из-за нескольких помидоров и картофеля».

Но голод усилился. И ко мне начали приходиться новые мысли: если все мои друзья попадут в ад, что же я буду делать на небесах? Лучше быть в аду с друзьями, чем в раю с этими глупыми джайнскими святыми. В конце концов, в аду можно приготовить помидоры, картофель, можно хорошо поесть, там достаточно огня. Даже я смогу там готовить!

А они пытались убедить меня: «Здесь больше никого нет, а мы не скажем твоей семье. Никто никогда не узнает, что ты ел ночью, что ты ел помидоры или картофель».

Неохотно, не без колебаний, я согласился. Но ночью я не смог заснуть до тех пор, пока меня не тошнило. Никого больше не тошнило, – все спали и храпели – тошнило только меня. Это была моя психология, я страдал от

мысли, что совершил грех. Меня рвало не от помидоров, а от моего подхода. И в тот день я понял, совершенно ясно понял, что можно прожить жизнь тотально, только отбросив все подходы. Иначе ваша жизнь будет частична, а жить частично значит не жить вообще.

Я не могу поддержать такую молитву.

Иисус говорит: Не введи нас в искушение...

Определенно одно: Иисус сам чувствует искушение, иначе, зачем же ему говорить такие слова? Он чувствует, что Бог вводит его в искушение. А если это делает Бог, то почему бы не сдаться? Тогда настоящей молитвой должна быть такая: «Введи нас в настоящее искушение. Когда ты ведешь нас, к чему делать это лишь наполовину? Если ты решил нас вести, делай это до конца!»

Он уже в искушении; его молитва – полное признание этого. А это естественно – он был таким же человеком, как и вы. И у него были естественные симпатии и антипатии. Он должен был что-то любить, ему что-то нравилось. Но он боится, прошлое давит на него.

Не введи нас в искушение, защити нас от зла.

Зла не существует, поэтому нет необходимости просить защиты от чего-нибудь. Единственное, что существует – это состояние бессознательности, незнания. Я бы не назвал это злом, это определенная ситуация, вызов, приключение. Существование – это не зло, существование – это возможность роста. И, конечно, возможность роста реальна, только если вас окружают тысячи искушений, если вас зовут неизвестные стремления, если в вас возникает громадное желание познания... А единственное, что может помешать вам – это ваша бессознательность, неосознанность. Это тоже великий вызов – победить это.

Станьте более сознательным, станьте более осознанным, станьте более живым. Позвольте течь всем своим сокам. Не сдерживайте себя. Уважайте свою природу, любите себя и не беспокойтесь о неважных вещах. Без страха продвигайтесь в толщу жизни, исследуйте ее. Да, вы совершите множество ошибок – ну так что же? Человек учится, только совершая ошибки. Да, у вас их будет много – ну и что? Только совершая ошибки, человек находит правильный выход. Перед тем, как постучаться в нужную дверь, человек стучится в тысячи неверных дверей. Это часть игры.

Мистер и миссис Голдберг, отказывая себе во всем, копили деньги, чтобы их старший сын смог закончить колледж. В конце концов, набрав нужную сумму, они послали его в хорошее учебное заведение. Они посадили его на поезд и со слезами распрощались. Несколько месяцев спустя он вернулся домой на рождественские каникулы. Родители очень обрадовались, что Сэмми вернулся.

Его мама сказала ему: «Ах, Сэмела, так хорошо, что ты приехал».

«Мама», – ответил он, – «не называй меня Сэмелой. В конце концов, я теперь взрослый мужчина, и я хочу, чтобы ты звала меня Самуэль».

Она извинилась и спросила: «Надеюсь, ты ел только кошерную пищу?»

«Мама, мы живем в настоящем – смешно держаться за старые традиции. Я ел любую пищу, кошерную и не кошерную, и поверь мне, было бы лучше, если бы и ты поступала бы также».

«Ну скажи мне тогда, ходил ли ты в храм, чтобы вознести благодарственную молитву время от времени?»

Сын ответил: «Неужели ты в самом деле считаешь, что ходить в синагогу, если большинство твоих друзей не евреи, правильно? Если честно, мама, требовать этого от меня было бы жестоко».

На это миссис Голдберг, сдерживая гнев, сказала сыну: «Скажи мне, Самуэль, а ты все еще обрезан?»

Прошлое окружает вас. Это тюремное заключение. Если вы иудей, или христианин, или индуист, или джайн, или буддист, вы в действительности не человек. Вы мертвы, вы – труп, обрезанный или нет.

Человек становится действительно живым только тогда, когда он совершенно свободен от прошлого. Жить настоящим – единственный способ жить.

Прабодх, эти молитвы не что иное, как проекции и желания людей, ориентированных на страх. Я учу вас любви, а не страху.

На всех языках мира религиозного человека называют богобоязненным. Это уродливое определение, от него надо избавиться. Для религиозного человека невозможно быть богобоязненным, потому что у него не может быть страха. Религиозный человек просто живет в любви, а не в страхе.

Это молитва исходит из страха:

Дай нам наш хлеб насущный. Прости нам наши грехи. Не введи нас в искушение, но сохрани нас от зла.

Отбросьте все это. Будьте немного живее, будьте немного современнее.

Генри отправился на свою первую охоту. Когда он снова появился в конторе, его партнер Моррис горел нетерпением услышать его рассказ. Генри сказал ему:

«Я отправился в лес с провожатым. Ты знаешь меня, две минуты в лесу, и я могу заблудиться. Я иду очень тихо, и вдруг передо мной появляется самый большой медведь, которого я когда-либо видел. Я разворачиваюсь и бегу так быстро, как только могу, а медведь бежит еще быстрее. И лишь когда я почувствовал у себя на шее его дыхание, он поскользнулся и упал. Я перепрыгнул через ручей и продолжал бежать, но я задыхался и был уверен, что медведь догоняет меня. Он почти догнал меня, но снова поскользнулся и упал. Я все бежал и бежал, и неожиданно очутился на поляне. Медведь бежал так быстро, как только мог, и я знал, что у меня нет шанса спастись. Я увидел других охотников и стал звать на помощь, и тогда медведь снова поскользнулся и упал. Мой спутник смог взять его на мушку и пристрелить».

Моррис сказал: «Генри, да это целая история. Ты очень смелый человек. Если бы такое случилось со мной, я бы наделал в штаны».

Генри посмотрел на него и пожал плечами: «Моррис, как ты думаешь, на чем поскользнулся медведь?»

Человек живет в страхе – пришло время положить этому конец. Человечество нуждается в новом рассвете, в совершенно новом взгляде.

Иисус говорит, что Бог есть любовь. Я бы сказал, что любовь есть Бог. Когда вы говорите, что Бог есть любовь, то получается, что любовь его единственное качество, но у него может быть и много других качеств: мудрость, справедливость и так далее. Для меня, любовь это Бог, божественность это одно из качеств любви. Нет другого Бога, кроме аромата любви. Но этот аромат может появиться только в глубокой медитации, не в молитве. Молитва пахнет страхом.

Я прекрасно знаю, что все сказанное против Иисуса, или Будды, или Кришны причиняет вам боль, но я ничего не могу сделать. Если это причиняет боль, это причиняет боль. А вместо того, чтобы злиться на мои слова, обдумайте это, медитируйте на это. Потому что я совершенно не заинтересован в том, чтобы кого-либо опровергать. Я очень люблю Иисуса, Будду, Махавиру, Кришну. Они были чудесными людьми, но их время прошло.

Нам нужны новые прозрения, новая почва, новые измерения. И эти новые измерения неизбежно противоречат нашему старому, сгнившему уму. Поэтому когда вы чувствуете боль, помните – вам причиняет боль не истина, вам причиняет боль ваша собственная ложь, за которую вы цепляетесь. Когда вам приходится делать выбор между истиной и ложью, имейте мужество выбрать

истину, потому что это единственный способ жить, единственный способ знать, единственный способ быть.

ГЛАВА 8

ИЗМЕРЕНИЕ НЕПОСТИЖИМОГО (8 марта 1981 года, утром)

Первый вопрос:

Ошо, в соответствии с последней теорией астрофизики, каждый атом, который существует в теле или который создает материальные предметы вокруг нас, происходит из космического цикла, через который он должен пройти, по меньшей мере, дважды. Как бы то ни было, этот факт не помогает мне почувствовать себя частью космоса. Ошо, есть ли у меня шанс как у ученого когда-нибудь испытать переживание тайны?

Вальтер Хульц, наука это разоблачение существования, поэтому совершенно невозможно испытать какое-либо чувство таинственного посредством науки, сам метод науки не позволяет этого. В точности как если бы слепой пытался увидеть ушами, или глухой пытался бы услышать музыку глазами: сам метод становится препятствием.

Наука использует определенную методологию, и это сужает ее, это создает ограниченность, определенность. Для науки крайне необходима определенность, иначе в мире не было бы различия между наукой и медитацией, между наукой и религиозным сознанием.

Наука означает определенность, абсолютную определенность в отношении фактов. А если вы очень определенны, вы не можете почувствовать тайну – чем более вы определенны, тем более исчезает тайна. Для таинственного нужна некоторая туманность, нужно нечто неопределенное, неочерченное. Наука оперирует фактами, а тайна не фактична, она экзистенциальна.

Факт – это всего лишь часть существования, очень маленькая ее часть, и наука имеет дело с частями, потому что это проще. Они меньше, их можно анализировать, вы не завалены ими, вы можете держать их в руках, вы можете расчленять их, вы можете вешать на них ярлыки, вы можете быть абсолютно уверены в их качестве, количестве, возможностях – но в самом этом процессе тайна гибнет.

Наука – это убийство тайны.

Если вы хотите испытать переживание тайны, вам надо будет войти в другую дверь, совершенно из другого измерения. Измерение ума это измерение науки, а измерение медитации это измерение чудесного, таинственного.

Медитация делает все неопределенным. Медитация переносит вас в неизвестное, неочерченное. Медитация постепенно приводит вас в состояние, подобное растворению, где наблюдатель и наблюдаемое становятся одним. Но это невозможно в науке. Наблюдатель должен быть наблюдателем, а наблюдаемое – наблюдаемым, и это четкое разделение должно постоянно соблюдаться. Ни на единый миг вы не должны быть заинтересованы, погружены, захвачены, пристрастны, любящи по отношению к объекту исследования. Вы должны быть беспристрастны, совершенно холодны, абсолютно безразличны. А безразличие убивает тайну.

Между миром медитации и умом есть мост; этот мост называется сердцем. Сердце находится точно между ними. Поэтому поэт живет в мире полутьмы: какая-то часть его научна, какая-то – мистична, В этом и тревога поэта, потому что он живет в двух измерениях, диаметрально противоположных друг другу. Поэтому поэты часто сходят с ума, совершают самоубийства, они всегда известны как немного сумасшедшие, не от мира сего. В них есть что-

то метающееся, потому что они до конца не обосновались нигде. Они и не в мире фактов, и не в мире экзистенциального, они в преддверии.

Поэт может иногда почувствовать вкус таинственного, но и это бывает редко, это приходит и уходит. Мистик живет здесь; поэт лишь иногда прыгает и чувствует радость прыжка за пределы гравитации. Но через минуту или через несколько секунд он возвращается назад, снова подавленный силами гравитации.

Поэзия – это своего рода прыжки. Изредка, на какое-то мгновение вы чувствуете, что у вас словно выросли крылья, но только на мгновение. Отсюда и отчаяние поэта, потому что он снова и снова падает с вершин. Он получает некоторые проблески... Даже величайшим поэтам удалось собрать лишь несколько проблесков запредельного.

Но мистик живет в мире тайны. Его подход совершенно отличен от науки. Он не в уме, не в сердце, но в запредельном, он превосходит оба подхода.

Вальтер, если ты действительно хочешь испытать переживание таинственного, ты должен открыть новую дверь в своем существе. Я не говорю, чтобы ты перестал быть ученым, я просто говорю, что наука может оставаться для тебя периферийной деятельностью. Когда ты в лаборатории, будь ученым, но когда ты покидаешь ее, забывай о науке. Тогда слушай птиц – но не с научной точки зрения! Смотри на цветы – но не с научной точки зрения, потому что когда ты смотришь на розу как ученый, она отличается от той, которая существует на самом деле. Это не та роза, которую видит поэт.

Опыт не зависит от объекта, оно зависит от переживающего, от качества переживания. Когда ученый смотрит на розу, он думает о цвете, химии, физике, атомах, электронах, нейронах и тому подобном – обо всем кроме красоты. Красота не попадает в поле его зрения, а ведь это и есть роза.

Для поэта, для художника роза видится совершенно по-другому: это проявление неизвестного, трансцендентального, это сам секрет жизни. Она представляет нечто божественное, она привносит в существование нечто от неба, от далеких звезд. Она растет на земле, ее корни в земле, но она не часть земли, она заключает в себе гораздо больше. Это не есть полная сумма отдельных частей. Ученый знает ее лишь как эту полную сумму составляющих частей – в ней больше ничего нет – но поэт чувствует что-то еще.

В тот момент, когда вы расчленяете розу, красота исчезает. Роза была единственной возможностью переживания красоты, единственной возможностью для земли почувствовать небо, для грубого – почувствовать тонкое. Поэт чувствует это, но, это чувство, это не умозаключение.

Поэтому когда вы выходите из своей лаборатории, забудьте все об атомах, забудьте все о космосе, лучше начните смотреть новым, свежим взглядом – взглядом ребенка, поэта, любящего.

Когда вы смотрите на любимую женщину, вы никогда не думаете о ней с биологической точки зрения, иначе вы потеряете всю суть. Она – не биология, она нечто намного большее, чем то, что может вместить биология. Когда вы целуете ее, не думайте о том, что передается химически от губ к губам, иначе вы почувствуете отвращение! Вы не увидите поэзии, вы будете удивляться, о чем же говорили все эти поэты. Это просто обмен бактериями, микробами, миллионами микробов, среди них есть и опасные. Это может быть вопрос жизни и смерти – берегитесь!

Когда вы занимаетесь любовью с женщиной, не думайте о гормонах, берегитесь всей этой ерунды, иначе весь акт любви превратится просто в механический феномен. Вы будете там и одновременно не там. Вы будете просто наблюдателем, а не участником. А секрет поэта в том, что он участвует.

Смотря на цветок, станьте цветком, танцуйте вокруг него, пойте песню. Ветер свеж и прохладен, солнце горячо, и цветок в самом расцвете, цветок танцует на ветру, радуется, поет, воспекает. Участвуйте в этом! Отбросьте безразличие, объективность, отчужденность. Отбросьте все свои научные подходы. Станьте немного более гибким, чувствительным, увлеченным. Пусть

цветок говорит с вашим сердцем, пусть он войдет в ваше существо. Пригласите его, - он ваш гость! И

только тогда вы почувствуете некоторый вкус таинственного.

Это первый шаг по направлению к таинственному, и последний: если вы можете на мгновение стать участником, у вас есть ключ, вы знаете секрет. Тогда принимайте участие во всем, что вы делаете. Когда вы идете, не делайте это механически, не просто наблюдайте это - будьте этим. Танцуя, не следуйте технике, техника здесь неуместна. Технически вы можете делать все верно, но вы упустите всю радость танца. Растворитесь в танце, станьте танцем, забудьте, что вы танцор.

Когда такое глубокое единство происходит во многих фазах вашей жизни, когда все вокруг вас начинает испытывать этот поразительный опыт исчезновения, когда есть цветок, а вас больше нет, когда есть радуга, а вас больше нет, когда облака плывут по небу, снаружи и внутри, а вас больше нет, когда вы наполнены внутренним молчанием, когда внутри вас никого нет, только чистое молчание, девственное молчание, безмятежное, не потревоженное логикой, мыслью, эмоцией, чувством, это и есть мгновение медитации. Ум исчез, а когда он исчезает, приходит тайна.

Тайна и ум не могут существовать вместе, по своей природе они несовместимы, в точности как тьма и свет: вы не можете сделать так, чтобы в вашей комнате было и темно и светло. Если вам нужна тьма, вы должны выключить свет, если вам нужен свет, пожертвуйте тьмой. Вы можете выбрать только одно, просто потому что присутствие света - это отсутствие тьмы, а присутствие тьмы - это отсутствие света, на самом деле, это не две вещи. Присутствие - это свет, а отсутствие - это тьма. Вы не можете сделать так, чтобы они были одновременно, одновременно отсутствовали и присутствовали.

Ум - это наличие очевидного, логики, а медитация это наличие таинственного, чудесного.

Поэтому двигайтесь от ума. Пусть искусство, поэзия, живопись, танец станут для вас важнее - они подведут вас к ближе медитации - и, в конце концов, ныряйте. Если вы узнали нечто от поэзии, у вас будет достаточно мужества, чтобы совершить последний прыжок.

Поэтому для меня религия состоит из трех этапов; первый этап - это наука. Так же как ваше тело состоит из материи, атомов, так и религия в своей первой, периферийной части состоит из науки. Я не против науки - она совершенно необходима - но это только периферийное явление, первая концентрическая окружность вашего центра. За ним идет вторая концентрическая окружность, более глубокая, чем наука - это искусство, эстетика. И за ней третья - это медитация. Если вы прошли все три концентрические окружности, то постепенно вы доберетесь до четвертой.

На востоке она называется 'турийа', мы не давали ей имени, мы просто дали ей номер, «четвертая». О ней ничего нельзя сказать, и поэтому ей не дано никакого имени. Это даже за пределами тайны. Медитация приведет вас в тайну, но все же там есть нечто большее, нечто невыразимое. О ней ничего нельзя сказать, о ней ничего никогда не было сказано, о ней ничего никогда не будет сказано, но она была пережита в виде опыта.

Только на этой вершине переживания опыта, в этот высший миг экстаза, вы поймете, Вальтер, что это такое.

Вы спрашиваете меня:

Ошо, в соответствии с последней теорией астрофизики, каждый атом, существующий в теле или создающий материю, происходит из космического круга, через который он должен пройти, по меньшей мере, дважды.

Происходит ли это дважды или трижды, как это может помочь вам почувствовать себя частью космоса? Это может происходить тысячи раз - это неважно!

Вы говорите:

Как бы то ни было, этот факт не помогает мне почувствовать себя частью космоса.

Ни один факт не может вам помочь. Вам придется проделать свое путешествие в совершенно ином измерении.

Вы также спрашиваете:

Ошо, есть ли у меня шанс как у ученого когда-нибудь испытать переживание тайны?

Не как у ученого; здесь у вас нет никаких шансов. Я не могу дать вам ложную надежду. Как у ученого, у вас нет на это шансов, но это не означает, что вы должны перестать быть ученым, это просто значит, что вы можете позволить науке стать одним из аспектов вашей жизни. Зачем делать ее всей вашей жизнью? Зачем отождествлять себя с ней? Прекрасно, если вы используете свой логический ум, аналитический ум – это великолепно, это полезно. Миру нужны технологии, миру нужна наука, вы можете сослужить человечеству огромную службу, но это совершенно другое дело.

Вы не должны думать, что в этом заключается вся ваша жизнь, иначе вы будете жить лишь на крыльце дворца, думая, что это и есть дворец, и вы будете страдать от всевозможных неудобств. Иногда вам будет слишком холодно, а иногда вам будет слишком жарко, а иногда будет идти дождь – ведь это открытое крыльцо! А дворец рядом, он доступен, вы могли бы в него зайти. Я не против крыльца, помните, я не говорил вам разрушить его. Оно необходимо, но крыльцо – это крыльцо. Пройдите через него, используйте его, но ведь у вас есть прекрасный дворец – почему бы не исследовать весь дворец своего существа?

Исследуйте поэзию, исследуйте музыку, исследуйте танец, исследуйте медитацию, и, в конце концов, полностью растворитесь в четвертом. Тогда, и только тогда – гусь снаружи!

Второй вопрос:

Ошо, когда серьезные, грустные люди достигают просветления, они остаются такими же серьезными или становятся веселыми, как вы?

Прем Джйоти, слышал ли кто-нибудь когда-нибудь о серьезных людях, достигших просветления? Серьезный человек не может стать просветленным. Серьезность – это болезнь, это рак души. Серьезность это неправильный, совершенно неверный подход к жизни. Как можно прийти к истине с помощью неправильного подхода? Серьезный человек просто болен, патологичен. Конечно, на протяжении тысяч лет доминировали серьезные люди, потому что это их единственная радость в жизни, другой радости для них не существует – только радость превосходства.

Есть прекрасная притча Халилия Джебрана:

Каждое утро он отправляется на прогулку и проходит через поле, на котором стоит пугало. У этого пугала есть определенное назначение: оно отпугивает диких животных и птиц от посевов.

Однажды Халиль Джебран спросил у пугала; «Ты стоишь здесь из года в год, ты, наверное, очень устал, тебе очень скучно?»

И пугало ответило ему: «Нет, может показаться, что мне скучно, может показаться, что я очень серьезен, но я наслаждаюсь своей работой».

Халиль Джебран сказал: «Какая же у тебя радость? Я не вижу, чем ты мог бы наслаждаться».

Пугало ответило: «Сама радость внушать страх заставляет меня трепетать. День за днем, я пугаю до смерти зверей и птиц! Они убегают от меня. Я самый главный во всей округе, я самый сильный. Все боятся меня. Разве не этого можно желать в жизни?»

Серьезный человек занимается этим на протяжении веков. Во имя политики, во имя религии, во имя образования, во имя морали он мучает людей, и в этом его единственная радость. Он совершенный садомазохист.

Ни один садомазохист не может стать просветленным, и из сотни людей, которые, по вашему мнению, достигли просветления, девяносто девять и девять десятых процента не просветленные. Это просто традиционная идея, и вы придерживаетесь ее. Вам сказали, что этот человек «просветленный». Не существует критерия, по которому это можно оценить, потому что для христиан – Иисус просветленный, а для джайнов – нет; у них разные критерии оценки. Вы удивитесь: для христиан Махавира может совсем не выглядеть просветленным, у них ведь тоже другой критерий оценки.

Христиане говорят, что Иисус за всю свою жизнь никогда не смеялся. Должно быть, это полная ложь. Я не могу этому поверить, вся его жизнь говорит совершенно об обратном. Невозможно представить, что он никогда не смеялся, но христиане говорят, что так оно и было. Почему? Потому что просветленный человек должен быть серьезным, очень серьезным, обремененным проблемами всего мира. Он пришел, чтобы решить эти проблемы, он пришел, чтобы спасти человечество. Он – спаситель, мессия; он должен спасти вас от ваших прошлых грехов, а также и от возможных будущих. Естественно, он несет на своих плечах огромный груз, целые Гималаи – как же он может смеяться? Это невозможно,

Но сама мысль, что кто-то должен спасти вас, уродлива; сама идея разрушает вашу свободу. Вам не позволяют даже страдать за свои грехи, это будет делать кто-то другой. У вас отнята вся ваша ответственность.

Не таково видение других традиций. Например, Будда не согласился бы с этим. Он говорит: «Будь светом для самого себя. Никто тебя не спасет». Поэтому Будда не так серьезен, в этом нет необходимости, для этого нет причины. Он свободен от всех своих проблем, он освобожден, в нем есть тонкая радость.

Но христиане будут думать, что Будда эгоистичен, потому что он думает только о себе. А как может просветленный человек быть эгоистом? Иисус просветленный, потому что он думает обо всем человечестве.

Махавира жил обнаженным. Это джайнская концепция просветленного человека: просветленный человек отрекается от всего, он живет обнаженным, и, поскольку он совершенно свободен от всех грехов, он не будет страдать. А Иисус много страдал на кресте. В соответствии с джайнской философией, вы страдаете только из-за своих прошлых карм. Если Иисус страдал на кресте, это просто показывает, что это действуют его прошлые кармы, он должен был заплатить за них, за каждое действие нужно платить.

О Махавире говорят, – а он ходит обнаженным, босым – что если на тропе лежит колючка, она немедленно перевернется, видя, что идет Махавира, потому что у Махавиры больше нет грехов, поэтому колючка не может причинить ему боль, так что же говорить о распятии? Но Махавира серьезен.

Кришна не серьезен. Кришна танцует, поет, играет на флейте.

Когда Бодхидхарма достиг просветления, на протяжении семи дней он не мог перестать смеяться. Его снова и снова спрашивали, почему он смеется, и он отвечал: «Я смеюсь, потому что все это смешно. Гусь всегда был снаружи; я пытался вытащить его из бутылки, а бутылки никогда не существовало. Вся попытка была полнейшим абсурдом, это было смехотворно, и я смеюсь над собой, и я смеюсь над всем миром, потому что все люди пытаются делать то, что делать совершенно не нужно. Люди очень стараются, и чем больше они стараются, тем сложнее это становится. Само их старание и становится препятствием!»

Как же вы можете решить, кто просветлен, а кто – нет?

Совсем недавно я получил письмо, в котором говорилось: «Если вы действительно просветленный человек, то вы должны скрыться в Гималаях, потому что просветленные люди всегда скрываются. Они остаются неизвестными, невоспетыми».

Если этот человек прав, тогда Махавира, Будда, Иисус, Кришна, Рама, Заратустра, Мухаммед – никого из них нельзя назвать просветленным, потому что они широко известны по всему миру. Они не уходили в Гималаи, они не жили в безвестности, они не умерли невоспетыми.

И тут возникает еще один вопрос: как же этот человек узнал о тех, кто живет в Гималаях, об этих невоспетых, неизвестных людях, которые, по его мнению, являются просветленными? Как же он узнал об этом? А если он знает их, то тогда они не неизвестны – если, конечно, он не единственный, кому позволено проникнуть в эту тайну!

Но этих глупцов становится больше, они продолжают демонстрировать свои предрассудки.

Я не скажу вам, кто просветлен, а кто нет, но я расскажу вам об одном простом явлении, которое вы можете понять и которое может стать для вас путеводным огнем. Совершенно точно одно: садомазохисты не могут быть просветленными. Тот, кто мучает себя и других, получая от этого удовольствие, не может быть просветленным.

Просветление – это блаженство, оно не может быть серьезным. Оно может быть искренним, но не серьезным. Это сущая радость! Это чистый экстаз!

Прем Джйоти, ты спрашиваешь меня:

Ошо, когда серьезные, грустные люди становятся просветленными...

Я никогда о таком не слышал! А если вы слышали о серьезных и грустных людях, ставших просветленными, то либо они не были грустными и серьезными, либо вы чего-то не поняли. Серьезные и грустные люди становятся кем-то другим, но они не становятся просветленными. Они становятся Папами, Матерями Терезами, Махатмами Ганди, Морарджи Десаи, шанкарачарьями, Аятоллами Хомейни, имамами, священниками. Церкви, синагоги, гурудвары – все они полны таких людей, это серьезные люди. Они собираются вокруг просветленного человека и начинают разрушать все, что он принес во время своей весны. Они начинают создавать мертвую традицию – и эта традиция должна быть серьезной, она не может быть несерьезной.

Просветленный человек всегда полон радости, но традиция, ортодоксия не может быть веселой. Вся структура традиции политична в своей основе, она нужна для того, чтобы доминировать, подавлять, использовать. А вы не можете игрушки использовать людей, вы должны быть очень серьезным. Вы должны сделать людей настолько печальными, настолько боящимися жизни, вы должны вызывать такой трепет в их существовании, что из-за своего страха они попадут вам в руки, чтобы стать объектом манипуляции.

Такой человек как я не может использовать вас, потому что это место больше похоже на вертеп, чем на храм. Оно более игриво, чем серьезно. Все мы вовлечены в прекрасную игру! В тот момент, когда вы начинаете думать, что это игра, вся серьезность исчезает, краски становятся ярче. Вы можете идти, словно танцуя, ничто не прижимает вас к земле.

Но священники не могут этого делать, весь их престиж зависит от их серьезности. Чем более они серьезны, чем более мрачно они выглядят, тем более «святыми» они могут притвориться... И они будут делать все – они будут поститься... естественно, когда человек постится, он становится серьезным, он не может смеяться. Когда вы голодны, вы не можете смеяться, и вы не можете позволить смеяться никому другому. Тут не до смеха! Вы умираете с голоду, приносите себя в жертву, распинаете себя, а люди смеются! Этого нельзя понять, этого нельзя простить.

Естественно, когда вы обращаетесь к постящемуся человеку, вы становитесь серьезными, вам приходится становиться серьезными. Все очень просто. Этот человек мучает свое тело всеми мыслимыми способами, пытается свое тело всеми возможными способами – как же вы можете смеяться? Сама сцена вызывает грусть, вы чувствуете тяжесть. Очень тяжело находиться с этими так называемыми святыми. Поэтому люди только свидетельствуют свое уважение и немедленно убегают, потому что если вы останетесь сидеть с ними, они создадут в вас тяжесть, они создадут в вас чувство вины.

Например, если они постыятся, а вы хорошо поели, то обязательно появится чувство вины. Если они стоят на головах, а вы просто стоите на ногах, вы делаете что-то не так. Естественно, вы почувствуете: «Я еще не совершенный человек, этот человек, стоящий на голове, вот он совершенен». Вы видите всю глупость этого? Если бы Бог хотел, чтобы вы стояли на голове, он бы устроил это.

Если бы Бог хотел, чтобы в мире царил гомосексуализм, он создал бы Адама и Брюса – ведь это так просто! Зачем же создавать Еву? Ненужное беспокойство! Но эти глупые люди продолжают делать противоестественные вещи, и этот их неестественный подход делает их серьезными. Они плывут против течения, они измучены, истощены, они скучают, но их единственная радость в том, что они могут заставить скучать и вас.

Мойша не может решить, какое будущее ждет его сына. Он идет к раввину и спрашивает совета.

Раввин говорит: «Это очень просто. Мы положим на стол Талмуд, Тору и деньги. Если он выберет Талмуд, то станет раввином, если он выберет Тору, то станет адвокатом, а если выберет деньги, то ростовщиком».

Мойша соглашается и зовет своего сына. Тот смотрит на вещи, разложенные на столе, и берет их все.

Мойша в растерянности. «Что же будет?» – спрашивает он раввина.

«Он станет католическим священником», – отвечает тот.

Эти грустные люди становятся католическими священниками, индуистскими шанкарачарьями, исламскими имамами и так далее. Эти серьезные люди теряют свою человечность, они превращаются в попугаев. Но это окупается. Не нужно много ума, чтобы стать попугаем, и если вы обладаете маломальской памятью и можете цитировать Веды, Гиту, Коран, то вы будете уважаемы и почитаемы. Вы не делаете ничего творческого, вы ничего не прибавляете к красоте мира, вы не приумножаете радость на земле, напротив, вы разрушаете. Но людей обуславливали на протяжении тысяч лет, и они продолжают действовать в соответствии со своей обусловленностью. Попугаям поклоняются.

У фермера был попугай, который все время кричал: "Хайль Гитлер!" Однажды фермеру это надоело, и он запер попугая в курятнике.

К попугаю подошел петух и спросил: "Скажи мне, почему фермер запер тебя в курятнике?" Попугай промолчал.

"Я отдам тебе четырех своих куриц, если ты ответишь мне", – настаивал петух, но попугай хранил молчание.

"Послушай, если ты скажешь мне, почему тебя здесь заперли, я отдам тебе десять куриц".

Попугай обернулся и закричал: "Оставишь ли ты меня, наконец, в покое? Я политический заключенный!"

Эти грустные люди, они становятся или политиками и священниками, или великими педагогами, профессорами, философами, теологами. Но они никогда не становятся просветленными, это абсолютно точно, это не может произойти по самой природе вещей.

Чтобы стать просветленным, человеку нужна легкость цветка, легкость пера, многоцветие радуги. Человеку нужна радость птиц ранним утром, свобода облаков. Ему нужно только одно: сердце, полное экстаза – не какого-то высшего экстаза, не райского экстаза, но экстаза здесь и сейчас, в этот самый момент, когда ваши глаза наполнены этим моментом, когда нет ничего другого, ни прошлого, ни будущего, когда этот момент охватывает вас полностью, так интенсивно, так страстно, что ничего не остается позади. Только такие люди становятся просветленными.

Поэтому я говорю, что если вы живете с радостью, то вы уже достигли просветления. Поэтому вам не нужно никакой духовной ерунды, никакой эзотерической ерунды.

В доме Рабиновичей был очень облезлый унитаз. Сидни пообещал покрасить его, когда выдастся свободный день. У него в гараже было немного прекрасной ярко-зеленой краски, и он навел блеск и красоту.

Этель пришла с журналом в руках и села подумать и почитать. Когда она попыталась встать, то обнаружила, что прилипла! Она начала звать Сиду. Он тянул и тянул ее, но не смог ничего сделать. Этель в отчаянии закричала: «Чего ты стоишь! Позови врача! Если присыхает пластырь, то он, по крайней мере, знает, как отсоединить его, не содрав кожу!»

Сидни бросился к телефону, чтобы срочно вызвать врача. Это была настоящая опасность!

Доктор начал объяснять, что у него полная приемная пациентов, и он не может освободиться еще в течение двух часов.

Сидни в голову пришла блестящая идея. Он может отвинтить петли, и она до прихода врача полежит на кровати на животе. Два часа показались четвертьмя, но, наконец, врач пришел.

Сидни проводил его в спальню и сказал, указывая на жену: «Док, это что-то невероятное, правда? Что вы об этом думаете?»

Доктор внимательно посмотрел и сказал: «Очень мило... но почему такая дешевая рама?»

Жизнь надо воспринимать весело! Жизнь настолько полна веселья, она так смешна, что пока не высох весь ваш сок, вы не можете быть серьезны. Я смотрел на жизнь со всевозможных точек зрения, но мне всегда было весело! Она становится все смешнее и смешнее! Это прекрасный подарок запредельного.

Прем Джйоти, я против всякой серьезности. Весь мой подход к жизни заключается в веселье, а величайшее религиозное качество это чувство юмора – не истина, не Бог, не добродетель, а чувство юмора. Если мы сможем наполнить всю землю смехом, танцующими и поющими людьми, если мы сможем превратить землю в карнавал веселья, праздник огней, впервые за все время мы принесем на землю истинное чувство религиозности.

Третий вопрос:

Ошо, крупнейший журнал Германии, «Шпигель», начал печатать серию статей о вас, ваших саньясинах и ашраме. Автор говорит о вас мною хорошего и невероятного, и даже сравнивает вас с Папой Польским. Он пишет: «Люди, поддавшиеся харизме Иоанна Павла Второго, ничем не отличаются от паломников в Пуне, которые собираются вокруг Ошо. Только церкви и секты не могут смириться с этим».

Ошо, нравятся ли вам это утверждение, или же оно вам неприятно?

Это забавно! Я всегда хорошо относился к полякам. Папа – это явление вторичное, Польский – вот что ценно. Это слон, а Папа это всего лишь последняя часть слона – его хвост!

Я не Папа, я не могу им быть, я не настолько серьезен, и не настолько религиозен. Я очень обыкновенный! А чтобы стать Папой, нужно быть необыкновенным человеком. А что касается харизмы, у меня ее нет. Я такой же обыкновенный, как и все остальные. Сама идея харизмы негуманна, она разделяет людей. И вся стратегия создания харизмы это не что иное, как процесс обусловливания.

Если вы увидите обнаженного джайнского монаха, то не найдете никакой харизмы. Вы просто увидите уродливого, отталкивающего человека, бледного, больного, его глаза почти мертвы, ни капли разума в лице, все тело высохло. Да, что будет большим, так это его живот, ведь джайнский монах ест всего один раз в день, поэтому он ест много. Вся фигура монаха, если вы не обусловлены джайнскими идеями, покажется вам карикатурой, мультфильмом, но для них в этом и есть харизма, великая харизма.

Джайнские монахи, особенно те, которые живут обнаженными, каждый год своими руками вырывают себе волосы на голове. Если вы увидите это, вам

это покажется ненормальным, уродливым, насильственным, но сами они смотрят на это с большим уважением – происходит что-то необычайно важное. Человек просто рвет на себе волосы! Вы иногда видели вашу жену в гневе, или если вы когда-нибудь были в больнице для душевнобольных, то видели, как люди рвут на себе волосы, просто злясь на себя, выпуская злость. Но для джайнского ума это привлекательно: «Какая жертва!»

Если вы пойдете в христианскую церковь и увидите крест и если вы были обусловлены христианством, вы не увидите, что происходит поклонение смерти – а крест олицетворяет смерть. Возможно, что если бы Иисуса не распяли, никакого христианства не было бы. Не Иисус доминирует в сознании христианина, а крест. Поэтому я не называю христианство «христианство», а называю его «крестианство»! Крест просто символизирует смерть, самоубийство, это не символ жизнеутверждения. Но для христианина он символизирует великую жертву Христа за все человечество.

Харизма создается определенным обуславливанием. Тот же Папа два года назад не был харизматической фигурой, а сейчас он стал привлекателен. Что же за чудо произошло? Только потому что его выбрали Папой, он стал харизматической фигурой. Теперь он производит впечатление на миллионы людей, но раньше никто не обращал на него внимание... Тот же самый человек был здесь на протяжении шестидесяти лет, никто не обращал на него внимание. Это просто искусственная иллюзия.

Тот же самый человек, если он становится президентом страны, приобретает привлекательность, а как только он перестает быть президентом, то теряет ее, тогда он никто.

Когда в России произошла революция, то появился харизматический лидер – Керенский, он был премьер-министром России. Во время революции он сбежал, и на протяжении пятидесяти лет никто о нем и не слышал. Люди совершенно забыли о нем, а до Ленина он был самым главным человеком в России, он был центральной фигурой. Через пятьдесят лет он умер в Нью-Йорке, став бакалейщиком! Когда он умер, то обнаружилось, что это не кто иной, как Керенский. На протяжении пятидесяти лет он содержал бакалейный магазин, и никто не думал, что он харизматичен.

Я не харизматичен, и я не верю во всю эту ерунду. Я воспеваю простоту, необусловленность, невинность, обыкновенность, и я хочу, чтобы все категории были уничтожены: категории грешника и святого, дьявольского и святого, мирского и церковного, морального и безнравственного. Я хочу уничтожить все категории! Человек – это просто человек.

Поэтому я не хочу, чтобы меня сравнивали с Папой. На самом деле, я вообще не люблю никаких сравнений, потому что это совершенно неверный подход. Я – это я! Я не хочу, чтобы меня сравнивали даже с Иисусом, что же говорить о Папе. Я не хочу, чтобы меня сравнивали ни с Буддой, ни с Лао-цзы, потому что всякое сравнение совершенно неверно в своей основе. Лао-цзы – это Лао-цзы, а я – это я, это не вопрос сравнения.

Как можно сравнивать розовый куст с ливанским кедром? Нет никакого разговора о сравнении. Как можно сравнивать лотос с маргариткой? На самом деле, даже два цветка лотоса нельзя сравнить между собой, каждый по-своему уникален.

Но на протяжении веков мы жили с идеей сравнения. Мы всегда сравниваем, мы всегда распределяем людей по категориям, мы всегда помещаем их в коробки – кто есть кто, к какой категории он принадлежит.

Все мое усилие направлено на то, чтобы уничтожить все категории, чтобы провозгласить уникальность индивида. Никогда не сравнивайте меня ни с кем. Я это просто я. Хороший, плохой, святой, грешный, кем бы я ни был, я это просто я. Эта идея сама по себе отвратительна – быть сравнимым с кем-то другим. Бог никогда не создает копии под копирку, он создает только подлинники, каждый обладает своей подлинным лицом.

Но я люблю поляков – это я должен признать!

Поляк приходит в дирекцию цирка и предлагает прыгнуть с десятиметровой высоты вниз головой без всякой страховки. Менеджер не верит, и они вместе идут на арену. Поляк поднимается на десятиметровую высоту, делает

глубокий вдох и прыгает вниз головой. Он падает прямо на голову, лежит неподвижно несколько минут и потом встает. Менеджер поражен.

«Это невероятно!» – кричит он. – «Я буду платить вам сотню долларов за ночь».

Поляк вертит головой.

«Хорошо, хорошо, я буду платить вам три сотни».

«Нет».

«Я буду платить вам тысячу долларов!» – говорит менеджер.

«Нет, я передумал, я больше не хочу прыгать. Я не знал, что это так больно».

Поляк обнаружил, что у него три яйца. Он так хотел рассказать об этом, что остановил первого попавшегося мужчину и сказал ему: «Спорим, что у нас на двоих пять яиц?»

Он проспорил... У парня было всего одно яйцо!

Полячка умирала. На последнем издыхании она повернулась к мужу и попросила: «Пока я не умерла, займись со мной любовью еще один раз».

Муж-поляк ответил: «Как же ты можешь просить меня о таком? Это же убьет тебя!»

Жена взмолилась: «Каждый может надеяться на исполнение последнего желания перед смертью, ты должен исполнить, о чем я прошу тебя».

Муж ответил: «Хорошо». Он лег к ней и занялся любовью. Не успел он закончить, как она выскочила из кровати совершенно здоровая, побежала вниз, начала ловить цыпленка и крикнула детям, что обед будет готов через час.

Радостные дети побежали наверх и увидели, что отец сидит в кресле и плачет. Они сказали: "Папа, почему ты плачешь? Это чудо! Мама совершенно здорова!"

Он ответил: «Я знаю, но я думаю о том, что я мог бы сделать для Элеонор Рузвельт!»

Польский ум действует очень своеобразно! Это самый таинственный ум в мире!

«Шпигель» сделал одну хорошую вещь – он напомнил мне о Папе Польском.

Старый польский генерал жил со своей молодой женой на уединенной вилле. У них было два охранника, защищающих их от непрошенных гостей.

Однажды ночью охранники заметили, что свет в генеральской спальне горел слишком долго. Они подобрались к окну и заглянули внутрь. Жена генерала лежала на постели раздетая и выглядела довольно скучающей. Генерал, тоже раздетый, тревожно ходил по комнате с пистолетом в руке. Неожиданно он остановился, посмотрел вниз и закричал:

«Встань как мужчина, иначе я буду стрелять!»

Вы помните известную поговорку; «Бутерброд всегда падает маслом вниз»?

Есть история о поляке, у которого бутерброд как раз упал маслом вверх. Он побежал прямо к Папе, чтобы доложить об этом отклонении от природных закономерностей вселенной.

Сначала Папа не поверил ему, но потом он убедился, что это действительно произошло. Естественно, он не мог сразу дать ответ на этот вопрос и попросил времени на размышление. Он внимательно изучил старые писания, помолился Богу, сделал все возможное, чтобы найти ответ на этот вопрос.

Через месяцы ожидания он, наконец, нашел ответ. Он сказал поляку: «Хлеб был намазан маслом не с той стороны».

Дева Ячата, ты спрашиваешь меня:

Ошо, крупнейший журнал Германии, «Шпигель», начал печатать серию статей о вас, и о ваших саньясинах и ашраме. Автор говорит о вас много хорошего и невероятного, и даже сравнивает вас с Папой Польским. Он пишет: «Люди, поддавшиеся харизме Иоанна Павла Второго, ничем не отличаются от паломников в Пуне, которые собираются вокруг Ошо».

Это совершенно неправильно, потому что я здесь не для того, чтобы подчинить вас себе. Я не хочу стоять между вами и целым. Это не вопрос подчинения. Вопрос подчинения появляется тогда, когда вы идете к Папе, а здесь происходит любовная связь. Тогда вы подчиняетесь ему, потому что он представляет Бога, представляет его единоутробного сына, Иисуса Христа. Я же никого не представляю!

Когда вы со мной – это своеобразная любовная связь, здесь нет вопроса о подчинении. Вы просто учитесь общаться с существованием. Я – просто возможность, средство, самое большое – катализатор.

Мои саньясины – это не последователи. Я просто передаю то, что видел. Я просто разделяю с ними мою любовь, мою радость, мой опыт. Эти люди здесь – это попутчики по путешествию. Вы не подчиняетесь мне; но живя со мной, постепенно вы начнете наслаждаться глубоким подчинением существованию. Это совершенно другое дело, у меня с этим нет ничего общего. Вся заслуга принадлежит вам, а не мне. Мое присутствие может помочь только в одном: увидеть капкан глупости, в который вы попали.

Папа просто усиливает в вас ту же самую глупость. На протяжении тысячелетий люди подчинялись Папам и священникам, и ничего не произошло.

Я не священник, и я не заинтересован в том, чтобы собирать вокруг себя толпы. Я не заинтересован в создании традиции, я просто наслаждаюсь собой! Те, кто хочет насладиться собой – добро пожаловать. Это место радости. Само слово «подчинение» здесь неуместно. Никто никому не подчиняется. Вы должны быть самим собой, вы должны искренне быть собой, и тогда начнет происходить чудо: в тот миг, когда вы откроете свое истинное лицо, вы войдете в единение с целым.

«Шпигель» неправ, говоря, что, то же самое происходит с паломниками в Пуне, но когда люди приходят, чтобы посмотреть извне, может произойти подобное непонимание. Они просто наблюдатели.

Чтобы понять, что здесь происходит, человек должен быть участником, а не только наблюдателем. Только тогда некий привкус на языке откроет этот секрет.

Я слышал, что каждый год, как часть великолепной пасхальной церемонии, в соборе святого Петра в Риме Главный Раввин города входит в базилику во главе торжественной процессии во время великой мессы и дает Папе древний свиток. И каждый Папа принимает этот свиток, кланяется Раввину и отдает его обратно, после чего Раввин должен поклониться, повернуться и уйти.

Таинственный ритуал продолжается на протяжении стольких столетий, что никто не может вспомнить ни основ его, ни того, что он символизирует. Но в первую пасхальную неделю своего правления Польский Папа решил положить конец этому совершенно бессмысленному ритуалу, и когда Главный Раввин представил ему свиток, Его Святейшество, к огромному изумлению всей Курии, развернул его. Это был счет за Тайную Вечерю.

Последний вопрос:

Ошо, я схожу с ума! Я продолжаю смеяться над шуткой. Я даже однажды проснулась от этого. Но я даже не знаю, что это за шутка!

Йога Лалита, придется мне повторить ее снова! На самом деле, существует четыре шутки. Три я тебе сегодня расскажу, а четвертую тебе придется открыть самой – турийа! На это я тебе дам сорок восемь часов. Если ты не сможешь ее найти, я расскажу тебе сам.

Первую шутку я рассказал тебе, когда ты находилась в 'сушупти', сне без снов... Естественно, тебе сложно ее вспомнить. А Йога Лалита – мой

библиотекарь, поэтому я постоянно должен напоминать ей о шутках, чтобы она собирала их для меня. Я никогда не вижу ее, я никогда не хожу в библиотеку, и поэтому единственный способ передать мне шутку – во сне.

Первая шутка:

Министр, священник и раввин обсуждали, как они разделяют деньги на личные траты и общественные нужды.

«Я рисую линию на полу», – сказал министр. – «Все деньги я подбрасываю в воздух, то, что падает справа от линии, забираю я, а то, что падает слева, достается Богу».

Священник кивнул, говоря: «Моя система практически такая же, я только использую круг. То, что внутри мое, а то, что снаружи – его».

Раввин улыбнулся и сказал: «И я делаю то же самое. Я подбрасываю деньги вверх, и то, что Бог поймает – его».

Вторую шутку, Лалита, я рассказал тебе в состоянии 'свапна', состоянии сновидения. Что-то ты, может быть, помнишь.

Обезумевший от горя молодой человек забрался на выступ сорокового этажа в отеле. Ближайшее место, куда могла забраться полиция, была крыша близлежащего здания. Все умоляли его вернуться в безопасное место. Был приглашен священник, который поспешил туда.

«Подумай, сын мой», – обратился он к самоубийце, – «подумай о маме и папе, которые любят тебя».

«А они не любят меня», – ответил человек, – «я прыгаю!»

«Нет, остановись», – закричал священник, – «подумай о женщине, которая любит тебя!»

«Никто не любит меня! Я прыгаю!»

«Но подумай», – умолял священник, – «подумай об Иисусе, Марии и Иосифе, которые любят тебя!»

«Иисус, Мария и Иосиф?» – спросил человек. – «Кто они?»

Услышав это, священник закричал: «Прыгай же ты, еврейский ублюдок, прыгай!»

А третью шутку я рассказал тебе, когда ты была в 'джагрути', так называемом сне наяву, который имеет мало отношения к бодрствованию. Может быть, именно над ней ты смеешься.

Лалита говорит:

Я схожу с ума! Я продолжаю смеяться над шуткой. Я даже однажды проснулась от этого. Но я даже не знаю, что это за шутка!

Может быть, это она:

Семья решила привезти к себе старого дедушку из Венгрии, и он приехал жить к своей дочери и ее семье. Старик был поражен видом Нью-Йорка и всем, что он мог предложить.

Однажды он пошел со своим внуком Янкелем в зоопарк в Центральном Парке. Большинство животных старик знал. Но когда они подошли к клетке со смеющейся гиеной, тот почувствовал любопытство.

«Янкель, в прежней стране я никогда не слышал о звере, который смеется».

Янкель заметил владельца и обратился к нему. «Мой дед недавно приехал из Европы. Он говорит, что там нет смеющихся гиен. Вы могли бы что-нибудь рассказать мне, чтобы я рассказал ему?»

Владелец ответил: «Ну, они едят раз в день».

Янкель повернулся к деду и сказал ему на иврите: "Зайда, они едят раз в день".

Владелец продолжил: «Они моются раз в неделю».

«Зайда, они моются раз в неделю».

Старик внимательно слушал.

Владелец добавил: «Они спариваются раз в год».

«Зайда, они спариваются раз в год».

Старик потряс головой и сказал: «Хорошо, он ест раз в день, моется раз в неделю, но если он спаривается раз в год, почему же он смеется?»

ГЛАВА 9

НАСЛАЖДАЙСЯ, ЧТОБЫ ОСТАВИТЬ

(9 марта 1981 года, утро)

Первый вопрос:

Ошо, необходимо ли иметь определенный подход к жизни?

Маргрит, лучший способ упустить жизнь – это иметь к ней определенный подход. Подходы возникают в уме, а жизнь за пределами ума. Подходы это наши собственные произведения, наши предрассудки, наши изобретения. А жизнь не изобретена нами; напротив, мы просто рябь на поверхности жизни.

Какой подход к океану может иметь рябь на поверхности океана? Какой подход может иметь зеленый лист к земле, луне, солнцу, звездам? Все подходы эгоистичны, все подходы глупы.

Жизнь – это не философия, это не проблема; это тайна. Вы должны жить не по определенному образцу, не в соответствии с какими-то условностями – с тем, что вам говорили об этом – вы должны начать все сами, с самого начала.

Каждый человек должен мыслить так, как будто он первый человек на земле, как будто он Адам или Ева. Тогда вы станете открытыми, открытыми бесконечным возможностям. Тогда вы будете уязвимы, доступны; и чем более вы будете чувствительны, чем более вы будете доступны, тем большая возможность жизни откроется вам. Ваш подход действует как преграда, тогда жизнь никогда не доходит до вас такой, какая она есть – она должна укладываться в вашу философию, религию, идеологию, и в этом процессе что-то в ней умирает. Вы получаете из всего этого только труп: это может выглядеть как жизнь, но это не она.

Именно этим люди занимались на протяжении веков. Индусы живут в соответствии с подходом индуизма, мусульмане – в соответствии с подходом ислама, а коммунисты – в соответствии с подходом коммунизма. Но помните основную, фундаментальную истину: подход не позволяет вам встретиться с жизнью, такой, какая она есть на самом деле; она искажается, она интерпретируется.

Вот старая греческая легенда:

У фанатичного короля была золотая кровать, очень драгоценная, украшенная тысячами бриллиантов, и когда приезжал гость, ему всегда предлагали эту кровать. Но было одно условие: человек должен был точно поместиться на кровати. Если гость был немного больше, король обрубал ему ноги в соответствии с длиной кровати. Конечно, кровать была настолько драгоценна, что ее нельзя было переделать, но гость должен был к ней подходить – как будто не кровать существовала для гостя, а гость существовал для кровати!

Очень маловероятно, практически невозможно найти человека, который бы подходил к уже сделанной кровати. Помните, что среднего человека не существует, это всего лишь вымысел, а эта кровать была сделана для среднего человека. Король был математиком – он совершил очень много вычислений. Он измерил рост всех жителей в столице, а потом этот рост был поделен на количество людей, и он пришел к определенному результату. Там были маленькие дети, молодые

люди, старики, пигмеи, великаны, но средний результат – это совсем иное дело. Во всей столице не было человека, которого можно было назвать средним. Я никогда не встречал такого человека, это всего лишь вымысел.

Поэтому с тем, – кто становился гостем, случалось несчастье. Если он был короче, чем кровать, у короля были великие силачи, которые могли довести человека до нужного размера. Это, наверное, было началом рольфинга! Ида Рольф, должно быть, училась у этого короля. Конечно, каждый гость умирал, но король не был в этом виноват – он все делал с наилучшими намерениями!

Если у вас есть определенный подход к жизни, Маргрит, вы упустите саму жизнь. Жизнь безгранична, ее нельзя привести в соответствие с каким-либо подходом. Да, ваш подход может охватывать определенный аспект, но это всего лишь аспект. А ум имеет тенденцию провозглашать аспект целым, и в тот момент, когда это происходит, вы теряете саму связь с жизнью. Тогда вы начинаете жить в окружении своего подхода, как в коконе, и вы становитесь несчастны. Тогда все ваши так называемые религии очень довольны, потому что именно они всегда вам говорили: жизнь это несчастье.

Будда говорит, что рождение это страдание, юность – страдание, старость – страдание, смерть – страдание, вся жизнь – это не что иное, как долгая, долгая трагедия. Если вы начнете жить с определенным подходом, то обнаружите, что Будда был абсолютно прав; вы сами будете доказательством этого.

Но я хочу вам сказать, что жизнь не страдание, в этом я совершенно не согласен с Буддой. Жизнь становится страданием, но это делаете вы сами; на самом деле это вечная радость. Но для того чтобы понять это, вам надо прийти к жизни с открытым сердцем, с распростертыми объятиями.

Не подходите к жизни со сжатыми кулаками. Раскройте руки. Войдите в жизнь с безмерной невинностью. Подходы коварны: вы что-то решаете, не испробовав, не испытав, не прожив. Вы уже пришли к определенным выводам, и, конечно, если эти выводы уже в вас 'априори', заранее, вы увидите, что они подтверждаются жизнью. Но это не жизнь подтверждает их, но ваш ум будет искать средства, аргументы, данные для их подтверждения.

Ум подобен губке: он постоянно впитывает. Это паразит. Как только появляется центр определенного заключения априори, как этот центр начинает все кристаллизовать.

Ко мне пришел человек, который на протяжении многих лет работал над своей гипотезой во многих странах мира, особенно на западе, в Америке; он считал, что число тринадцать не может считаться хорошим. В Америке есть гостиницы, где отсутствует тринадцатый этаж, после двенадцатого вы просто попадаете на четырнадцатый. Число «тринадцать» избегают, ни у одной комнаты нет этого номера, после двенадцатой вы сразу попадаете в четырнадцатую, потому что никто не захочет жить в комнате под номером тринадцать или на тринадцатом этаже. Идея, что число тринадцать несет в себе какое-то зло, порождает большой страх.

И этот человек работал, собирая всевозможные факты, и, в конце концов, собрал огромное количество сведений: сколько несчастных случаев произошло тринадцатого числа каждого месяца, сколько людей умерло в этот день, сколько совершено самоубийств, сколько убили, сколько сошло с ума.

Он показал все это мне и спросил: «Что вы на это скажете?»

Я ответил: «Сделайте еще одну вещь. Вы потратили столько сил, чтобы собрать все это, а теперь сделайте следующее. Теперь выясните, что происходит двенадцатого числа! И вы обнаружите те же самые факты, потому что и двенадцатого числа люди сходят с ума, совершают самоубийства, убийства, грабежи. Все это происходит каждый день, но если у вас существует какое-то предубеждение, то вы будете выбирать в соответствии с ним. И конечно, имея столько информации и аргументов, вы почувствуете, что ваше предубеждение правильно».

Маргрит, я учу вас прожить жизнь без подходов. Это одно из оснований моего опыта: если вы действительно хотите знать то, что есть, отбросьте всю философию, отбросьте все «измы». Тогда идите с распростертыми объятиями, совершенно обнаженные к солнцу, чтобы увидеть, что это такое.

В прошлом было поверье, что наши чувства являются дверьми, через которые действительность проходит от наших чувств в наше существо. Теперь последние исследования показывает следующее: наши чувства являются не только дверьми, они также выполняют роль стражи. Только двум процентам информации разрешается проникнуть внутрь, остальные девяносто восемь остаются снаружи. Все, что противоречит вашему подходу к жизни, не допускается, и внутри оказывается всего два процента.

А ведь прожить жизнь, составляющую всего два процента от настоящей, означает вообще ее не прожить. Если человек может прожить на все сто процентов, то почему он должен довольствоваться двумя?

Маргрит, ты спрашиваешь меня:

Необходимо ли иметь к жизни какой-то определенный подход?

Это не только не необходимо, это опасно. Почему бы не позволить жизни быть танцем, песней, без каких-либо ожиданий? Почему мы не можем жить без ожиданий? Почему мы не можем увидеть то, что есть, во всей чистоте? Почему мы должны навязывать себя и свой подход? Никто другой от этого не проиграет. Если вы обманете жизнь, то только вы окажетесь в проигрыше.

Из Лондона дошла до нас история о трех профессорах литературы, которые, возвращаясь после ланча, столкнулись с группой «ночных бабочек», патрулирующих улицу.

«Как можно назвать подобную конгрегацию?» – задумался первый профессор, специалист по Шекспиру. – «Парад проституток?» (Профессора играют словами: англ. «A flourish of strumpets» – цветение проституток, "A flourish of trumpets" – уст. книжн. парадное шествие туш).

Второй профессор, авторитет в вопросах, связанных с произведениями Энтони Троллопа (Antony Trollope), естественно поддержал его: «Собрание проституток» ("A chapter of trollops").

Но самую лучшую характеристику дал младший из профессоров, менее всех специализированный. Он назвал этих дам «антологией проституток (pros – проститутки, профессионалы, профессии)».

Лучше не вешать на жизнь ярлыков, лучше не придавать ей структуры, лучше оставить ее открытой, лучше не делить ее на категории. Опыт, который вы получите, будет более красивым; он будет более космическим, потому что вещи в действительности не разделены. Существование это оргазмическое целое, это одно органическое единство. Мельчайшая травинка, мельчайший листок на засыхающем дереве так же значительны, как и величайшая звезда. Самое малое также и самое большое, потому все находится в единстве, это один спектр. В тот момент, когда вы начинаете разделять, вы начинаете создавать разграничения, определения, и таким образом вы упускаете жизнь и ее тайну.

У всех у нас есть определенные подходы, это наша боль. Мы все смотрим с определенной точки зрения, и наша жизнь становится бедной, потому что каждый аспект может быть только одномерным, а жизнь многомерна. Вы должны быть более текучим, более гибким, более пластичным, вы не должны быть только наблюдателем. Здесь нечего решать! Не воспринимайте жизнь как проблему, это удивительно прекрасная тайна. Испейте от нее – это чистое вино! Пейте допьяна!

Удачливый продавец готового платья нашел, наконец, девушку своей мечты, и его приготовления к свадьбе навсегда остались в памяти швейного района. Его дизайнеры изготовили для невесты платье из лучших импортных

шелков и сатинов; от вида его собственного свадебного облачения просто захватывало дух. Церемония была головокружительной; деньги текли рекой.

Вдруг, когда новобрачные уже собрались отправиться в свадебное путешествие в Канаду, пришла телеграмма со срочным сообщением.

«Это от моего партнера» – объяснил жених. – «Срочное дело. Я должен выехать немедленно».

«Но как же наш медовый месяц?» – спросила невеста со слезами.

«Первым делом бизнес» – ответил он. – «Но ты поезжай одна. Я прилечу на последнем самолете и к ночи буду там».

«Но что если ты не успеешь к ночи?» – простонала она.

«Тогда», – он покраснел, – «начинай без меня».

У бизнесмена своя философия, свой собственный подход. У ученого тоже свой собственный подход. Каждый человек живет в маленькой тюрьме своих подходов.

Мои усилия здесь направлены на то, чтобы выволить вас из заключения, поэтому я не учу вас никакой доктрине, догме, я не прививаю вам никаких убеждений. Я просто пытаюсь вам помочь освободиться от всей ерунды, которая насаждалась вам веками. Если вы можете сбросить чудовищный груз прошлого, если вы можете начать жизнь так, как будто вы первый человек, только тогда существует возможность того, что вы поймете, что такое божественность, что такое свобода, что такое радость. Иначе, грусть станет вашим выбором, и естественно, рано или поздно вы согласитесь с пессимистическим подходом Будды: все есть страдания, все есть боль.

Я полностью отрицаю это, потому что мой собственный опыт утверждает обратное: все есть божественность, все есть благословение. Но это зависит от вас, от того, как вы принимаете жизнь: селективно, через фильтр специальных очков, или свободно, в глубоком доверии, в любви.

Второй вопрос:

Ошо, в прошлом все знаменитые актеры были известны своим богемным образом жизни. Ошо, скажите, пожалуйста, что-нибудь о творчестве и дисциплине.

Сантош Снех, богемная жизнь – единственная жизнь, которую стоит прожить! Все остальные образы жизни лишь тлеют, это скорее медленное самоубийство, чем страстная и интенсивная жизнь. В прошлом бунт был неизбежен для художника, потому что творчество само по себе является величайшим бунтом существования. Если вы хотите творить, вам придется избавиться от всей обусловленности, в противном случае ваше творчество будет не более чем копией, оно будет лишь копией под копирку. Вы можете быть творцом, только если вы индивидуальность; вы не можете творить, будучи лишь частью психологии толпы. Психология толпы не созидательна, это вялотекущая жизнь, она не знает ни танца, ни песни, ни радости, она механична.

Конечно, есть то, чего вы можете добиться от общества только механически: вы можете добиться респектабельности, престижа. Университеты присвоят вам степень, страны будут награждать вас золотыми медалями, в конечном итоге вы сможете стать Нобелевским лауреатом, но все это уродливо.

Настоящий гений отбросит всю эту ерунду, потому что это взяточничество. То, что вам дается Нобелевская премия, просто означает, что ваше служение правящему порядку принимается, что вы ценитесь, потому что вы были хорошим, послушным рабом, что вы не сбились с пути истинного, что вы шли по хорошо протоптанной тропе.

Творец не может идти по проторенной тропе, он должен найти свой собственный путь, он должен углубиться в джунгли жизни, он должен идти один, он должен выпасть из психологии толпы, из коллективной психологии. Коллективное сознание это самое низшее сознание в мире; даже так называемые идиоты несколько превосходят

коллективный идиотизм. Но в коллективности есть и определенные преимущества: людей уважают и чтят, если они утверждают, что коллективное сознание это единственно правильный путь.

Раньше в силу необходимости творческие люди – художники, танцоры, музыканты, поэты, скульпторы – должны были отказаться от респектабельности. Они должны были жить богемной жизнью, жизнью бездельников, только в этом случае у них была возможность творить. Такой необходимости не будет в будущем. Если вы меня понимаете, если вы чувствуете, что то, о чем я говорю, несет в себе истину, то поймете: в будущем каждый должен жить индивидуально, и тогда необходимости в богемной жизни не будет. Богемная жизнь – это побочный продукт постоянной, ортодоксальной, традиционной, респектабельной жизни.

Мое усилие в том, чтобы разрушить коллективное сознание и помочь каждому человеку стать самим собой. Тогда эта проблема исчезнет, тогда вы будете жить так, как вам хочется. На самом деле, человечество родится только в тот день, когда бунт индивидуальности будет признан. Человечество все еще не родилось, оно все еще находится в утробе. То, что вы принимаете за человечество, это всего лишь подделка. Пока мы не дадим свободы каждой личности, абсолютной свободы быть самим собой, возможности существовать по-своему... И, конечно, человек не должен вмешиваться в жизнь других, это тоже часть свободы. Никто не должен вмешиваться в чужие дела.

Но в прошлом каждый совал свой нос в чужие дела – даже в такие, которые считались очень личными, у которых не было ничего общего с обществом. Например, вы влюбляетесь в женщину – что у этого может быть общего с обществом? Это чисто личное дело, оно не для базарной площади. Если двое людей решают сосуществовать в любви, общество не должно вмешиваться в это, но общество вмешивается всеми средствами, косвенно и прямо. Полицейский встанет между влюбленными, магистрат встанет между влюбленными; и, если этого недостаточно, общество создало сверхполицейского, Бога, который позаботится о вас.

Идея Бога это образ чрезмерно любопытного человека, который не оставляет вас в покое даже в ванной, который подсматривает в замочную скважину, наблюдая за тем, что вы делаете. Это уродливо. Все религии мира говорят, что Бог постоянно смотрит на вас – и это уродливо. Что же это за Бог? Что же, ему нечего больше делать, кроме как следить и наблюдать за всеми? Как будто он лучший детектив!

Человечеству нужна новая почва – почва свободы. Богемный образ жизни был реакцией, необходимой реакцией, но если мое видение верно, богема исчезнет, потому что не будет так называемого коллективного сознания, пытающегося доминировать над людьми. Тогда каждый будет накоротке с самим собой. Конечно, никто не будет ни во что вмешиваться; что касается вашей жизни, то вы будете жить, как вам угодно. Только тогда возможно творчество. Ведь творчество – это аромат индивидуальной свободы.

Снех, ты спрашиваешь меня:

Ошо, пожалуйста, скажите что-нибудь о творчестве и дисциплине.

«Дисциплина» – прекрасное слово, но оно неправильно употреблялось, как и другие прекрасные слова неправильно употреблялись в прошлом. Слово «дисциплина» (discipline) имеет общий корень со словом «ученик» (disciple), коренное значение его – «процесс обучения». Тот, кто готов учиться – ученик, а процесс обучения – дисциплина.

Знающий человек никогда не готов учиться, потому что он думает, что уже что-то знает, он очень центрирован в своих так называемых знаниях. Его знания это не более чем пища для его эго. Он не может быть учеником, он не может придерживаться истинной дисциплины.

Сократ говорит: «Я знаю только то, что я ничего не знаю». Это и есть начало дисциплины. Когда вы ничего не знаете, конечно, возникает огромное желание спрашивать, исследовать, познавать. И в тот момент, как вы

начнете учиться, за этим неизбежно последует еще один фактор: что бы вы ни узнали, это должно быть немедленно отброшено, иначе это превратится в знание, которое будет мешать дальнейшему познанию.

Настоящий человек дисциплины никогда ничего в себе не накапливает; в каждый момент он умирает для того, что узнал, снова становясь невежественным. Неведение действительно сияет. Я согласен с Дионисием, когда он называет неведение сияющим. Одно из самых прекрасных ощущений в существовании это ощущение сияющего неведения. Когда вы находитесь в этом состоянии незнания, то вы открыты, преград не существует, вы готовы к исследованию. Индуистам это не удастся – потому что они уже знают. Мусульмане, христиане тоже не могут делать этого. Мои же саньясины могут это, просто потому что я не передаю знание, наоборот, я уничтожаю ваше знание.

Это происходит каждый день... Каждый день я получаю много писем, мне задают много вопросов. Один друг приехал с Запада. Он говорит, что на протяжении трех, четырех лет он читал мои книги и был настолько взволнован, настолько полюбил меня, что захотел приехать так быстро, как это только возможно. И сейчас, наконец, он смог приехать, но здесь его постигло разочарование. На протяжении четырех лет он глубоко любил меня, а сейчас он говорит: «Теперь я не могу сказать, что чувствую то же самое, потому что вы так шокируете меня. Вы раздражаете меня, вы досаждаете мне, вы постоянно разрушаете дорогие мне идеи».

Легко прочитать книгу, потому что она находится у вас в руках. Но я не в ваших руках! Вы можете интерпретировать книгу в соответствии со своими идеями, но вы не можете так же поступить и со мной, я принесу вас столько беспокойства! Он не любил меня, он любил свои собственные идеи, и, находя им поддержку в моих книгах, он жил в иллюзиях.

Но со мной иллюзии обречены на разрушение. Я здесь для того, чтобы разбить все иллюзии дребезги. Да, это будет раздражать вас, это будет досаждать вам – в этом и заключается мой образ действий, мой способ работы. Я разрушу вас до самых корней! Пока вы не будете полностью разрушены как ум, для вас нет надежды.

Дисциплина была неправильно понята. Одни люди говорили другим людям дисциплинировать свою жизнь, делать это, не делать того. Человеку насаждались тысячи мыслей о том, что нужно и не нужно делать, а когда человек живет с этим грузом, он не может быть творческим. Он становится узником; куда бы он ни пошел, он везде наталкивается на стену.

Творческий человек должен освободиться от всех «нужно» и «нельзя». Ему нужна свобода и пространство, ему необходимо все небо и все звезды, только тогда может начать расти его внутренняя спонтанность.

Поэтому помните, мое понимание дисциплины отличается от значения этого слова в Десяти Заповедях, я не навязываю вам никакой дисциплины, я просто даю вам возможность увидеть, как продолжать учиться и никогда не становиться знающим. Ваша дисциплина должна происходить из вашего сердца, она должна быть вашей – в этом-то и есть вся разница. Когда кто-то другой дает вам дисциплину, она никогда не подойдет вам, как если бы вы надели чужую одежду. Она будет велика или мала, и вы всегда будете чувствовать себя в ней немного глупо.

Мухаммед дал мусульманам дисциплину; она могла подходить ему, но никак не может подходить кому-то другому. Будда дал дисциплину миллионам буддистов, она могла подходить ему, но не им. Дисциплина – это индивидуальное явление; когда вы обращаетесь к чужой дисциплине, вы начинаете жить по уже установленным принципам, мертвым принципам. А жизнь никогда не бывает мертвой; жизнь постоянно меняется, это происходит в каждый момент. Жизнь это поток.

Гераклит прав: вы не можете дважды войти в одну и ту же реку. На самом деле, я вам хотел бы сказать, что вы не можете войти в реку даже однажды, река так быстротечна! Человек должен быть начеку, должен смотреть, видеть каждую ситуацию и ее детали, и он должен действовать в соответствии с

моментом, а не в соответствии с уже существующими ответами, данными другими.

Вы видите глупость человечества? Пять тысяч лет назад Ману дал индусам дисциплину, которой они до сих пор следуют. Три тысячи лет назад Моисей сделал то же самое для евреев, и они до сих пор следуют этому. Пять тысяч лет назад Адинатха дал дисциплину джайнам, и они все еще следуют ей. Эти дисциплины сводят с ума весь мир! Они не соответствуют времени, они должны были быть давным-давно похоронены. Вы носите с собой трупы, и от этих трупов исходит зловоние. А когда вы живете в окружении трупов, что же у вас за жизнь?

Я учу вас настоящему моменту, свободе момента и ответственности момента. Что-то может быть верно сейчас и неверно в следующий миг. Не пытайтесь быть последовательным, иначе вы будете мертвы. Только мертвые люди последовательны. Старайтесь быть живыми со всей непоследовательностью, и проживайте каждый миг, не оглядываясь на прошлое и не заглядывая в будущее. Живите в настоящем моменте в контексте этого момента, и ваш отзыв будет тотальным. И эта тотальность прекрасна, эта тотальность и есть творчество. Тогда, что бы вы ни делали, это будет само по себе прекрасно.

Третий вопрос:

Ошо, я обнаружил, что я сам себе скучен, во мне нет сил. Вы сказали, что мы должны принять себя такими, какие мы есть. Я не способен принять жизнь – зная, что я упускаю некоторую внутреннюю радость. Что мне делать?

Боб Лука, мы недавно слышали, что есть новый тип транквилизатора, который не расслабляет, а заставляет изо всех сил напрягаться.

Попробуй его! Попробуй, попробуй и еще раз попробуй – будь американцем! – но не более трех раз. Снова, снова и снова пробуй его, а потом остановись, потому что это бессмысленная глупость.

Ты спрашиваешь меня:

Я обнаружил, что я скучен сам себе...

Это великое открытие. Да, я имею в виду то, что говорю! Очень немногие осознают, что им скучно, а им действительно скучно, совершенно скучно. Об этом знают все, кроме них самих. Узнать, что тебе скучно – это великое начало; теперь следует понять некоторые нюансы.

Человек – единственное существо, которое чувствует скуку, это большая привилегия, это часть достоинства человеческих существ. Вы когда-нибудь видели буйвола или осла, которые бы скучали? Им не скучно. Скука просто означает, что ваш образ жизни неверен, поэтому это понимание того, что вам скучно; надо что-то сделать, необходимо какое-то изменение. И оно может стать великим событием. Не думайте, что это плохо, когда вам скучно, это хороший знак, хорошее начало, очень благоприятное начало. Но не останавливайтесь на этом.

Почему человеку становится скучно? Ему становится скучно, потому что он жил по мертвым образцам, которые дали ему другие. Откажитесь от них, выйдите за их рамки! Начните жить, по-своему.

Только подлинный человек не чувствует скуки, фальшивый человек на нее обречен. Христианину будет скучно, джайну будет скучно, коммунисту будет скучно, потому что они разделяют жизнь на две части. Их настоящая жизнь подавляется, и они живут другой, притворной, ненастоящей жизнью. Эта ненастоящая жизнь и создает скуку. Если вы делаете то, что должны делать, вам никогда не будет скучно.

В тот день, когда я покидал дом чтобы поехать в университет, мои родители – отец и другие домашние, все они хотели, чтобы я стал ученым – для ученого было открыто широкое будущее – или, в конце концов, доктором, или инженером. Я наотрез отказался. Я сказал: «Я собираюсь делать то, что

я хочу, потому что я не хочу жить скучной жизнью. Я могу добиться успеха как ученый, я могу добиться уважения, денег, власти, положения, но глубоко внутри мне будет скучно, потому что это не то, чем я хотел бы заниматься».

Они были потрясены, потому что не видели никаких перспектив в изучении философии; это самый бедный предмет в университетах. Они неохотно согласились, зная, что я упускаю свое будущее, но в конце концов они обнаружили, что ошибались.

Дело не в деньгах, власти и положении; дело в том, чем вам внутренне свойственно заниматься. Делайте это, несмотря на результаты, и ваша скука исчезнет. Следуйте чужим мыслям, делайте все правильно, делайте все как следует. Это и есть начало скуки.

Всему человечеству скучно, потому что человек, который должен был стать мистиком, стал математиком, человек, который должен был стать математиком, стал политиком, человек, который должен был стать поэтом, стал бизнесменом. Каждый становится кем-то другим, никто не находится на своем месте. Нужно рискнуть. Скука может исчезнуть в один миг, если вы готовы рискнуть.

Боб Лука, ты спрашиваешь меня:

Я обнаружил, что я скучен самому себе...

Ты скучен самому себе, потому что ты не был откровенен с самим собой, ты не был с собой честен, ты не был почитителен.

И ты говоришь:

...во мне нет сил.

Как почувствовать силы? Силы приходят только тогда, когда ты делаешь то, что хочешь делать, что бы это ни было.

Винсент Ван Гог был безмерно счастлив, только когда рисовал. Ни одна картина не была продана, никто не ценил его, он голодал, умирал, потому что его брат давал ему такую сумму денег, на которую едва можно было выжить. Четыре дня в неделю он голодал, а три дня ел. Ему приходилось голодать четыре дня в неделю, потому что ему нужно было покупать полотно, краски и кисти. Но он был безмерно счастлив – его силы не убывали.

Он умер, когда ему было всего тридцать три года, он покончил жизнь самоубийством, но его самоубийство, Боб Лука, намного лучше, чем твоя так называемая жизнь, потому что он совершил его только тогда, когда написал картину, которую хотел написать.

В тот день, когда он закончил писать солнечный закат – а это было его самым большим желанием – он написал письмо, в котором говорилось: «Моя работа закончена, я выполнил все. Я покидаю этот мир совершенно удовлетворенным». Он покончил с собой, но я бы не назвал это самоубийством. Он жил тотально, он жег свечу своей жизни одновременно с двух концов с поразительной интенсивностью.

Боб Лука, ты можешь прожить сотню лет, но твоя жизнь будет просто сухой костью, грузом, мертвым грузом.

Ты говоришь:

Ошо... ты говоришь, что мы должны принять жизнь такой, какая она есть. Я не способен принять жизнь – зная, что я упускаю некоторую внутреннюю радость.

Когда я говорю вам принять себя, я не имею в виду принять свой образ жизни, не пытайтесь неправильно понять меня. Когда я говорю вам принять себя, я имею в виду, что надо отбросить все остальное – и принять себя. Но вы, должно быть, поняли это по-своему. Так все и происходит...

Марсианин посадил свою тарелку посреди Манхэттена, и сразу же наткнулся на нищего:

«Мистер», - сказал он, - «не дадите ли вы мне четвертак?»

Марсианин спросил: «Что такое четвертак?»

Нищий подумал с минуту, а потом ответил: «Вы правы. Дайте мне лучше полтинник».

Я не говорил того, что вы поняли. Отбросьте все, что было навязано вам - я не говорю вам принять это. Примите свою внутреннюю суть, которую вы принесли с собой из запредельного, и тогда вы не будете чувствовать, что что-то упускаете. В тот момент, когда вы принимаете себя безо всяких условностей, неожиданно приходит радость. Ваши соки приходят в движение, жизнь становится действительно экстаичной.

Друзья одного молодого человека думали, что он умер, но он был лишь в коме. Он стал подавать признаки жизни как раз в тот момент, когда его уже собрались хоронить.

Его спросили, что значит чувствовать себя мертвым.

«Мертвым!» - воскликнул он, - «Я не был мертв. Я все время понимал, что происходит. И я знал, что не умер, потому что у меня замерзли ноги, и я был голоден».

«Но почему ты из этого заключил, что ты жив?» - спросил один из любопытных.

«Ну, я знал, что если бы я был на небесах, я бы не был голоден, а если бы был в другом месте, мне не было бы холодно».

Одно можно сказать определенно, Боб Лука - вы еще не умерли: вы чувствуете голод, у вас мерзнут ноги. Просто встаньте и немного побегайте!

Бедный человек, безо всякого образования и социальных благ, влюбился в дочь миллионера. Она пригласила его в свой элегантный особняк, чтобы познакомиться со своими родителями. Он был напуган богатой обстановкой, слугами и другими знаками благосостояния, но каким-то образом он умудрился выглядеть непринужденно - до тех пор, пока не подошло время обеда. Сев за массивный стол и разомлев от вина, он громко рыгнул.

Отец девушки поднял глаза и посмотрел на собаку, лежащую в ногах молодого человека.

«Пират!» - сказал он угрожающим голосом.

Бедняга вздохнул с облегчением, но через несколько минут он снова рыгнул.

Отец девушки посмотрел на собаку и снова сказал, более громким голосом: «Пират!»

Через несколько минут молодой человек рыгнул в третий раз. Лицо богатого человека покраснело от ярости. Он взревел:

«Пират! Убирайся оттуда к черту, пока он не испачкал тебя!»

Боб Лука, у тебя еще есть время - чтобы выбраться из заключения, в котором ты жил до сих пор! Для этого нужно лишь немного смелости, лишь немного азарта. И помни, что терять нечего. Ты можешь потерять только свои оковы, ты можешь потерять это чувство скуки, можешь потерять это постоянное чувство неудовлетворенности. Что еще ты можешь потерять? Выберись из западни и прими свое собственное существо - несмотря на Моисея, Иисуса, Будду, Махавиру, Кришну. Прими самого себя. Ты ответственен не перед Буддой, не перед Заратустрой, или Кабиром, или Нанаком, ты ответственен только перед самим собой.

Будь ответственным - и когда я употребляю слово «ответственный», пожалуйста помни, что не надо искажать его. Я не говорю о твоём долге, о твоих обязанностях. Я просто использую это слово в его буквальном смысле: отвечай реальности, будь ответственным.

Ты, должно быть, прожил безответственную жизнь, выполняя все то, чего ждали от тебя другие. Что же здесь терять? Тебе скучно - это хорошая

ситуация. Ты упускаешь сам сок, что же еще тебе нужно, чтобы выбраться из тюрьмы? Выпрыгни из нее, не оглядывайся!

Люди говорят: подумай дважды перед тем, как прыгнуть. Я говорю: сначала прыгай, а потом думай сколько тебе угодно!

Четвертый вопрос:

Ошо, может ли сумасшедший стать Буддой?

Ананд Наванит, только сумасшедший и может стать Буддой! Так называемые здравомыслящие люди могут стать, самое большее, буддистами, но не Буддами, они могут стать христианами, но не Христами. Только сумасшедший...

Мое приглашение только для сумасшедших. Я проводник сумасшедших к просветлению.

Группа философов, сидящих в русской тюрьме, решила бежать. У них была копия ключа, поэтому они ждали ночи, чтобы совершить побег. В полночь один из них пошел открывать дверь, но через несколько минут вернулся с выражением разочарования на лице.

«Что случилось?» – спросили его остальные.

«Наш план бесполезен. Мы не можем бежать – сумасшедший ночной надзиратель забыл закрыть дверь, и я не могу воспользоваться ключом!»

Философы не могут стать Буддами! Для этого у них кишка тонка.

Когда Иисус висел на кресте, мимо проходил философ. Он остановился, посмотрел на Иисуса и спросил: «Что ты здесь делаешь?»

Иисус кивнул головой налево, потом направо, и сказал: «Я вижу здесь с этими друзьями!»

Философ продолжил: «Ну, если ты хочешь, я мог бы взять лестницу и снять тебя».

«Я был бы очень благодарен», – ответил Иисус.

Через полчаса философ вернулся с лестницей, залез на крест, вытащил гвоздь из правой руки, потом из левой...

Иисус упал головой вниз и закричал: «Ноги, идиот! В следующий раз начинай с ног!»

Последний вопрос:

Ошо, я хочу раствориться полностью и окончательно в совершенной любви. Что я должен сделать?

Дхармо, сама идея раствориться полностью и окончательно требует слишком многого. Будь немного более человечным, не стремись к невозможному. Эта невозможность без необходимости приводила людей в состояние истерии, и мы жили под грузом ненужных ценностей на протяжении веков. Мы выучили слова и продолжаем повторять их как попугаи, не вдумываясь в смысл.

Будь человеком, не стремись к совершенству, потому что любое стремление к совершенству приводит к неврозу. Будь человеком и прими всю хрупкость и ограниченность человеческого существа. Почему ты должен хотеть совершенно раствориться? Для чего? Чего ты хочешь этим добиться? Если это можно сделать, – хорошо, что это невозможно – я говорю лишь умозрительно, что если это возможно, ты придешь и скажешь: «Теперь я чувствую себя очень одиноким, совершенно растворившись, абсолютно потерянным, окончательно потерянным!» Ты сразу же захочешь вернуться обратно, чтобы снова почувствовать вкус жизни.

Хорошо встречать и растворяться, но зачем делать это чем-то окончательным? Зачем употреблять эти ничего не значащие слова? Разве не достаточно раствориться на мгновение, а потом вернуться домой? Тогда в

этом есть ритм: вы растворяетесь, вы наслаждаетесь этим, потом вы возвращаетесь. Это создает ритм, который всегда богаче. Если вы просто растворитесь, ритма не будет, не будет музыки, не будет танца. Это на самом деле будет смертью, не жизнью.

Весь мой подход направлен на то, чтобы научить вас быть человеком. На протяжении веков вам говорили, что вы должны стать сверхчеловеком. Я воспеваю вашу человечность. Для меня человечность это синоним божественности.

Совершенно прекрасно потеряться, а потом снова найти себя, чтобы вы снова могли потеряться. Создайте ритм, теряйтесь, снова находите себя. Жизнь – это музыка, а музыка возможна только если и то и другое продолжается, иначе она будет монотонной.

Дхармо, я не могу помочь тебе потеряться полностью, совершенно, абсолютно. Я люблю миг, я люблю быстроту мига. Я очень не люблю такие слова, как «окончательно», они не несут смысла, это слова притворства.

Абсолютное не имеет никакого смысла, в цветке розы больше смысла, он не абсолютен: утром он растет, вечером его больше нет. В этом его красота – она недолговечна. Это чудо! Совершенная роза будет искусственной, она всегда будет существовать, но из-за того, что она не сможет умереть, она и не сможет быть живой.

Вы должны научиться терять себя, возвращаясь к себе и снова теряясь – близость любви и расстояния. Любое расстояние в любви создает желание быть ближе. Если вы все время вместе и не можете разделиться, ваша любовь превратится в кошмар.

Подумайте над этим, Дхармо, это прекрасная притча. Только я могу сказать, что это притча.

Розали Мазолли, урожденная Адельштайн, вышла замуж за карлика. Некоторое время у них все шло хорошо, но однажды Розали обратилась в суд, требуя развода с маленьким Харри.

«Конечно, миссис Мазолли, вы знали, что ваш муж карлик, когда выходили за него?» – спросил ее судья. – «Почему же теперь вы хотите развестись с ним? Разве вы не знали, что эта проблема рано или поздно возникнет?»

«О, ваша честь», – всхлипнула Розали, – «как же я могла это знать? Все, за исключением секса, было прекрасно».

«За исключением секса?» – переспросил судья. – «Какая может быть связь между его ростом и сексом?»

«Ну», – продолжила она со слезами, – «когда мы нос к носу, то там его ноги, когда мы нога к ноге, там его нос, а потом он там, он и вовсе исчезает и, Ваша Честь, мне становится так одиноко!»

Нет необходимости в том, чтобы совершенно, абсолютно потеряться. Расслабьтесь – хорошо однажды потеряться. Потеряйтесь и вновь найдите себя. Это прекрасная драма, это существование, терять и находить себя вновь. Отбросьте такие слова как «окончательно», «абсолютно», «совершенно», все эти слова изобретены философами. Жизнь мгновенна, жизнь всегда здесь и сейчас. Проживите ее во всей хрупкости человеческого существа, хрупкости цветка розы, и вы познаете все великолепие в моменте – не в вечности. Оно всегда сейчас и всегда здесь! Не отвергайте мгновенное, радуйтесь ему, наслаждайтесь, чтобы оставить.

ГЛАВА 10

РАСТВОРЯЯСЬ В МОИХ ЛЮДЯХ
(10 марта 1981 года, утро)

Первый вопрос:

Ошо, здесь часто задаются вопросы об ашраме... Здесь все так наполнено жизнью и творчеством, музыкой и искусством, и многие волнуются о том, что произойдет, когда ты уйдешь. Когда ты покинешь свое тело, станет ли ашрам мертвой институцией, и будешь ли ты обожествлен и забыт?

Биной Томас, меня волнует непосредственно существующее, это мгновение. За пределами этого мгновения ничего не существует. Единственное время, которое существенно, это сейчас, а единственное место, которое имеет значение, это здесь. Поэтому я не волнуюсь о том, что случится в будущем – ни прошлое, ни будущее не имеют никакого значения. Но таков путь ума: ум может лишь думать в терминах будущего или прошлого, ум не может испытать настоящее; он постоянно уходит от настоящего. Ум подобен маятнику: он движется налево, до конца налево, или направо, до конца направо. Он или левый, или правый – а весь мой подход в том, чтобы быть точно в середине. Слово, которое использовал для середины Гаутама Будда, прекрасно: он называл его маджхима никайя, путь точной середины. Если вы можете остановить маятник посередине, часы останавливаются. Часы представляют собой ум, и не только в буквальном смысле, не только как метафора; ум это время. Время состоит из двух, а не трех частей. Настоящее это не часть времени; прошлое это время, будущее это время. Настоящее есть проникновение за пределы мира времени.

Можно думать о времени как о горизонтальной линии, за А следует Б, за Б следует В, за В следует Г, и так далее и тому подобное – это линейная прогрессия. Существование не горизонтально, существование вертикально, существование не движется по линии, – от А до Б, от Б до В – существование движется по нарастающей, от А к более глубокому А, от более глубокого А к еще более глубокому А. Оно погружается в мгновение. Время, состоящее из прошлого и будущего, есть язык ума – а ум может только создавать проблемы, он не знает решений. Все проблемы, которыми обременено человечество, есть изобретение ума. В существовании есть тайна, а не проблема. Она должна быть не решена, она должна быть прожита.

Я живу в этом мгновении. Я несколько не волнуюсь о том, что случится позже. Вам это может показаться очень безответственным, потому что мой критерий ответственности диаметрально противоположен идее людей о так называемой ответственности. Я ответственен перед этим мгновением, перед существованием – и ответственен не в том смысле, что я ему что-то должен, я ответственен в том смысле, что я отвечаю тотально, спонтанно. Какова бы ни была ситуация, я полностью созвучен ей. Когда я жив, я жив. Когда я умру, я буду мертв. Я не вижу здесь никаких вопросов.

Но я понимаю твой вопрос, Биной Томас. Ты говоришь:

Ошо, здесь часто задаются, вопросы об ашраме...

Люди, которые задают этот вопрос, мертвы, иначе, зачем им беспокоиться о будущем? Они не приходят в ашрам, они не приходят ко мне, они не участвуют в том, что происходит здесь – они беспокоятся о будущем! Они очень тревожатся о будущем – что произойдет? Вопрос вот в чем: что происходит?

И люди, которые задают подобные вопросы, глупы. Собираются ли они жить вечно? Они беспокоятся обо мне и о моей работе, как будто они собираются быть здесь вечно. Я здесь лишь мгновение, вы здесь лишь мгновение. Если встреча возможна, случается потрясающая красота. Но эти дураки продолжают думать настолько хитро, что они не только обманывают других, им удается даже обмануть себя. Сейчас они осуждают меня, сейчас они критикуют меня, и все же, они показывают огромную любовь – что случится, когда меня уже не будет здесь?

В то мгновение, когда я умираю, весь мир умирает для меня. Тогда, что бы ни случилось, случится. Я не принимал на себя всей ответственности за существование. Кто может ее принять? Но были люди, которые попытались

сделать это, и им не удалось. Например, Гаутама Будда – один из наиболее прекрасных людей, которые когда-либо ходили по земле – он очень беспокоился о том, чтобы не возникло никакой религии, когда он покинет мир, чтобы ему не поклонялись, чтобы ему не воздвигали статуй. Он подчеркивал это вновь и вновь всю свою жизнь, сорок два года он постоянно проповедовал людям о том, что ему не нужно поклоняться, и это принесло противоположный результат. Чем больше он говорил: «Не поклоняйтесь мне», тем больше люди чувствовали, что этому человеку нужно поклоняться.

Это закон обратного эффекта. В мире существует больше статуй Будды, чем кого-либо другого, а он был против статуй. Было создано так много статуй Будды, что в урду, арабском и других мусульманских языках само слово «будда» стало синонимом статуи, с небольшим изменением – «будх». "Будх" значит «статуя», это слово происходит от «будды». Тысячи статуй... А этот человек подчеркивал: «Не ставьте статуй!»

Фактически, не нужно было делать на этом ударения. Само ударение на этом было ошибочным. К чему ему было заботиться о будущем? Когда вас больше нет, само желание контролировать будущее в соответствии с вашими идеями есть политика. Люди пытаются контролировать будущее, пока они живы, и хотят контролировать человечество, даже когда они умрут. Я никого не контролирую – я не политик. Я совершенно не интересуюсь тем, чтобы контролировать кого-то сегодня или завтра.

Нечто подобное было сделано Джидду Кришнамурти – в течение пятидесяти лет он постоянно повторял: "Я не ваш гуру", но если вы не гуру, почему вы повторяете это пятьдесят лет? В этом, должно быть, что-то есть. Он боялся, существовал страх – он знал, что ему будут поклоняться. Он знал, что уже существуют люди, которые думают о нем как о своем гуру. И чем больше он выходил из себя, тем больше эти дураки думали: «Это настоящий гуру! Посмотрите, какой он скромный – ни претензий, ни желаний, ни амбиций быть святее, чем мы». Подумайте над этим.

Кришнамурти вновь стал делать то, что делал Будда. Он в этом совершенно не оригинален; это старая игра. Фактически, умы людей работают очень странно. Господь сказал Адаму и Еве: «Не ешьте плода с древа познания», а они съели его. В то мгновение, когда вы говорите «нет», что-то глубоко в человеческом сердце начинает интересоваться этим; возникает глубокий интерес. Поэтому я никому не говорю: «Пожалуйста, не поклоняйтесь мне».

Когда меня здесь не будет, что я могу сделать? Дураки есть дураки. Поклоняются ли они мне или кому-либо еще, не имеет большого значения. Если они хотят поклоняться, они будут поклоняться.

И, Биной Томас, задумался ли ты о том, кто эти люди, задававшие тебе этот вопрос. Должно быть, они индуисты, мусульмане, христиане, джайны, буддисты. Кто эти люди? Если они так беспокоятся обо мне, отбросили ли они Кришну? Отбросили ли Мухаммеда? Отбросили ли они Будду? Если бы они были честными и искренними, они должны были отбросить все религии. Но они продолжают носить свои Библии, Веды, своих Махавир и Заратустр, и все же они заботятся только обо мне. А где же все их религии? Индуизм? Джайнизм? Ислам?

Все эти учреждения мертвы, лишь человек жив. Никакая институция никогда не жива. Как она может быть живой? По самой своей природе она мертва.

Поэтому в следующий раз, когда эти люди зададут тебе этот вопрос, спроси их, кто они. Принадлежат ли они к какой-либо институции, религии, теологии? Если они принадлежат, тогда у них нет права задавать этот вопрос. А если они не принадлежат, тогда им не нужно будет его задавать. Они увидят, что интеллигентные люди никогда не воспримут мертвые институции. Но не интеллигентные люди обречены на то, чтобы жить в них – вы никоим образом не можете сменить ярлык. Они живут в тысяче и одной институции. Что такое брак? – это институция. А лишь ненормальные люди живут в институциях. Брак мертв. Что есть ваша семья? А ваша нация?

А ваша раса? – все это институции. Но это странная вещь: люди продолжают задавать такие вопросы, не думая даже, что эти вопросы указывают на них самих.

Что касается меня, я совершенно не заинтересован в следующем мгновении. Даже если это предложение останется незавершенным, я не приложу никаких усилий, чтобы завершить его. Я даже не поставлю в нем точки. Я не имею желаний господствовать, но я не могу идти и говорить людям: «Не поклоняйтесь мне», потому что это способ создать поклонение.

Нужно понять весь механизм безумия людей.

Например, Иисус говорит: «Блаженны нищие... потому что им принадлежит Царствие Божье», И две тысячи лет многие люди пытались быть нищими из-за этой простой причины – потому что так они могли достичь Царствия Божьего. Видите ли вы противоречие? «Блаженны нищие... потому что им принадлежит Царствие Божье», Тогда какая же это нищета, если она приносит вам Царствие Божье? Тогда это хороший толчок, серьезная мотивация для жадности. Если бы Иисус был в самом деле прав, он мог бы сказать так: «Блаженны нищие, потому что они нищие». Зачем нужно было говорить: «...потому что им принадлежит Царствие Божье»? Все хотят наследовать Царствие Божье; все хотят наследовать неземные сокровища. И если нужно быть бедным и жертвовать ради этого, то оно этого стоит.

Люди делают это постоянно. Человеку нужно более четко и ясно посмотреть на то, что ему говорилось и то, что он делал.

Люди всегда не понимают. Пока Мастер жив, они не приходят к нему, потому что Мастер жив, и им не будет позволено не понять. Они придут к нему лишь, когда его уже не будет, потому что мертвого Мастера можно контролировать, им можно манипулировать.

Как раз несколько лет назад умер так называемый джайнский святой Канжисвами. Ему так сильно поклонялись джайны, что они даже говорили: «В следующем круге существования, в следующем творении, он вновь будет первым тиртханкарой, основателем джайнизма». Когда он умер – я видел фотографии, кто-то прислал их мне – джайны пытались уложить его в определенной позе, потому что тиртханкара или будущий тиртханкара должен умереть в позе лотоса. Наверное, они поломали ему все кости. По крайней мере, дюжина людей пыталась усадить мертвое тело в позу йоги. Конечно же, вы не можете этого сделать, пока человек жив, он станет громко кричать.

Когда он был жив, он носил одежду, но согласно джайнам, человек достигает высшей свободы лишь, когда он умирает обнаженным, поэтому они сняли одежду, и, конечно же, труп не может помешать этому. Одежда снята, он уложен в позу лотоса, и последователи счастливы. И это повторяется.

Горничная казалась удовлетворенной своей работой, но вдруг она сказала, что она увольняется на следующий день.

«Почему вы хотите уволиться?» – спросила ее хозяйка. – «Что-то не так?»

«Я не могу задерживаться в этом доме больше ни минуты», – ответила горничная.

«Задерживаться? Что вы имеете в виду?»

«Над моей кроватью висит надпись: "Бдите, ибо не знаете вы, когда придет господин"».

В то мгновение, когда мастер ушел, у вас остаются только слова. Словами можно манипулировать, их можно интерпретировать, их можно подсвечивать, их можно окрашивать в соответствии с вашими предрассудками. Но, Биной Томас, что касается меня, это будет невозможно, – по многим причинам это будет невозможно.

Во-первых, я человек, который последовательно непоследователен. Нельзя создать догму из моих слов; любой, кто попытается создать догму или веру из моих слов, сойдет с ума! Вы можете создать догму из Махавиры – он очень последовательный человек, очень логичный. Вы можете создать философию из Будды – он очень математичен. Вы можете создать философию из

Кришнамурти – пятьдесят лет он просто повторял одно и то же снова и снова; у него нельзя найти никакой непоследовательности. С одной стороны, он говорит: "Я не ваш мастер, не ваш гуру. Не зависьте от меня", но на тонком плане он создает целую философию, – которая настолько последовательна, в полной мере последовательна, что ее узником хотел бы стать каждый, настолько она здравая.

Со мной это невозможно: я живу в мгновении, и все, что я говорю сейчас, справедливо только для этого мгновения. Я не обращаюсь к прошлому, я совсем не думаю о будущем. Поэтому мои утверждения атомарны, они не являются частью системы. А мертвую институцию можно создать лишь, когда философия очень систематична, когда погрешностей найти нельзя, когда все сомнения разрешены, все вопросы растворены, и вам дается готовый ответ на все в жизни.

Я так непоследователен, что вокруг меня невозможно создать мертвую институцию, потому что мертвая институция нуждается в инфраструктуре мертвой философии. Я не учу вас никакой доктрине, я не даю вам никаких принципов; напротив, я пытаюсь отнять у вас все философии, которые вы носили с собой. Я разрушаю ваши идеологии, веры, культы, догмы, и я не заменяю их ничем другим. Мой процесс – это чистое разобусловливание. Я не пытаюсь обусловить вас. Я оставляю вас открытыми.

Поэтому вы можете это увидеть здесь: все мои саньясины это уникальные индивидуальности. Им не нужно никаких моделей, к которым бы они подгоняли себя. Нет никаких «можно» и «нельзя», нет никакой жесткой структуры, но лишь текучесть. Я не даю вам десяти заповедей, я не даю вам подробных инструкций о том, как жить, потому что я верю в индивидуума, в его достоинство и свободу. Я делюсь моим видением – это моя радость. Но я делюсь им не для того, чтобы заставить вас жить согласно ему.

Кришнамурти постоянно говорит: «Не следуйте за мной. Не имитируйте меня», но с другой стороны, когда люди не следуют ему, он очень раздражается. Это довольно тонко. Например, он говорит: «Не следуйте мне», а люди следуют ему. Тогда он раздражается. Если ты в самом деле искренен, тогда ты можешь сказать: «Не следуйте мне», но если люди хотят следовать тебе, как ты можешь помешать им? Ты уже сказал, что хотел. Теперь это зависит от них, делать или не делать этого. Ты не их мастер. Поэтому если они хотят следовать тебе, ты не можешь помешать им. Если ты мешаешь им, это означает, что ты заставляешь их следовать твоей идее о не-следовании.

Он очень раздражался... Как раз несколько дней назад он был в Бомбее, и я сказал моим саньясином, что, где бы он ни был, они должны поехать туда и сесть впереди. А в то мгновение, когда он видит людей в оранжевом, он немедленно становится непросветленным! Он начинает кричать. К чему это раздражение? Должно быть, глубоко внутри у него есть желание контролировать. Кто вы такой, чтобы запрещать кому-то носить оранжевое? Если кто-то хочет носить оранжевое, тогда это его выбор. Тонкая стратегия, очень тонкая стратегия, направленная на то, чтобы манипулировать, доминировать, обладать.

Я просто делюсь своим видением, своей радостью. Я наслаждаюсь этим, и я приветствую каждого, кто хочет наслаждаться со мной. Естественно, когда я уйду, будет несколько дураков, которые попытаются это рассчитать, создать систему, хотя я сделал это практически невозможным. Но дураки есть дураки. Они могут попытаться сделать невозможное.

Бертран Рассел сказал: «Странным фактом в истории является то, что ни одна религия не была основана человеком, обладающим чувством юмора», фактически, обладать чувством юмора и создавать религию есть вещи, противоречащие друг другу. Религии созданы грустными людьми – вытянутые лица, практические мертвые. Бертран Рассел уже мертв, иначе я бы сказал ему: «приди и посмотри».

В прошлом этого не случилось, и я согласен с ним, потому что Махавира был серьезен, Иисус был серьезен, Мухаммед был серьезен, Шанкарачарья был серьезен... И кажется, Рассел был прав; эти грустные люди создали мертвые институты всех религий. Но здесь происходит нечто совершенно другое. Я не пытаюсь создать религию, я не могу сделать этого, потому что сама идея создания религии уродлива. Но я высвобождаю в вас чувства юмора, глубокий смех. Для меня смех более свят, чем молитва, танец более духовен, чем воспевание мантр; любить существование намного более божественно, чем ходить в церковь или храм. Стать полностью никем, чистым ничто, более важно, чем стать святым. Невинность, чувство юмора, радостное участие в жизни... Вы не можете создать мертвую институцию вокруг такого живого опыта. Для создания мертвой институции требуется нечто мертвое. Она создана из трупов ваших святых. Весь мой подход несерьезен – искренен, но не серьезен.

Коммивояжер никак не мог найти гостиницу в маленьком городке. Когда он уже бы готов уехать, клерк сказал ему:

«Мне кажется, я могу помочь вам. Комната номер десять двухместная, и одно место занято женщиной. Ее кровать огорожена ширмой, и она не храпит во сне. Если вы быстро займете свое место, все будет отлично». Предложение было с радостью принято. Через двадцать минут коммивояжер спустился вниз, очень взволнованный. «Господи, Боже мой!» – кричал он. – «Женщина в кровати мертва!»

«Я знаю об этом», – сказал клерк. – «Но вы-то как это обнаружили?»

Люди любопытны, очень любопытны. Биной Томас, ты говоришь:

Здесь все так наполнено жизнью и творчеством, музыкой и искусством, и многие волнуются о том, что произойдет, когда ты уйдешь.

Скажи этим глупцам, чтобы они приезжали сюда, пока все живо. Когда ты видишь прекрасную розу, ты не начинаешь думать: «Что случится, если роза завянет к вечеру? Когда ее лепестки увянут и опадут на землю, к своему первоначальному источнику – что случится тогда?» Ты не беспокоишься об этом. Ты радуешься цветку, ты танцуешь с ним на ветру, под дождем, на солнце. Ты видишь птицу в полете, парящую высоко в небе, направляющуюся к звездам. Ты не думаешь: «Что случится, когда птица умрет?» Ты наслаждаешься этим. И, как ни странно, именно эти люди создают мертвые институции, потому что когда птица жива, когда она поет и летает высоко в небе, они боятся подойти ближе. Когда птица мертва, они могут сделать прекрасную золотую клетку – храм, синагогу, церковь – и тогда они могут поклоняться. Мертвое слово не опасно.

Именно те люди, которые беспокоятся о том, что произойдет, создают мертвые институции. Мои люди не могут создать мертвую институцию – это невозможно. Те, кто общался со мной, выучили одно абсолютно и категорически: жизнь не может быть сведена к институциям, в то мгновение, когда вы попытаетесь свести ее к институциям, вы разрушите ее. Поэтому когда я жив, они будут праздновать. Когда я уйду, они будут продолжать праздновать. Они будут праздновать мою жизнь, они будут праздновать мою смерть, и они останутся живы. Помните, религии созданы виноватыми людьми, а я не создаю здесь никакого чувства вины.

Есть определенный механизм... Если бы Иисус не был распят, не возникло бы вообще никакого христианства. Подлинным основателем христианства был не Иисус Христос, а первосвященник Иерусалима и Понтий Пилат. Эти два человека в сговоре с Иудой создали христианство. Это настоящая «святая троица», Иисус Христос это лишь повод.

Распните такого человека как Иисус, и вы никогда не сможете простить себя; вы будете чувствовать вину. Вам будет казаться, что ваши руки красны от крови Иисуса. Что же нужно сделать, чтобы ликвидировать эти раны, это чувство вины? Единственный способ, это двигаться к противоположному – к поклонению. Я не приношу

себя в жертву, поэтому нет возможности поклоняться мне. Я живу радостно – никому не нужно чувствовать вину в отношении меня; для этого нет никакой причины. Если бы я начал жить голым, если бы я начал поститься, если бы я начал ходить по дорогам босиком, если бы я начал побираться, тогда я создал бы чувство вины, тогда бы я создал в вас тонкий механизм. Что-то было бы в вас затронуто, и в конце концов, вы нашли бы утешение только в том, чтобы поклоняться мне.

Махавире поклоняются, потому что он ходил голым; он истязал себя, страдал. Будде поклоняются, потому что он был королем и отказался от всех своих удовольствий. Я не отказался ни от чего. Фактически, я родился бедняком, а живу как король. Мне не нужно поклоняться, потому что мне не нужно ничего компенсировать. Я не создаю ни в ком никакой вины. Я не мучаю себя.

Вы можете легко простить себя, не к чему продолжать носить чувство вины.

Сам вопрос о том, что случится в будущем, политический. Политика всегда волнует будущее.

Видного политика укусила собака, но он не придавал этому значения до тех пор, пока не заметил, что лечение раны займет долгое время. В конце концов, он проконсультировался с доктором, который взглянул на него один раз и приказал привести собаку. Как он и подозревал, собака была больна бешенством. Поскольку начинать колоть пациента, было уже поздно, доктор почувствовал, что нужно подготовить его к худшему.

Политик сел за стол доктора и начал писать. Врач попытался утешить его: «Возможно, все не так плохо. Вам не нужно писать сейчас завешание».

«Я и не пишу никакого завешания», – ответил политик. – «Я просто составляю список людей, которых я должен искушать».

Меня совершенно не интересует будущее. Этого мгновения уже более чем достаточно. Оно переполняет. Я наслаждаюсь им. Это мой образ жизни: жить от мгновения к мгновению, я не пророк, я не пришел сюда, чтобы определить судьбы человечества в будущем – эта ерунда совершенно мне нужна. Кто я такой, чтобы определять будущее человечества? Я живу в этом мгновении, радостно; этого достаточно. И люди, которые будут приходить, найдут свой путь в жизни. Страдать или радоваться – все зависит от их интеллигентности. Я не могу ничего определять, но мой способ работы таков, что невозможно создать философию, догму, вероучение, церковь, абсолютно невозможно.

Восьмидесятипятилетний Вилли Джонс зашел в местный бар, чтобы выпить и поговорить с друзьями. О мистере Джонсе говорил весь город, потому что он недавно женился на прекрасной девятнадцатилетней девушке. Друзья угощали старика выпивкой в надежде вытянуть из него рассказ о его первой ночи. И наконец он стал рассказывать: «Мой младший сын донес меня до кровати и положил рядом с молодой невестой. Мы провели ночь вместе, и затем три сына сняли меня с кровати». Тут все вокруг стали спрашивать, почему три сына снимали его, если только один положил. Он гордо ответил: «Я боролся с ними».

Живите каждое мгновение тотально. Ты спрашиваешь меня, Биной Томас:

Здесь все так наполнено жизнью...

Здесь все наполнено жизнью, потому что мы живем здесь и сейчас. Все наше видение принадлежит здесь и сейчас. Мы не заглядываем за пределы этого, потому что за пределами ничего не существует. Все, что приходит, это всегда сейчас. Время это изобретение. Сейчас это реальность. Это творчество происходит по той простой причине, что мы устранились из

прошлого и будущего. Вся наша энергия остается незаблокированной или в прошлом, или в будущем. Когда вы уводите всю свою энергию от прошлого и будущего, происходит огромный взрыв. Этот взрыв есть творчество. И это лишь начало – каждый день, каждое мгновение все становится более интенсивным, более страстным. Но мы не пытаемся никоим образом контролировать будущее.

Я не пророк, не мессия. Для меня претензии Иисуса Христа и подобных людей выглядят детскими: они пришли избавить все человечество от его грехов. Кришна говорит в Гите: «Когда религия будет утрачена, я вернусь». Для меня все это ерунда. Не нужно никому приходить; люди, которые находятся здесь, позаботятся о себе. Я готовлю моих людей жить радостно, экстаично. Поэтому когда меня здесь не будет, для них это не будет иметь никакого значения. Они будут жить также – и возможно, моя смерть принесет большую интенсивность в их жизнь. Смерть это всегда прекрасный фон, который делает вашу жизнь более интенсивной. Но мой ашрам никогда не станет мертвой институцией. А если станет, то он не будет моим ашрамом. Ты спрашиваешь меня:

Когда ты покинешь свое тело, станет ли ашрам мертвой институцией, и будешь ли ты обожествлен и забыт?

Я не оставляю никому ничего. Я провозгласил себя Ошо – блаженным. Я не оставляю никому ничего. Почему я должен оставлять это кому-то? Я знаю, что я блаженный – и лишь я могу знать. Как может кто-то другой знать это? И я хочу соблазнить моих людей понять в полной мере – что и они блаженны. Меня невозможно обожествить – я уже сделал это. Что же осталось вам? Я не завишу ни от кого.

Перед тем, как я покину мир, я обязательно сделаю вот что – пусть это будет между нами, никому не рассказывай – перед тем, как я покину мир, я провозглашу всех моих саньясинов блаженными. Тысячи Ошо по всему миру! Не нужно будет создавать для меня никаких особых алтарей – я буду растворен в моих людях. Так же как вы можете попробовать воду моря на вкус, и оно везде будет соленым, вы сможете попробовать любого из моих саньясинов, и вы найдете тот же вкус – вкус Ошо, вкус блаженного. Я жду подходящего мгновения.

Когда будет создана новая коммуна, всех моих саньясинов будут звать блаженными. Это будет в самом деле движение блаженных.

Второй вопрос:

Ошо, если жизнь так прекрасна, зачем тогда быть просветленным и не рождаться вновь?

Дэва Випул, вовсе не к чему. Именно это я продолжаю говорить вам, но вы не слушаете. Ваш вопрос показывает, что вы не слушали. Вопрос начинается:

...если жизнь так прекрасна...

«Если» и «но» не подходят. Если жизнь прекрасна, тогда вам нужно быть просветленным. Жизнь прекрасна, поэтому не нужно быть просветленным. Випул, ты что же, поляк?

Дама искала в книжном магазине книгу в подарок больному польскому другу. Когда ее спросили, хочет ли она чего-нибудь религиозного, она ответила: «О нет, мой польский друг уже близок к выздоровлению!»

Если вы можете отбросить «если», тогда вы уже на пути к выздоровлению. Но это «если» присутствует – я могу это видеть, оно давит на вас, как огромная гора. Я не вижу смысла в том, чтобы быть просветленным. Все уже и так прекрасно как есть. Но если вы начинаете с гипотетического вопроса,

тогда вы не почувствовали жизнь. Отбросьте «если», и вы просветленный. Больше просветления ничего нет. Это простое признание того факта, что вы без необходимости бегали за своим собственным хвостом. И когда вы поймете это, вы можете прекратить это делать, просто сесть на солнце и позагорать.

Фермер-поляк был удивлен тем, что у него во дворе так тихо. Однажды он решил выяснить, что за этим стоит, и спросил об этом своего рабочего, который шел по направлению к сараю.

«Мы там играем в веселую игру. Девушки прячутся головой в сено, а потом угадывают, кто это сделал».

«Это забавно. Нельзя ли к вам присоединиться?»

«Наверное, можно», – сказал рабочий. – «Ваша жена играет в нее уже шесть недель».

Вы можете присоединиться, но отбросьте «если». Те, кто отбросил «если», уже присоединились. Будды, Кришны и Заратустры присоединились к этой игре, просто отбросив «если». Но, Випул, очень трудно отбросить «если» и «но» – ум состоит из них; это основа ума. А все умы это поляки, помни.

Папа Польский, в конце концов, убедил своих кардиналов найти для него женщину, чтобы он смог лучше понять проблемы человечества.

«Во-первых», – сказал Папа, – «у нее должны быть определенные качества. Она должна быть слепой, чтобы не видеть, что я делаю с ней. Во-вторых, она должна быть глухой, чтобы не слышать, что я говорю, и в-третьих, у нее должна быть самая большая грудь в Италии».

Люди пытаются играть в игру жизни с определенными условиями – и эти условия мешают им. Жизнь это прекрасная игра, если вы не ставите ей никаких условий. Если вы можете просто погрузиться в нее, без всяких «если», без всяких «но», тогда не нужно просветления. Вот что, в конце концов, имеется в виду под просветлением – расслабленный, спокойный подход к жизни, глубокая синхронность с существованием, общение с целым без эго.

Польская стриптизерша пришла в театр на аудиенцию с директором. Перед началом представления она положила на середину сцены большое красное яблоко и под аккомпанемент мягкой сексуальной музыки она начала свой номер.

Музыка доходит до кульминации; она почти раздета. Грохочут цимбалы и барабаны, и к удивлению директора она наклоняется над сценой, делает три впечатляющих пируэта и садится на большое красное яблоко.

Когда она поднялась, чтобы поклониться, яблоко уже исчезло. Директор восторженно хлопает ей:

«Вы прославитесь на весь мир. Мы организуем выступления в больших театрах Токио, Гамбурга, Нью-Йорка и Парижа».

«Только не Париж», – говорит стриптизерша испуганно.

«Почему не Париж?» – спрашивает директор. – «Это один из самых подходящих городов для твоего номера».

«Нет, только не Париж! В Париже моя мама проделывает этот номер с арбузом!»

Третий вопрос:

Ошо, что заставляет рыбу прыгать из воды?

Стивен Лайонс, это странный вопрос... он рыбий. Был ли ты рыбой в своей прошлой жизни, или ты планируешь родиться рыбой в будущем? Я не знаю многого о рыбах и их умах, но думаю, что они подобны вам: им надоедает один и тот же океан, та же вода, это очевидно. Возможно, они

выпрыгивают из воды, просто чтобы увидеть, что вокруг. Возможно, они ищут просветления, нирваны. Или, возможно, они хотят выйти из известного, чтобы почувствовать вкус неизвестного.

Индийская мифология говорит, что первым воплощением Бога была рыба. Это кажется очень важным, потому что именно это говорят биологи: что жизнь началась в океане с рыбы. Рыба это наиболее простая форма жизни.

Итак, сравните... Даже рыба сомневается, вопрошает. И есть миллионы людей, которые вообще не спрашивают, не вопрошают. Они живут, набитые идеями – мусором, заимствованным у других, они не исследуют. То, что рыба выпрыгивает из воды, показывает вам, что вы упали даже ниже этого. Христианин остается христианином, индуист остается индуистом, а мусульманин остается мусульманином, и они даже настаивают на этом. Они намного хуже даже такой примитивной формы жизни, как рыба. Нужно исследовать, вопрошать. Вы случайно родились индуистом или мусульманином; это не ваше предназначение. Исследуйте, выпрыгивайте из воды, смотрите по сторонам. Доступны миллионы возможностей, и чем больше вы исследуете, тем больше вы. Чем больше вы идете в неизвестное, тем более интегрированными вы становитесь. Вызов неизвестного есть наиболее центрирующее явление в жизни.

Возможно, рыба выпрыгнула из воды, чтобы услышать одну из моих шуток.

Миссис Кантор подозревала, что муж изменяет ей с горничной. Так как ей нужно было провести несколько дней с больной матерью, она попросила своего маленького сына Харви приглядывать за папой и горничной. Когда она вернулась, она спросила:

«Харви, что-то случилось?»

«Ну», – сказал мальчик, – «папа и горничная пошли в спальню, сняли одежду, и...»

«Стой!» – закричала миссис Кантор. – «Мы подождем, пока папа придет домой».

И вот входит папа, его встречают раздраженная миссис Кантор, испуганная горничная и смущенный сын.

«Харви, расскажи мне, что случилось с папой и горничной?» – говорит миссис Кантор.

«Как я тебе уже сказал, мама», – говорит Харви, – «папа и горничная пошли в комнату и сняли свою одежду».

«Да, да, продолжай, Харви», – говорит миссис Кантор нетерпеливо, – «что они стали делать дальше?»

Харви отвечает: «Мама, они делали то же самое, что и вы с дядей Берни, когда папа был в Чикаго!»

Поэтому, Стивен Лайонс, когда ты вновь увидишь, как рыба выпрыгивает из воды, пожалуйста, расскажи ей шутку.

Хорошенькая девушка подходит к высокому красивому мужчине.

«О!» – вздыхает она. – «У вас такие мужественные руки!»

«Да», – отвечает мужчина, сжимая руку в кулак. Затем он показывает другой рукой на свои мышцы и говорит – «Восемнадцать дюймов. Я измерял».

«О!» – говорит девушка с восхищением. – «У вас такая большая прекрасная грудь».

Мужчина улыбается, поднимает руки кверху и говорит:

«Сорок пять дюймов, утром я измерял».

Девушка воодушевлена. Она смотрит вниз, указывает пальцем на его член и говорит: «Какой длины?»

«Два дюйма», – отвечает мужчина.

«Всего лишь?» – расстроено говорит девушка.

Мужчина глубоко вздыхает, смотрит на девушку и говорит:

«Конечно же, это расстояние от пола».

Вот видишь, Виной Томас, можно ли сделать религию из моих шуток? Можно ли сделать из моих шуток мертвую институцию? Это невозможно.

Последний вопрос:

Да, да, Ошо, да. Уже нет ни бутылки, ни меня, ни тебя, есть лишь моя пьяная радость, которая заставляет меня кружиться в экстазе. Но Ошо... В чем тут шутка?

Йога Лалита, высшая шутка, единственная шутка...

Великий философский деятель, Рико, однажды попросил Нансена разъяснить ему старый коан о гусе в бутылке.

«Если человек сажает гусенка в бутылку», – сказал Рико, – «и кормит его, пока тот не вырастет, как он сможет извлечь его наружу, не убив его или не разбив бутылку?»

Нансен громко хлопнул в ладоши и закричал: «Рико!»

«Да, Мастер», – сказал философ, вздрогнув.

«Смотри», – сказал Нансен, – «гусь снаружи!»

Это единственная высшая шутка существования. Вы уже просветленный. Вы уже Будда – вы притворяетесь, что вы не Будда, вы притворяетесь кем-то другим. А вся моя работа здесь в том, чтобы показать вам: «Смотри, Лалита, гусь снаружи!» Ты сделаешь все возможное, чтобы загнать его обратно в бутылку, потому что если гусь снаружи, тогда у тебя нет никаких проблем. А человек знает лишь как жить с проблемами. Он не знает, как жить без проблем. Поэтому он продолжает загонять гуся в бутылку.

Есть прекрасная история Рабиндраната Тагора.

Он говорит: «Я искал Бога тысячи жизней. Я видел его... Иногда далеко, у далекой звезды. Я стремился к нему... Но к тому времени, как я достигал его, он уходил далеко вперед. Это продолжалось снова и снова. В конце концов, я подошел к двери, и на ней была надпись: «Здесь живет Бог – дом Лао-цзы». В первый раз я начал сильно беспокоиться. Я начал очень волноваться. Дрожа, я поднялся по лестнице. Я собирался постучать в дверь, и вдруг, внезапно, я все понял. Если я постучу в дверь, и Бог откроет ее, что тогда? Тогда все кончено, мое странствие, мое путешествие, мои великие приключения, моя философия, моя поэзия – все стремление моего сердца – все кончено! Это будет самоубийством».

И видя все так кристально четко, Рабиндранат говорит: «Я снял свои ботинки, чтобы не шуметь – он может открыть дверь, и что тогда? И с того мгновения, когда я достиг последних ступеней лестницы, я больше не оглядывался назад. С того мгновения я бегу прочь уже тысячи лет, я все еще ищу Бога, хотя сейчас я знаю, где он живет, поэтому мне нужно лишь избегать дома Лао-цзы, я могу продолжать искать его везде, в любом другом месте. Страха нет... Но мне нужно избегать этого дома – этот дом преследует меня, я помню это в точности. Если случайно я войду в этот дом, тогда все кончено».

Это прекрасное озарение. Человек живет в проблемах, человек живет в несчастье. Чтобы жить без проблем, чтобы жить без несчастий, нужна настоящая храбрость. Я прожил без всяких проблем двадцать пять лет, и я знаю, что это подобно самоубийству. Я просто продолжаю сидеть в своей комнате, ничего не делая. Нечего делать. Если вы можете позволить этой тишине проникнуть в само ваше бытие, лишь тогда вы будете способны выпустить гуся из бутылки. В противном случае, это возможно лишь на мгновение. И вновь вы будете заталкивать гуся обратно в бутылку. Это дает вам какое-то занятие; это занимает вас, держит вас в напряжении, в тревоге. В то мгновение, когда нет проблем, нет и ума. В то мгновение, когда нет проблем, нет и эго. Эго и ум могут существовать лишь, если существуют проблемы. Насколько я вижу, человек создает проблемы, чтобы подпитывать свое эго. Если нет настоящих проблем, он изобретет их. Но он обязательно изобретет их, иначе его ум не может больше функционировать.

Поэтому, Лалита, вот мое простое заявление: все божественно. Деревья, камни и скалы, и горы, и звезды, - все божественно. Гусь никогда не был в бутылке. Лишь человек, который не может жить без проблем, заставляет гуся быть в бутылке, и затем спрашивает, как ему быть снаружи. А затем он ставит невозможные условия - во-первых, бутылку нельзя разбить, во-вторых, гуся нельзя убить.

А гусь уже вырос - он заполняет всю бутылку. Невозможно выполнить эти условия. Нужно либо разбить бутылку, что запрещено, либо убить гуся - и это неприемлемо. Нужно вытащить гуся, не убивая его и не разбивая бутылку. Это невозможно по самой природе вещей. 'Аис дхаммо санантано' - таков закон жизни. Это невозможно. Человек радуется тому, что это невозможно, потому что он может продолжать носить бутылку.

Я вижу, как Лалита таскает бутылку с гусем... Но истина в том, что бутылка существует лишь в вашем воображении, фантазии, она сделана из того же вещества, что и все сны.

Это самое трудное, что людям нужно принять. Поэтому столь многие против меня, потому что я говорю вам, что вы боги, что вы Будды, что нет другого бога кроме вас. Это наиболее трудно принять. Вы хотели бы быть грешниками, вы хотели бы быть виноватыми, вы хотели бы, чтобы вас бросили в ад, но вы не можете принять, что вы Будда, пробужденный, потому что тогда будут решены все проблемы. А когда проблемы решены, вы начинаете исчезать. А исчезнуть в целом есть единственное, что ценно, единственное, что имеет значение.

То, что я говорю вам, это не учение. Это место лишь средство, это поле Будды. Мне нужно отнять у вас то, чего у вас нет, и дать вам то, что у вас уже есть. Вам не нужно быть мне благодарными, потому что я не даю вам ничего нового. Я просто помогаю вам вспомнить.

Вы забыли язык своего бытия. Я пришел, чтобы обнаружить это - я вспомнил это сам. И с того дня, как я вспомнил это сам, я был в странной ситуации: я чувствовал к вам сострадание, и глубоко внутри я также смеялся над вами, потому что вы, в самом деле, не в беде. Вам не нужно сострадание, вам нужен молоток, вам нужен сильный удар по голове. Ваше страдание поддельно.

Экстаз это сама ваша природа.

Вы есть истина.

Вы есть любовь.

Вы есть блаженство.

Вы есть свобода.

ОБ АВТОРЕ

Большинство из нас проживает свою жизнь в мире времени, в воспоминаниях прошлого и предвкушении будущего. Только изредка мы касаемся безвременного измерения настоящего - в мгновения неожиданной красоты, или неожиданной опасности, во встрече с любимыми или при столкновении с неожиданным. Очень немногие люди выходят за пределы мира времени и ума, его амбиций и конкуренции и начинают жить в мире безвременности. И из тех, кому это удалось, лишь некоторые пытались поделиться своим опытом. Лао-Цзы, Гаутама Будда, Бодхидхарма... или, недавно, Георгий Гурджиев, Рамана Махарши, Кришнамурти - современники называли их эксцентричными или сумасшедшими; после смерти их называли «философами». И со временем они стали легендой - не людьми из плоти и крови, а возможно, мифологическими представлениями нашего общего желания перерастить ничтожность и тривиальность, выйти за пределы нашей ежедневной жизни.

Ошо - это тот, кто открыл дверь к проживанию своей жизни в безвременном измерении настоящего: он назвал себя «подлинным экзистенциалистом». И он посвятил свою жизнь тому, чтобы найти эту дверь, выйти из мира прошлого и будущего и открыть для себя мир вечности.

Ошо родился в Кучваде, Мадхья Прадеш, Индия, 11 декабря 1931. С раннего детства он обладал мятежной и независимой душой и настаивал более на лично приобретенном опыте истины, чем на приобретении знания и верований, данных другими.

После просветления в возрасте двадцати одного года, Ошо закончил свое академическое обучение и провел несколько лет, преподавая философию в Университете города Джабалпур. В это время он много путешествовал по Индии, давая беседы, бросая вызов ортодоксальным религиозным лидерам в публичных диспутах, ставя под сомнение традиционные верования и встречаясь с разными людьми. Он интенсивно читал, и все что он мог найти, расширяло его понимание религиозных систем и философии современного человека.

В конце шестидесятых годов Ошо разработал свои уникальные техники динамических медитаций. Он говорит, что современный человек так загружен старомодными традициями прошлого и волнениями ежедневной жизни, что он должен пройти через процесс глубокого очищения до того как он может надеяться на спокойное, расслабленное состояние медитации.

В начале семидесятых годов на Западе впервые услышали об Ошо. В 1974 году в городе Пуна вокруг него выросла коммуна, и поток гостей с Запада вскоре превратился в наводнение. В течение своей работы Ошо затронул практически все аспекты человеческого сознания. Он утверждал, что суть духовных поисков современного человека основана не на интеллектуальном понимании, а на собственном экзистенциальном опыте.

Он не принадлежит ни к какой традиции. Он говорит: «Я есть начало совершенно нового религиозного сознания. Пожалуйста, не связывайте меня с прошлым – о нем можно забыть».

Его беседы с учениками и искателями со всего мира были опубликованы в более чем шестистах томах и переведены на более чем тридцать языков. Он говорит: «Мое послание – это не доктрина, не философия. Мое послание – это некая алхимия, наука трансформации, поэтому только те, кто готов умереть в своем нынешнем состоянии и родиться вновь настолько новыми, что они даже не могут представить сейчас... только эти смелые люди будут готовы слушать, потому что слушание будет рискованным».

Слушая, вы делаете первый шаг по возрождению. Это не философия, чтобы прикрываться и хвастаться ею. Это не доктрина, где вы можете найти утешение, когда вас тревожат вопросы. Нет, мое послание не связано со словами. Оно намного более рискованно. Это не что иное, как смерть и рождение».

Ошо покинул свое тело 19 января 1990 года. Его огромная коммуна в Индии остается крупнейшим центром духовного роста в мире, привлекающим тысячи людей со всего мира, которые приходят, чтобы участвовать в медитациях, психотерапии, работе с телом и программах созидания, или для того, чтобы испытать поле будды.

www.koob.ru